

Костромской государственной историко-архитектурной
и художественной музей-заповедник

МУЗЕЙНЫЙ ХРОНОГРАФ 2012

Кострома
2012

УДК 006.9(471.317)

ББК 79.1

М 895

Рекомендовано к печати Ученым советом
Костромского государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

Редакционная коллегия:

Н. В. Павличкова (гл. ред.), И. С. Наградов (отв. ред.),

О. Н. Румянцева (секретарь)

М 895 Музейный хронограф 2012. Сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника / ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома: Костромаиздат, 2012. – 200 с.

Третий выпуск «Музейного хронографа» знакомит читателей с новыми исследованиями в области истории и культуры Костромского края. Статьи распределены по традиционным разделам: «Из истории костромского края», «Музейное собрание Костромского музея-заповедника», «Художественное творчество в жизни костромской земли», «Публикация исторических источников из собрания Костромского музея-заповедника».

Для широкого круга читателей.

УДК 006.9(471.317)

ББК 79.1

Научное издание

Музейный хронограф 2012

Сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника

Художественный редактор И. Ю. Соглачаева

При подготовке издания использованы фотографии
из собрания Костромского музея-заповедника

Подписано в печать 20.09.2012. Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 100 экз. Заказ № 142

ООО «Костромаиздат». 156000, г. Кострома, ул. Горная, 20а. (4942) 31-61-30

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2012

© И. Ю. Соглачаева, оформление

© ООО «Костромаиздат»

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Раздел 1. Из истории Костромского края	7
Баранов В. С. Восточные связи Костромского Поволжья в эпоху средневековья по археологическим материалам (к постановке проблемы)	7
Веселова Е. Г. Диалектные черты языка литературных произведений Е. В. Честнякова: глагольная лексика	15
Герасимова Т. Н. «Как это было...» (Образовательные программы в послевоенный период в Чухломском районе).....	20
Кузьмичёв И. А., Хохлова О. В. Из истории рыбного промысла г. Галича XV – нач. XVII вв.....	26
Лихачёва В. В. Быт и уклад жизни сельского населения Межевского района в период Великой Отечественной войны.....	34
Никишина Н. Г. В зеркале дел государевых. Именитые дома купеческой Нерехты	42
Рябинцев С. В. Вера костромских крестьян в «куриного бога» (по материалам Костромского музея-заповедника).....	66
Удовенко Г. В. Возвращение из забвения. Из истории церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Котеле	71
Хохлова О. В. Несколько слов о родине Е. В. Честнякова	77
Шипалетова Н. А. Кологривский Народный театр (кон. XIX – нач. XX вв.).....	82
Раздел 2. Музейное собрание Костромского музея-заповедника	88
Груздева Т. А. Петровская игрушка в собрании Сусанинского краеведческого музея.....	88
Новожилова Л. Н. Частные коллекции из собрания Костромского музея-заповедника: проблемы выявления и изучения	94
Сотников Н. В. Экспонат из Галичского краеведческого музея....	102

Раздел 3. Художественное творчество в жизни костромской земли.....	106
Каткова С. С. Амвросий Романов. Новое имя в иконописи.....	106
Лужняк Т. Н. Красносельская художественная ремесленная ар- тель	117
Сухарева Т. П. Музей живописной культуры в Костроме.....	122
Уткина А. С. «В зените славы (Красносельская скань 60-х – нач. 80-х гг. XX в.)»	139
Раздел 4. Публикация исторических источников из собрания Костромского музея-заповедника	149
Цветков С. В. Отчеты об археологических раскопках Дурасов- ского городища – источники по ранней истории костромской земли	149
Отчеты Горюновой по археологическим раскопкам Дурасовского городища в 1955–1956 гг. Работы Костромского отряда Сред- нерусской экспедиции ИИМК и Костромского Краеведческо- го музея в 1955 году.....	152
Отчет об археологических исследованиях 1956 г. в Костромской области.....	158
Семёнова А. В. Загадка монахини Аркадии.....	181
Гардер Л. Г. Материалы для определения личности таинствен- ной пучежской странницы Варвары Мироновны Назарьевой или инокини Аркадии.....	183
Список условных сокращений	201

ОТ РЕДАКЦИИ

Сотрудники Костромского музея-заповедника продолжают изучение истории и культуры костромского края через призму музейных предметов и документальных свидетельств. Перед Вами, уважаемые читатели, третий выпуск «Музейного хронографа», содержащий традиционные рубрики: «Из истории костромского края», «Музейное собрание», «Художественное творчество в жизни костромской земли» и «Публикация исторических источников из собрания Костромского музея-заповедника». В сборник вошли статьи научных сотрудников Костромского музея-заповедника и его филиалов.

Самым обширным по объему является первый раздел сборника «Из истории костромского края», посвященный историческим и лингвокультурологическим темам. В нем представлены два исследования на основе изучения говоров Кологривского района Костромской области: «Несколько слов о родине Е. В. Честнякова» О. В. Хохловой и «Диалектные черты языка литературных произведений Е. В. Честнякова: глагольная лексика» Е. Г. Веселовой. В основе ряда исследований лежат документальные свидетельства, записанные по словам живых свидетелей событий или найденные в архивах. Это работы: Н. Г. Никишиной «В зеркале дел государевых. Именитые дома купеческой Нерехты», Т. Н. Герасимовой «Как это было...» (Образовательные программы в послевоенный период в Чухломском районе), В. В. Лихачёвой «Быт и уклад жизни сельского населения Межевского района в период Великой Отечественной войны». В статьях В. С. Баранова, С. В. Рябинцева, Г. В. Удовенко, Н. А. Шипалетовой, И. А. Кузьмичева и О. В. Хохловой исследуются отдельные сюжеты истории костромского края.

Учеными установлено, что музейный предмет олицетворяет прошлое, являясь артефактом, воспроизводит формы социальности, цивилизации и предстаёт как реализация человеком «тех побуждений, которые не являются инстинктивными»¹. Изучение предметов и коллекций музея помогает воссоздать общественные настроения, представить изменение мировоззрения, развитие техники и ремесел. Статьи, в которых авторы обращаются к артефактам, делятся на две

¹ Гуревич П.С. Культурология. Учебное пособие. М., 1996. С. 21.

группы: знакомящие с предметами музейного собрания («Петровская игрушка...», «Экспонат из Галичского музея...») и истолковывающие (отображающие) явления или события прошлого: «Частные коллекции из собрания Костромского музея-заповедника...». Эти статьи помещены во второй раздел сборника.

Небольшой по объему, но значительный по содержанию раздел «Художественное творчество в жизни костромской земли» содержит четыре подробные, насыщенные фактическим материалом статьи: «Амвросий Романов. Новой имя в иконописи» (С. С. Каткова), «Красносельская художественная ремесленная артель (кон. XIX – нач. XX вв.)» (Т. Н. Лужняк), «В зените славы (Красносельская скань 60-х – нач. 80-х гг. XX в.)» (А. С. Уткина) и «Музей живописной культуры в Костроме» (Т. П. Сухарева). На сегодняшний день коллекция скани, выполненная красносельскими ювелирами и коллекция русского авангарда, поступившая из Музея живописной культуры, являются подлинными жемчужинами собрания Костромского музея-заповедника.

Исследование документов выявляет их потенциал, репрезентирует их как основу реконструкции культурных процессов, поэтому каждый выпуск «Музейного хронографа» обязательно содержит в своем составе публикацию исторических источников. В настоящий сборник вошли две публикации: «Загадка монахини Аркадии» и «Отчеты об археологических раскопках Дурасовского городища», предваряющиеся сведениями об авторах: Л. Г. Гардере и Е. И. Горюновой. Публикации подготовлены к печати научным сотрудником А. В. Семёновой и историком С. В. Цветковым.

Книга предназначена для историков, краеведов, музеологов, преподавателей и студентов гуманитарных специальностей ВУЗов, а также для всех интересующихся историей и культурой костромского края.

РАЗДЕЛ 1. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Баранов В. С., к.и.н.,
старший научный сотрудник
отдела хранения
Костромского музея-заповедника

ВОСТОЧНЫЕ СВЯЗИ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Многолетнее изучение памятников Северо-Восточной Руси выявило их глубокую интеграцию в систему международных связей средневековья. Это касается как включения этих территорий в функционирование крупнейших торговых коммуникаций (магистралей) Восточной Европы – Великого Волжского, Днепровского, Сухоно-Вычегодского путей, так и налаживания взаимоотношений на уровне отдельных региональных участков.

Аналізу контактов древнерусских земель со Средним Поволжьем и Прикамьем посвящены многочисленные исследования. В первую очередь это работы М. Д. Полубояриновой, которая на основе всестороннего анализа письменных источников и археологических материалов проследила широкую степень взаимодействия

древнерусского и болгарского культурных компонентов как домонгольского времени, так и в золотоордынский период¹.

Район Костромского Поволжья до последнего времени выпадал из этого контекста, как из-за недостаточного количества источников, обусловленного уровнем изученности средневековых памятников, так и ввиду отсутствия постановки проблемы.

В настоящее время в результате археологических исследований проведенных в г. Костроме и области накоплен материал, свидетельствующий о восточном импорте на территории края в XIII–XIV вв. и в более ранний период.

Так, при изучении отложений IX–X вв. культурного слоя городища Унорож – центрального поселения локальной финно-угорской группы, обитавшей в районе будущего города Галича Мерьского, были найдены подтверждения «о включении поселения в систему международных торговых связей», о чем говорят находки болгарской керамики и появление восточных монет (дирхем конца IX–X вв.). По мнению Е. А. Рябинина, достаточно четко прослеживается восточное направление связей унорожской группы населения с Ветлужско-Вятским междуречьем, прежде всего с бассейном р. Чепцы, осуществляемое через Сухоно-Вычегодский торговый путь и сопутствующую ему систему многочисленных волоков, позволяющих легко проникать к югу от магистральной трассы, в район Галичского озера и по рекам Юг и Кострома – в область Костромского Поволжья². Об этом писала Е. И. Горюнова, уделявшая большое внимание истокам связей костромской мери с культурными традициями Волго-Камья, считая округу Галичского озера местом международной пушной торговли с булгарами, а еще раньше с приуральскими племенами³. Прикамский культурный компонент прослеживается в группе древностей Поповского городища, расположенного в бас-

¹ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. – М., 1993. Она же: Русские люди в Золотой Орде. – М., 1978. В этих работах имеется также исчерпывающая историография данного вопроса

² Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. – СПб., 1997. – С. 162.

³ Горюнова Е. И. Мера и мари // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967. – С.151.

сейне р. Унжи. Через Прикамье на городище попала расписная сердоликовая бусина VII в.⁴

К предметам восточного импорта периода славянской колонизации края конца XI–XIII вв. следует отнести бусы из сердолика и горного хрусталя, происходящие из курганных комплексов (известно 52 экземпляра из 23 погребений)⁵. По мнению М. Д. Полубояриновой, «через болгар на запад и северо-запад шли восточные серебряные монеты, бусы из сердолика, горного хрусталя и других полудрагоценных камней, изготовленные ремесленниками Средней Азии и Индии, раковины каури с берегов Индийского океана, иранская поливная керамика»⁶.

Исследования исторического культурного слоя Костромы, начатые в 1951 г. (Фехнер М.В.), систематически проводящиеся в рамках охранных работ с 1989 г. вначале археологической экспедицией Марийского университета (Зеленеев Ю.А.), а затем Костромской экспедицией Государственного научно-производственного центра по сохранению, реставрации и использованию памятников Костромской области (Алексеев С.И.) и областного государственного учреждения «Наследие» (Алексеев С.И., Новиков А.В.) позволили собрать сведения о восточном импорте второй половины XIII–XIV вв.⁷

На территории исторического центра г. Костромы в настоящее время известны не менее 9 местонахождений предметов восточного импорта. Среди них фрагменты гончарной красноглиняной лощеной керамики, которую можно идентифицировать с ремесленной посудой общеболгарского типа (в первую очередь тарной); обломки красноглиняной нелощеной посуды, близкой по облику керамике из золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Известны находки поливной красноглиняной посуды с зеленой поливой и кашинной столовой посуды с бирюзовой и ультрамариновой глазурью и подглазурной росписью, дужки медного котла, сердоликовой бусины

⁴ Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. – М., 1996. – С. 251.

⁵ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – М., 1986. – С.63.

⁶ Полубояринова М.Д. Указ. соч. – С. 117.

⁷ Археология Костромского края. – Кострома, 1997. – С. 202, 226.

XIII – начала XIV вв. Большинство из этих предметов найдены в составе инвентаря жилых и хозяйственных комплексов городской застройки⁸.

Следует отметить, в ряде случаев, корреляцию поливной кашинной посуды с находками ювелирного инструментария и стеклянными браслетами различных типов.

Интересна находка развала горловины и днища болгарской корчаги на территории завода «Фанплит», расположенного на левом берегу р. Волги, рядом с историческим ядром города (Новиков А. В., Розов С.Е.)⁹. Изготовление этого сосуда можно отнести к одному из керамических центров Волжской Болгарии золотоордынского времени. По своему внешнему облику и технологическим особенностям он близок подобной продукции, производимой в одной из мастерских города Болгара¹⁰. Находка изделия в непосредственной близости от реки неслучайна, так как посуда такого типа использовалась для хранения и перевозки больших объемов сыпучих грузов и жидкостей (например, зерна или масла). Правомерно предположить, что подобные грузы доставлялись в Кострому, которая в XIII–XIV вв. становится одним из крупных торгово-ремесленных городов Руси, из Среднего Поволжья водным путем.

Интересны находки, сделанные в самой северо-восточной части Костромской области, в Вохомском районе. Здесь в 2001 году во время изучения городища Городок XII–XVII вв., расположенного на левом берегу р. Вохма, притока р. Ветлуги (исследователь Новиков А.В.) были найдены 2 фрагмента кашинной керамики золотоордынского времени¹¹. Фрагменты с обеих сторон покрыты

⁸ Алексеев С.И. Материалы к археологической карте г. Костромы // Историко-археологическое изучение Поволжья. Межвузовский сборник. – Йошкар-Ола, 1994. – С. 73, 74, 79; Он же: Итоги археологических исследований в Костроме и Костромской области (1989-2000 гг.) // Вестник Костромской археологической экспедиции. Выпуск 1. – Кострома, 2001. – С.31 – 35.

⁹ Шифр: Фп. К – 06.

¹⁰ Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С. 77, 79. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. – Казань, 2002. – С. 121. Подтип 2-Б по Н.А. Кокориной.

¹¹ Находятся на хранении в фонде «Археология» Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. КМЗ ОФ-98/43, КМЗ ОФ-98/44.

бирюзовой прозрачной поливой. С внешней стороны видны следы монохромной подглазурной росписи темного цвета (ввиду размеров фрагментов – неразборчивы). Форма изделия практически не угадывается, однако можно предположить, что данные фрагменты являлись стенками столового сосуда, принадлежащего представителям местной социальной верхушки. Интересен сам факт попадания данного изделия в столь отдаленный район, свидетельствующий, вероятно, о бытовании в золотоордынское время торговых путей по р. Ветлуге.

Таким образом, наличие связей Костромского Поволжья с районом Волго-Камья, способствующих проникновению на северо-восток края древностей восточного круга, можно проследить уже с VII в. Они могли осуществляться на основе контактов местного населения с финно-угорским миром Прикамья, имевшим в свою очередь связи с населением Среднего Поволжья, регион которого был перевалочным пунктом на пути восточного импорта.

В IX–X вв. эти контакты усиливаются в связи с развертыванием системы международной торговли и участием в ней новых групп населения, среди которых активное место занимают волжские болгары. Не исключено их проникновение в район Галичского озера, о чем свидетельствуют находки в раннем слое городища Унорож.

Следующий этап связан с ростом значения костромского отрезка волжской торговой магистрали, основанием Костромы в последней трети XII – начале XIII вв.¹² и превращением ее в один из динамично развивающихся торгово-ремесленных городов Северо-Восточной Руси. Во 2-й половине XIII–XIV вв. на территории города появляются комплексы с посудой, характерной для Волжской Болгарии и золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Они немногочисленны, но в подавляющем большинстве случаев могут свидетельствовать о привилегированном социальном статусе владельцев, очевидно, представителей торгово-ремесленной верхушки города. Экономические связи Костромы с Волжской Болгарией и городами Золотой Орды не могли не способствовать появлению здесь болгарских и ордынских купцов, через посредничество которых в город попадали

¹² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. – М., 1984. – С. 93 – 94.

восточные товары. Не исключено их длительное проживание в городе, во время проведения торговых операций.

В. Н. Татищев говорит о болгарях, которые, бежали на Русь в 1236 г. от монгольского нашествия, и были расселены великим князем Юрием Всеволодовичем по городам вдоль Волги¹³. С этими сведениями А. Х. Халиков связывал предположение о появлении сел с болгарскими выходцами около Костромы и выше по Волге, в частности в Новоторжеской земле под Тверью¹⁴. Существование в Костроме или рядом с ней болгарского поселения не противоречит имеющимся данным, но требует специального археологического изучения.

На территории Волжской Болгарии появление выходцев из Костромского Поволжья может быть отмечено находками полых коньковых подвесок с шумящими привесками I-II типов (по типологии Л. А. Голубевой), производство которых, находилось в Костромском Поволжье в XII – начале XIV вв.¹⁵ Е.А. Рябинин выделяет эти «разнообразные по деталям исполнения подвески, сочетающие в себе образ коня и птицы» в тип XIX и датирует их XII–XIII вв.¹⁶ Находки этих изделий известны на территории Биляра и Тетюшского городища золотоордынского времени¹⁷. Из Костромского Поволжья в Волжскую Болгарию могла попадать и часть плоских зооморфных подвесок без ажурных прорезей в виде «уточек» с привесками – гусиными лапами или бубенцами (тип V по Е.А. Рябину), которые изготавливались в Костромском Поволжье и Прикамье и бытовали в XII–XIII вв.¹⁸ Такие изделия зафиксированы в материалах ряда болгарских селищ¹⁹.

¹³ Татищев История российская с самых древних времен. – М., Л., 1964. – Т. 3. – С. 230.

¹⁴ Халиков А. Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань, 1994. – С. 35–36.

¹⁵ Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М., 1979. Вып. EI-59. С. 39 – 41; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. EI-60. – С. 42.

¹⁶ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье С. 81.

¹⁷ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария... С. 75, 87.

¹⁸ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье ...С. 81.

¹⁹ Руденко К. А. материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI – XIV вв. – Казань, 2001.

Таким образом, представляется возможным констатировать наличие довольно устойчивых связей между двумя регионами, основанными, вероятно, в первую очередь на торговых и экономических отношениях. Болгары могли предлагать жителям Костромского Поволжья предметы восточного импорта, столовую посуду, хлеб, взамен требуя пушнину, и возможно, соль (разработка соляных источников, расположенных на территории Костромского Поволжья, в этот период уже, очевидно, начинается)²⁰.

Другой составляющей этих контактов, являются связи, возникающие в результате миграционных процессов. По определению А. П. Казакова «во второй половине домонгольского периода в марийские земли переселяются группы населения (предположительно мерянского) из Костромского края»²¹. Причиной этого он называет усиление княжеской власти в Верхнем Поволжье, процессы славянизации и христианизации местного населения. Следы миграций верхневолжских финнов выявлены в памятниках Поветлужья и в стране волжских болгар, известных своей веротерпимостью²². Вероятно, эти процессы коснулись, в первую очередь тех групп «чудского» населения, которые занимали прибрежные участки Волги, и чьи земли первыми стали на пути колонизационных волн. Ассимиляция их завершилась к концу XIII века, что нельзя сказать о тех финно-угорских коллективах, которые оказались вне зоны начальной древнерусской колонизации и еще долго сохраняли свою этническую самобытность (волости и станы с «нерусскими наименованиями» – Иледам, Ликурги, Шачебал, Шухомаш, Мерский стан в пределах Костромской области – известны по актам XIV–XVI вв.)²³.

Проблема связей Костромского Поволжья и Волжской Болгарии, несомненно, требует дальнейшего изучения. В этой связи, первой задачей могло бы стать накопление источниковой базы, в частности, выделение круга восточного импорта и собственно

²⁰ Археологическая карта России. Под. ред. Ю. А. Краснова. Костромская область. – М., 1999. – С. 66.

²¹ Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань, 2007. – С.90

²² Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. – Казань, 1997. – №1. – С.40.

²³ Рябинин Е.А. Костромское Поволжье ... С. 128.

волжско-болгарских вещей в археологических комплексах средневековья, расположенных на территории Костромской области. Последовательная работа с древнерусскими коллекциями таких широко и планомерно изучаемых памятников Среднего Поволжья, как Болгарское городище X–XV вв. и др., позволила бы существенно расширить комплекс предметов, маркирующих Костромское Поволжье, среди древнерусских вещей, находимых в Волго-Камье.

Перспективным может оказаться изучение различных культурных взаимо-влияний и заимствований (производственных, технологических, бытовых), исследование динамики коммуникационных процессов и их роли в формировании социально-культурного облика населения Костромского края и Среднего Поволжья.

Веселова Е. Г.,
старший научный сотрудник
художественного отдела
Костромского музея-заповедника

ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА: ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

С каждым годом все больше исследователей науки, искусства, культуры и просто неравнодушных почитателей обращаются к творческому наследию Е.В. Честнякова, личности с поистине многогранным талантом. Для лингвистов особый интерес представляют своеобразные черты языка литературных произведений Е. В. Честнякова. Будучи образованным человеком, в то же время Честняков являлся носителем кологривского говора, на котором общался с жителями родной деревни Шаблово и особенности которого в полной мере отразил в своих сказках, стихах, пьесах и др. Это подтверждают и материалы, собранные нами во время полевых экспедиций на родину Е. В. Честнякова.

Мантуровский краевед-диалектолог А. В. Громов описал говоры Верхней Унжи в разных направлениях, но до этого большой вклад в дело знакомства с поунженскими говорами, в частности с его лексическим составом, внёс Е. В. Честняков.

В нашем исследовании обратимся к глагольной лексике, извлеченной из произведений Е. В. Честнякова. В человеческом общении глаголы имеют особое значение: являясь центральной частью предложения, отвечают за его динамику и управляют ситуацией. Глаголы, извлечённые из произведений Е. В. Честнякова, обладают самой разнообразной семантикой: это глаголы движения: *гонить, городить, затынить, орать*, и др.; речи: *баять, беседовать, вопить, гоучить, покрикивать, разгогоняться, разбрыкать* и др.; мысли: *ведать, измыслить, сумлеваться* и др.; природных процессов: *валюжить* (о снеге), *раскорветь*; физического и психического

состояния человека: *сулить, займоваться, благовать, заботиться* и др; обладания и принадлежности: *большичатъ, володовать* и др.; произвольного звучания: *керкать, шуширкать, шерготить* и др. Значительная их часть архаична по отношению к лексическому составу современного русского языка. Например, слово *голчить* (гоўчить) со значением ‘говорить, рассказывать’ неоднократно встречается в текстах Е. В. Честнякова (в настоящее время кологривчане его практически не употребляют в речи): *А бабы гоучат: не хватит отваги* (Стафий). *Пестемий ровно что гоучит* (Свадьба. Яр.). В СРНГ отмечено еще несколько оттенков значений этой лексемы: 1) ‘кричать’, Яросл., Волог., Тамб., Ворон. 2) ‘спорить’, Твер., Ряз., Орл. 3) ‘звать, при-зывать’, Яросл., Костр., Ряз., Твер. 4) ‘вызывать эх’, Южн.- Сиб. ¹ О его былом широком бытовании в поунженской речи (междуречье Костромы и Унжи) свидетельствуют материалы Н. Нерехотского по чухломским говорам и по говорам других уездов Костромской губернии, помещённых в «Трудах Общества любителей российской словесности»². Так, у Нерехотского слово *голчить*, является заголовочным словом словарной статьи и толкуется так: «говорить, а в дальнейших местах оть самага города употребляютъ вместо сего слова: зетить, напр., я не знаю, что ты зетишь». Как видим, аргогическое слово *зетить* здесь является синонимом к слову *голчить* и, по всей видимости, подчёркивает его безоттеночный, нейтрально-разговорный характер и общее значение ‘говорить’.

В произведениях Е. В. Честнякова встречаются также глаголы, которые имеют распространение и в литературном языке, однако при более глубоком рассмотрении на фоне контекстов его произведений, заметно, что эти слова обладают своей спецификой значения. Например, глагол *вопить* в БАСе ‘издавать громкий, жалобный крик’ несет в себе отрицательный оттенок значения³. У Е. В. Честнякова в сказке «Сергиюшко» данная лексема, как и сейчас в живых

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 1 и др. / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова – М.-Л., 1965.

² Нерехотский Н. Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда. Тр. Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. Ч. 20. Летописи Общества. Год 5. М., 1820.

³ Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. М.-Л., 1950-1961.

кологривских говорах, не несет в себе негативной окраски, подобно глаголу *орать*, и употребляется в значении ‘звать’, возможно, с дополнительной семой ‘громко’ и иным управлением:

Ходит коло пенечков, ягодки забирает, а домашние воят:

Сергиюшко, тут ли ты, не заблудился!

Тут, тут! – откликается.

И слышит парнёк, воят: «Сергиюшко, у – а» (Сергиюшко)⁴.

Раньше-то в лесу вопили. По ягоды пойдём, старухи и говорят: Ну, вопи её, вопи, чтоб не заблудилась (д. Малая горка Кологривского района, Веселова Таисия Федоровна, запись автора).

Следует отметить, что большая часть извлеченных нами из произведений Е. В. Честнякова глаголов образована префиксальным способом: *выглядеть, выгостить, вымежить, вымыть, вынать, выстегать, загрозиться, задыбеть, задышаться, испить, испросить, испрохудиться, напомахивать, осердиться, оповязать* и др. Наиболее частотны префиксы *вы-, за-, из-, на-, о-, от-, пере-, по-, у-*. Как и в литературном языке, в кологривских говорах они приносят особое значение в слово, но нередко отличное от литературного. Например, глагол *испить* образован от *пить* с помощью префикса *ис-*, который в непереходных глаголах несет значение полноты изменения в состоянии субъекта⁵. В произведении Е. В. Честнякова и в живых кологривских говорах лексема имеет, наоборот, значение неполного действия или начала действия – ‘попить, немного выпить’:

С коробницей в руке

Подошла испить к реке (Федорок. Об.) 4.

Соседка баушка Аня всегда раньше летом мне говорила: «Таюшка, дай водички испить» (д. Малая горка Кологривского района, Веселова Таисия Фёдоровна, запись автора). В словаре Ушакова зафиксировано аналогичное значение ‘выпить, отпить немного’ с пометой простореч., обл.

Приставка *о-* в слове *оповязать* в говорах приносит в основное значение этих глаголов дополнительное: окружение, охват со всей

⁴ Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007.

⁵ Русская грамматика. М.: Изд-во «Наука». 1980. т. 1.

поверхности и завершение действия. В этом случае в литературном языке употребляется глагол с приставкой за-: *завязать*. Приставка за- в словах *закеркать* ‘закрякать’ *закуриться* ‘начать топиться’, *заторгачить* ‘зашуметь’, *заплетать* ‘начать плести лапоть или др.’, как и в литературном языке имеет значение начала действия, но соединяется с «нелитературной» основой⁶.

В текстах автора чётко определяются глаголы совершенного и несовершенного вида: *баять, брякать, ведать, гонить, городить, заплетать* и др. (несов.), *взорать, вымежить, выгостить, изладиться* и др. (сов.). Они различаются с внешней стороны морфологической структурой глагольной основы: приставками, суффиксами или чередованием гласных. Например, суффикс *-а-* характерен для несовершенного вида, а суффикс *-и-* для совершенного: *излажать – изладить, затоплять – затопить* и др. Среди глаголов несовершенного вида в поунженских говорах, судя по материалам Честнякова, широко распространены образования с суффиксом *-ыва-, -ива-*, имеющие значение многократного действия: *заганивать, напомахивать* и др. В своих произведениях автор запечатлел и архаические формы глаголов с доисторическими изменениями в основе, которые ещё недавно бытовали в говоре. Так, в сказке «Ручеёк» встречается глагол *оболонуть* со значением ‘окружить, облепить’: *Пескари ходят стадами по дну. И вот оболонули весь крючок, клюют наперехват* (Ручеёк) 4. В речи кологривских жителей это слово вышло из активного употребления. В СРНГ встречается *оболокать* со сходным значением ‘обтягивать чем-либо, закрывать’ Краснояр., Кемер., Якут. Очевидно, что эти лексемы восходят к древнерусскому *обволоати*, ‘надевать’, где позднее произошло упрощение *бв* на стыке приставки и корня и в слове *оболонуть* сочетания *-кн-* на стыке корня и суффикса *-ну*.

Отмечается также у Честнякова и наличие нескольких глагольных приставок у одного глагола, что в настоящее время в живых говорах значительно сократило свою зону бытования: *испрохудиться, напомахивать, напрокоделиться, насугорбиться, насуфырить, наумерить, переоболочья*.

⁶ Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. – М.: Гос. Уч.-Пед. Изд-во. 1958.

Главная идея нашего исследования глаголов у Е. В. Честнякова – показать специфику употребления глаголов в говоре, которые характеризуют его ещё как не разрушившегося под влиянием литературного языка, близкого к системе древнерусского (старорусского) языка с чётко обозначенной локальной северовеликорусской окраской. В этом плане будут конкретизированы и дальнейшие наши наблюдения.

СЛОВАРИ И СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т.1-17. М.-Л., 1950–1961.

ОБ – Ефим Честняков. Поэзия / Сост., вст. ст. Р.Е. Обухова. - М., 1999.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып.1 и др. / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова – М.-Л., 1965.

Ссылки на Сказки и Яр. см. в соответствующих сносках в книге Ганцовской Н. С. Живое поунженское слово (см. сноску).

Яр. – Е. В. Честняков. Сказки, сценки, стихи, пьесы [рукопись] / Сост. Е. В. Ярыгина // Архив Областного дома народного творчества.

Герасимова Т. Н.,
научный сотрудник
Чухломского краеведческого музея
им. А. Ф. Писемского (филиал КМЗ)

«КАК ЭТО БЫЛО...» (Образовательные программы в послевоенный период в Чухломском районе)

1951 год. Не так давно закончилась война. Разруха. Нужно создавать, крепить, восстанавливать былую мощь страны. Во всех отраслях промышленности и особенно в сельском хозяйстве – острая нехватка кадров. Для всех хозяйств злободневным являлся вопрос закрепления молодёжи на селе. Ведущую роль в решении этого вопроса играла школа. Большое внимание было направлено на создание материальной базы школ с сельскохозяйственным производством. Принимались меры к скорейшему оборудованию кабинетов машиноведения, животноводства, растениеводства, домоводства.

В эти нелёгкие годы начала свою трудовую биографию в Чухломской средней школе молодая учительница биологии, а ныне – ветеран педагогического труда Зинаида Михайловна Верховская.

*З. М. Верховская
1970. Чухлома*

Перед ней стояли непростые задачи – привить школьникам интерес и любовь к природе, воспитать трудолюбие, развить у них практические умения и навыки по выращиванию растений, проведению опытнической работы, направленной на решение задач, поставленных перед сельским хозяйством.

«Всё начиналось с малого, – вспоминает Зинаида Михайловна, – с пришкольного участка. Учебно-опытный участок в нашей школе занимал площадь равную двум гектарам. На 500 м² располагался сад, в котором росли:

35 яблонь, 15 слив, 20 вишен, груши, смородина, крыжовник, малина. Также 500 м² было отведено овощному отделу. Там выращивали бобовые, паслёновые культуры, корнеплоды, капусту. По 200 м² занимали плодово-ягодный питомник, где выращивали саженцы смородины, крыжовника, малины и питомник декоративных культур с саженцами сирени, акации, клёна, тополя, спиреи. На 100 м² коллекционного участка росли фасоль, луки, щавель, подсолнухи, кориандр, ревен, рыжик. Также 100 м² занимал коллекционный участок полевых культур. И, пожалуй, самый любимый отдел – цветник – раскинулся на 400 м².

Работа на участке требовала ежедневного кропотливого труда, который не прекращался даже зимой. Зимой обдумывали темы и подготавливали материал для будущих опытов, рассчитывали нормы удобрений и количество семян для посадки, составляли севообороты, собирали и заготавливали золу, намечали и утверждали планы работ. Опытническая работа проводилась по заданиям научно-исследовательских институтов и опытных станций. Вот лишь некоторые темы исследовательских работ школьников:

1. Вегетативное размножение картофеля.
2. Влияние органоминеральной смеси на урожай капусты.
3. Влияние замачивания семян на сроки прорастания свёклы.
4. Влияние пасынкования на урожай томатов.
5. Предпосевная обработка семян тыквенных.

Проводились опыты и с полевыми культурами по заданию колхозов. Это:

1. Влияние искусственного доопыления ржи на урожай.
2. Внесение различных доз древесной золы под лён.

Также ставились опыты с кукурузой, бобами, гибридом. Так, начав в 1964 году выращивание капустно-брюквенного гибрида сорта «Кузука» на пришкольном участке и получив хорошие урожаи, мы широко внедрили выращивание этой культуры в колхозе на площади 10 га.

В опытническую работу были вовлечены все классы, начиная с первого. По каждому опыту велись дневники наблюдений, составлялись отчёты, подводились итоги. Надо сказать, что ребята трудились на участке с увлечением. Своими силами построили

теплицу, соорудили парники, а по инициативе директора школы Погунеева Михаила Николаевича, даже – кроликоферму. Выращивали кроликов, количество которых доходило до 300 штук. Под руководством Верховского Бориса Николаевича была оборудована школьная мастерская».

Шли годы... В летнее время школьный участок представлял собой зелёную лабораторию, утопающую в цветах. Флоксы, люпины, ирисы, пионы, гвоздики, тюльпаны, дельфиниумы, георгины, лилии, астры – всего и не перечесать. С ранней весны до поздней осени яркие краски школьных клумб радовали глаза чухломичей.

Почти все учителя и учащиеся в то время состояли во Всероссийском обществе охраны природы и имели значки и удостоверения.

Много внимания уделялось озеленению улиц города, скверов, парка, обелисков. Из школьного питомника только в скверы были высажены тысячи саженцев гвоздик, флоксов, акации и тополей. Больше стало появляться цветов, зелени и у домов школьников, и жителей города. Ежегодно учителя и ученики участвовали в городских и районных выставках цветов, занимали призовые места и награждались грамотами.

Всё новое быстро находило отражение в школе. 11 октября 1961 года было положено начало хорошей традиции. В этот день учащиеся 5–10 классов собрались на праздник урожая. Яркими цветами была украшена сцена, много экспонатов, приветствие юных натуралистов – всё это выглядело красиво, торжественно и было запоминающимся.

Дело чести молодёжи –
Прославлять любимый край.
Костромской земле поможем
Дать высокий урожай!
Летят со сцены звонкие ребячьи голоса.
Есть у нас огород и на том огороде
Больше всех в этот год овощей мы разводим.
Всё растёт, всё цветёт сердцу – радостно даже,
Ой, хорош огород! Заходите – покажем.

Без ложной скромности рассказывают юннаты о своих успехах.

Чтоб на будущий год
По примеру юннатов
Завели огород
Все другие ребята.

Дают наказ школьники своим ровесникам:

Путь нам наметил
Пленум ЦК
Ясный, широкий путь.
В бой, молодёжь!
В руке рука
Горы можем свернуть!

Старания учителей и учеников не прошли даром. В 1964–1966 гг. школа была утверждена участником делегации области на ВДНХ СССР. В 1967 году школа за участие в районной выставке цветов получила грамоту. В 1970 г. юннатка Галина Смирнова стала чемпионкой по садоводству в областном соревновании.

Успехи опытнической работы с пришкольного участка помогли перейти на создание ученической производственной бригады. Завучем по производственному обучению была Галина Владимировна Козлова. Старшеклассники стали трудиться на полях и фермах колхоза «Россия» (д. Тимофеевское), колхозов и совхозов района. За бригадой в колхозе «Россия» было закреплено 126 га земли. Ребята участвовали во всех технологических процессах производства, начиная с обработки почвы и заканчивая уборкой урожая. Многие работы проводились вручную, но комсомольцы не боялись трудностей и брали на себя повышенные обязательства. Так, в 1971 году производственная бригада Чухломской средней школы в количестве 130 человек обязалась на полях колхоза «Россия» вырастить урожай гибрида на площади 4 га, капусты – на 4 га, картофеля – 13 га, льна – 15 га. При этом произвести следующие работы:

- 1) собрать золы 10 т;
- 2) вырастить рассады овощей на 700 м²;
- 3) выполнить посадку, подкормку и рыхление, полив рассады и уборку капусты и гибрида с площади 8 га;

- 4) подкормку, расстил льна и связку снопов на площади 15 га;
- 5) подборку картофеля с 13 га¹.

За трудовыми делами не забывали ребята и об отдыхе. Активно велась культурно-массовая работа, а примером для школьников были их наставники – учителя. В школе действовал хор педагогических работников, которым руководил Валентин Николаевич Бахвалов. Ни один концерт в городе не обходился без самодельных артистов. Доводилось выступать и в Костроме.

Хор педагогических работников. З. М. Верховская в нижнем ряду четвертая справа. Фотография. Нач. 1970-х гг. Чухлома

Активная жизненная позиция учителей, их молодой задор и инициатива передавались и ученикам. Всё больше молодых людей, влюблённых в свой город, в родную землю выбирали профессии, связанные с сельским хозяйством. Всё больше молодых грамотных специалистов, окончивших вузы, техникумы, училища, возвращались в колхозы и совхозы района. Агрономы, экономисты, механизаторы, животноводы, ветеринары, цветоводы, а также врачи, учителя, писатели – каких только нет специальностей у выпускников Зинаиды Михайловны. Сейчас пожилая учительница давно на заслуженном отдыхе. Показывая фотографии, она с теплотой в голосе вспоминает

¹ Дневники опытнической работы из домашнего архива Верховской З. М.

своих юннатов. Вот, Ефимов Валентин – бригадир УПБ², получивший малую золотую медаль ВДНХ за опытническую работу, сейчас – Заслуженный врач России, работает в Костроме; вот, Белихова Нина – ветврач в Чухломе, много лет отработала в колхозе; Смирнова Таня – биолог-цветовод в Нальчике, да всех и не перечислишь.

Это значит, что дело, которому посвятила Зинаида Михайловна всю свою жизнь (в трудовой книжке всего две записи: принята на работу в Чухломскую среднюю школу учителем и уволена в связи с выходом на пенсию), дало дружные плоды: задачи, поставленные в начале жизненного пути, выполнены; жизнь прожита не напрасно, и есть чем гордиться! А молодое поколение будет гордиться Вами, и брать с Вас пример трудолюбия, стремления к цели, творчества и оптимизма. Таким количеством наград не каждый может похвастать – пять медалей, кипы грамот от Русского географического общества за многолетнюю активную деятельность по проведению фенологических наблюдений в окрестностях города и большой вклад в познание природы родного края, почётные грамоты за большую работу по обучению и коммунистическому воспитанию учащихся и активному участию в Областных педагогических чтениях и многие другие. Здоровья Вам и долгих лет жизни, уважаемая Зинаида Михайловна!

² Ученическая производственная бригада – прим. ред.

Кузьмичёв И. А., Хохлова О. В.,
старшие научные сотрудники
отдела хранения
Костромского музея-заповедника

ИЗ ИСТОРИИ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА Г. ГАЛИЧА XV – НАЧ. XVII ВВ.

Природные факторы оказывали серьёзное влияние на социально-экономическое развитие средневековых городов древней Руси и молодого Московского государства. Особо значимое место в жизни средневекового человека занимали пресные водоёмы: сеть крупных рек с притоками и озёра. Они служили естественными природными укреплениями, транспортными магистралями, по которым проходили торговые пути и, конечно же, источниками рыбы – важнейшего продукта питания.

Средневековая история города Галича, расположенного на территории современной Костромской области, служит наглядным примером реализации перечисленных функций пресных водоёмов. Действительно, все три средневековые Галичские крепости, так или иначе, использовали природный рельеф местности. Нижнее (частично) и Верхнее (полностью) городища находились на склоне и соответственно вершине холма Балчуг, расположенного у самого берега Галичского озера. Третья крепость, остатки которой сохранились в центральной части современного города, использовала подступающее вплотную к насыпным валам русло реки Кешмы как природный ров. Галич на раннем этапе своего развития «контролировал важные пути на север – в Заволочье и Приуралье по Сухоне и Вычегде»¹. И, наконец, Галичское озеро дало развитие рыбному промыслу, история которого насчитывает, судя по письменным и археологическим источникам, около пяти столетий.

С одной стороны, история развития галичской рыбной слободы и история рыбного промысла в целом представляет особый интерес для историков, изучающих ранний этап славянской колонизации края,

¹ Гордеев В. И., Павленко Ю. А. Малый город Поволжья в позднем средневековье. – Йошкар-Ола, 2004. С. 49.

поскольку рыбная слобода может представлять собой самостоятельное поселение, более древнее, чем сам город, которое было основано с целью «оживления» пустых земель. О существовании такой практики указывает Веселовский С. Б.²

С другой стороны, история рыбного промысла, как одного из основных занятий значительной части населения города и его окрестностей, может более полно представить тенденции экономического развития Галича накануне смуты.

В нашей работе мы ограничимся исследованием «предсмутного времени», так как для изучения развития рыбного промысла в контексте славянской колонизации необходимо проведение археологических разведок.

Первым косвенным свидетельством, указывающим нам на существование в Галиче промыслового рыболовства, является костяная «проколка», датируемая XV веком. находка была сделана археологической экспедицией 1995 года, проводимой под руководством А. Г. Авдеева. Костяная «проколка» «выполнена из расколотого вдоль диафиза трубчатой кости крупного рогатого скота. Поверхность проколки сильно потерта, нижний конец сточен»³. Предположительно предмет использовался в качестве иглы для плетения рыболовных сетей. Связь находки именно с рыболовецким промыслом подтверждается обнаружением в одном слое с костяной «проколкой» двух грузил от удочек.

Естественно, что столь скудные данные не дают нам возможности представить ни территориальные рамки распространения промысловой добычи рыбы в Галиче, ни количество рыбаков – членов

*Рис. 1
Костяная
проколка*

² Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. – М., 1978. С. 16.

³ Авдеев А. Г. Отчет об археологической экспедиции в Галиче Мерском в 1995 г. // Архив ОПИ ИА РАН. С. 7.

артели, ни степень экономической рентабельности промысла. Для разрешения данной проблемы мы вынуждены обратиться к письменным источникам – грамотам великих князей и царей. Всего таких документов (по интересующему нас периоду) известно пять: жалованная грамота великого князя Василия Ивановича, царская грамота галичским городовым приказчикам 1574 года, Царская грамота в Галич 1585 года, подтверждающая грамота Лжедмитрия, царская подтверждающая грамота Василия Ивановича Шуйского 1606 года.

Содержание перечисленных жалованных грамот даёт очень важную статистическую информацию о количестве рыбаков, территориальном распространении промысла и налоговом сборе. Изучение изменения этих трёх показателей за 100 лет с 1506 г. по 1606 г. позволит с известной долей точности определить тенденцию развития промысла и его состояние накануне смутного времени.

Таблица 1

Рыболовецкий промысел в Галиче 1506–1606 гг.

Название документа	Денежный оброк	Территория	Количество рыболовов
1506 г. 23 Марта. Жалованная грамота Великого Князя Василия Ивановича галичским рыболовам, на рыбную ловлю в Галичском озере, реке Вёксе и падучих речках. ⁴	За летнюю рыбную ловлю пол-третьядцать рублей (25 рублей).	Озеро Галичское с корытинами, что около того озера, река Вёкса и сокольи помчищи, кроме ловишь Григорьевых детей Морозова, речки падучие.	31

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук Т. I. – СПб., 1836. С. 113-114.

<p>Январь 1574 г. Царская грамота галичским городо- вым приказчикам Меншику Свиньи- ну и Фёдору Бор- някову, с приказа- нием обложить оброком наравне с галичскими рыболовами по- сторонних людей, производящих рыбную ловлю в Галичском озере.⁵</p>	<p>За летнюю рыбную лов- лю оброку и пошлин в год 42 рубля и че- тыре гривны. С зимней ловли обро- ку и пошлин 8 рублей и 16 алтын.</p>	<p>Галичское озе- ро, реки Вёкса и Остроловица с притоками (иные речки), река Середня, речка Ендошма, речка Шокша, речка Святица, речка Липовка, речка Пустынка, сокольи помчища.</p>	19
<p>1585 г. 25 Марта. Царская грамота в Галич, о дозво- лении тамошним рыболовам беспрепятст- венно производить рыбную ловлю в Галичском озере.⁶</p>	<p>За рыбную ловлю оброк в год 42 руб- ля и четыре гривны.</p>	<p>Галичское озеро, река Вёкса по Сынковские осады, река Остроловица, река Святица по Московскую до- рогу, речка Ихлем- ка по Чёлсму реку, речка Середняя по большие омуты, речка Шокша по белой омуте, речка Ендошма по Безнин починок и прочих речках, текущих в Галич- ское озеро.</p>	8

⁵ Там же. С. 332-333.

⁶ Там же. С. 387-388.

<p>1606, Января 16. Подтвердительная грамота Лжедмитрия, о правах, представленных оброчную грамотою Царя Фёдора Ивановича Галичским рыбным ловцам на рыбную ловлю в Галичском озере и впадающих в оное реках.⁷</p>	<p>За рыбную ловлю оброк в год 42 рубля и четыре гривны.</p>	<p>Галичское озеро, речки, которые текут в Галичское озеро, река Вёкса по Сынковские осады, речка Остроловица, речка Святица по московскую дорогу, речка Ихлемка по Чёлсму реку по московскую дорогу, речка Средняя по большие омуты, речка Шокша по белые омуты, речка Едомша по Безнин починок.</p>	<p>6</p>
<p>1606, Июля 7. Царская подтвердительная грамота, о правах, представленных прежнюю оброчную грамотою Галичским рыбным ловцам на рыбную ловлю в Галичском озере и впадающих в оное реках.⁸</p>	<p>За рыбную ловлю оброк в год 42 рубля и четыре гривны.</p>	<p>Галичское озеро, река Вёкса по Сынковские осады, речка Остроловица, речка Святица по московскую дорогу, речка Ихлемка по Чёлсму реку по московскую дорогу, речка Средняя по большие омуты, речка Шокша по белые омуты, речка Одомша по Безнин починок.</p>	<p>6</p>

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской академии наук Т. II. – СПб., 1836. С. 95.

⁸ Там же. С. 117.

Как мы можем видеть из данных таблицы, количество рыбаков, предположительно атаманов рыболовецких артелей, к концу века уменьшилось почти в 4 раза, в то время как денежный оброк увеличился на 17 рублей и 4 гривны. Особенно сильным налоговое бремя было в конце третьей четверти XVI столетия, когда налог взимался не только с летней ловли, но и с зимних ловель. Постепенно уменьшалась и территория, на которую распространялось действие жалованных грамот. В 1506 году рыбакам разрешалось заниматься промыслом в самом озере, во всех реках, впадающих в озеро, и в единственной реке, вытекающей из озера – Вёксе. Ограничение касалось только так называемых «ловищ Григорьевых детей Морозова»⁹.

*Рис. 2. Тематическая карта
Распространение рыболовного про-
мысла в начале XVI века*

В 1606 году рыбакам уже не разрешается заниматься промысловой добычей в реке Чёлсме и даётся конкретное указание границ ловель в реках: Вёксе, Остроловице, Святице, Ихлемке, Середней, Шокше, Одомше¹⁰.

Уменьшение территории распространения промысла связано, скорее всего, с ростом монастырского и помещичьего землевладения в Галичском крае в XVI веке. В документах, начиная с царской грамоты галичским городовым приказчикам 1574 года, мы находим постоянные жалобы

⁹ В данной работе мы можем только предположить, что под ловищами Григорьевыми детей Морозова подразумевается современная территория (или её часть), занимаемая болотом Морозиха.

¹⁰ Едомша. Название Одомша скорее всего опечатка составителей первого тома Актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук.

рыболовов на монастырских, княжих, боярских и так называемых «сильных» людей: «...круг того Галичского озера и рек живут княжие и боярские и монастырские люди, и из тех рек и озера рыбу ловят на себя, а им де из тех своих ловель оброку не дают, становятся им сильны, и в тех де ловцах они нашего оброку сполна не собирают, а доплачивают нам оброк собою <...> и в тех де сильных людех становятся им убытки великие»¹¹.

Ещё более явственно экспансия помещицкого и монастырского землевладения на территорию, закрепленную за галичскими «рыбными ловцами» – промысловиками, прослеживается в следующем отрывке из Царской грамоты в Галич 1585 года: «<...> и около де тех речек княжие и боярские и монастырские вотчины и поместья, и князе де и дети боярские и монастырские приказчики и крестьяне в те воды вступаются и рыбу ловят сильно, а сказывают, что у них те воды в наших в поместных и в вотченых грамотах»¹².

Методы решения постоянно возникающих спорных вопросов изменялись на протяжении рассматриваемого столетия. В начале XVI века привилегии рыбаков-промысловиков были чётко определены и защищены высокими штрафами, половина которых шла в пользу местных властей, а другая половина самим «рыбным ловцам».

«А опроче тех рыболовей не ловити рыбы в озере и в речке в Вёксе и в падучих речках лете никому. А кто учнёт, опроче тех рыболовей, рыбу ловити в озере и в речке Вёксе и в падучих речках, и яз тем рыболовом тех велел имати из заповеди да ставити перед своими наместники перед Галичскими, да кого утяжсут, и наместники наши на том велят взятии себе рубль, а другой рубль рыболовом»¹³.

Ко второй половине XVI века накопилось множество противоречий в законодательстве. Монастыри, постоянно увеличивавшие свои земельные владения, начинают вытеснять рыбаков-промысловиков с их традиционных ловель. Более того, решение Ивана IV, зафиксированное в царской грамоте галичским городовым приказчикам

¹¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук Т. I. – СПб., 1836. С. 333.

¹² Там же. С. 338.

¹³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук Т. I. – СПб., 1836. С. 114.

Меншику Свиныну и Фёдору Борнякову, фактически лишает галичских «рыбных ловцов» права единолично заниматься промыслом. Грамота позволяет ловить рыбу всем, кто в состоянии выплачивать долю оброка, возложенного на рыбаков: «...которые в том озере и в реках учнут с ними рыбу ловити, и с тех бы своих ловель наши оброки платили им по тому ж, почему они промеж себя по разводу платят».¹⁴

Чтобы определить место проживания промысловиков, сравним царскую грамоту галичским городовым приказчикам 1574 года с Сотной на посад Галича 1578 года. Как пишет в своей работе Кистерёв С. Н.: «...семь из перечисленных рыболовов отыскиваются среди жителей Галича, названных в сотной как проживающие “в оном конце на Подозерье берегом”» – Федосейко Андреев, Агей Григорьев сын Корытова с фамилией, читающейся как Корыстова, Гришка Трофимов сын, Митька Савельев Сын, Курсанко Гаврилов Сын с именем Крусанко, Федко Дмитриев как Нефедко, Харистонко Степанов»¹⁵. Найденные совпадения позволяют нам говорить о том, что в последней четверти XVI века на Галичском посаде проживало не более половины всех промысловиков. Дворы остальных «рыбных ловцов» могли находиться далеко за пределами города, вдоль побережья северо-восточной части Галичского озера и по берегам указанных в грамотах крупных рек. Нашу гипотезу косвенно подтверждает сохранившийся топоним «Рыбная слобода», который объединяет довольно значительную территорию, протянувшуюся узкой полосой вдоль Галичского озера от подножья первой крепости XII века (Нижнее Городище) вплоть до современной площади Калинина.

Таким образом, в первой половине XVI века рыболовецкий промысел занимал особое место в хозяйственной системе позднесредневекового Галича. Привилегия добычи рыбы, которая распространялась на огромную территорию, охватывающую русло всех крупных галичских рек и побережье озера, обеспечивала занятость и доход множеству артелей «рыбных ловцов». Однако начиная со второй половины XVI века, складываются крайне неблагоприятные условия для развития промысла, упадок которого был связан, скорее всего, с разорительной внутренней политикой Ивана IV.

¹⁴ Там же. С. 333.

¹⁵ Кистерёв С. Н. Сотная на посад Галича 1578 г. // РД. Вып. 4. М., 1998. С. 172.

Лихачёва В. В.,
заведующая Межевским
историко-художественным
музеем (филиал КМЗ)

БЫТ И УКЛАД ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МЕЖЕВСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Русская деревня намного старше Российского государства. История её уходит вглубь веков. Начиналась она с нескольких изб где-нибудь на поляне, отвоёванной у леса, или на берегу реки. У большинства из нас крестьянское происхождение, и мы должны с большим уважением относиться к прошлому своей родины, к многострадальной деревне.

Что такое быт? Быт – это общий уклад жизни, совокупность обычаев, нравов, присущих определённому народу, социальной среде.

Глубинные основы русского быта невозможно вытравить из жизни. Сельский быт в отличие от городского имеет свои отличительные черты, он более глубоко связан с природой, с народным духом и отражается в нравах, обычаях, поверьях и языке. Хотя многое в течение времени изменяется, но всегда нечто остаётся неизменным. Быт военного времени. Он отразился в письмах, документах, он запечатлён на старых пожелтевших фотографиях.

Чем и как жил Межевской район в те далёкие 40-е годы.

Накануне войны район находился в составе Горьковской области, с 13 августа 1944 г. – в составе Костромской области. Население составляло 26185 человек (в 1939 г. была перепись населения). Населённых пунктов – 173 места. 173 места – это посёлки, хутора, починки, сёла, деревни.

Испокон века жильё со двором межаки строили сами. В каждой деревне были умельцы на все руки, владеющие топором, рубанком, скобелем. Деревенская изба межевского жителя устроена целесообразно. Деревянный дом был сделан под одной крышей с двором и сенями. Сени в Меже называли мостом. Под мостом дома находилась снежная яма. Оконце из этого помещения выходило наружу

в полисадник. Ранней весной через оконце снег в яму скидывали, утаптывали толстым слоем ржаной соломы. Почти всё лето снег не таял, и на нём хранились скоропортящиеся продукты. Летом кусочки чистого снега похожего на сахар клали в окрошку, охлаждая и разбавляя её. Когда отворишь массивную дверь в избу – попадаешь в прихожую (называемую кутом). Из кута проход в кухню (загородку). Самая большая комната в доме – зал. Русская печь находилась посередине избы. Рядом с ней была «голландка», а между ними имелся приступок для лазанья на печь. Из сеней (с моста) вели четыре ступени на сарай (поветь), где было сено для скота. На сарае находилась кладовая для хранения муки (мушник). С пола сарая на чердак (понебье) вела крутая деревянная лестница с перилами. Под полом (повети) сарая находился скот. Корм скоту можно давать не выходя во двор, что особенно удобно в зимний период. В полу повети имелись над каждым хлевом отверстия, в которые сбрасывали сено. Оно падало в ясли овцам, коровам, лошади. Под потолком в конюшне находился куриный насест. Куры с насеста зимой шли на сарай, где их кормили, а летом по съезду спускались во двор. Съезд – это наклонный бревенчатый настил, по которому лошадь с возом сена поднималась на сарай, где разгружали сено, муку, зерно. Ко двору был пристроен навес – продолжение наклонной крыши сарая на столбах. Под навесом хранились дрова, сани, вилы, грабли и другая домашняя утварь. На мосту в летнее время стояла кровать под пологом, где спали, а зимой находились кадки с капустой и мочёной брусникой. В конце моста была горенка. Так называли кладовочку, где хранили сундуки с одеждою, всякую посуду и утварь. В каждом доме было подполье, которое называлось гобец. Вход в подполье из избы был через отверстие, которое находилось на кухне. Под полом хранился весь годовой запас картофеля, а также стояли разные соленья.

Всё в доме межака было сделано удобно, добротно, компактно. Всё собрано под одной двухскатной крышей, и можно было подолгу, не выходя из дома, выполнять все хозяйственные работы. Рядом с домом находилась баня. Бани топились как «по-чёрному», так и «по-белому». Чёрная баня трубы не имела. Любопытно отметить, что во многих деревнях не пользовались баней, а мылись в русских

печах дома. Так как мыло во время войны было дефицитным товаром, то использовался в качестве заменителя щёлок (настой золы).

Молодые семьи в военные годы «не строились», так как не хватало мужских рук. Переселение с Поволжья советских немцев в деревню Петушиха, деревню Шохра, посёлок Центральный наложило свой отпечаток на быт межаков. Репрессированных людей поместили жить в бараки, где не было печей для приготовления пищи. Немцы сложили печки около барачков под дощатым навесом и готовили себе еду практически на улице. Такие кухни межаки стали применять в тёплое время года. Кухня стала называться летней.

1940-е годы часто называют временем успешного подъёма экономики Советского государства, временем славных трудовых побед в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Конечно, не вызывает сомнений тот факт, что показатели по сравнению с началом 1920-х годов неуклонно ползли вверх. Но вот согласно документам Межевского райисполкома, тогда ещё Горьковской области, можно убедиться в том, что выполнение контрольных показателей в районе шло неудовлетворительно. *«В решении исполкома райсовета от 3 декабря 1940 г. отмечается невыполнение обязательных поставок государству колхозниками, рабочими и служащими. В этом решении говорится о незамедлительной ликвидации недоимок, то есть мяса, молока, шерсти и так далее и принятии законных мер в отношении злостных неплательщиков. Так называемые «обязательные поставки» были не чем иным как тяжёлым бременем для Межевских крестьян. Серьёзно встал вопрос о детской заболеваемости. За 1 год по деревням умерло 30 % детей до одного года»¹.*

Экономические неурядицы, нищета, низкий уровень жизни деревенского населения – вот на этом застал наш район день 22 июня 1941 г. Для справки: районный центр – село Георгиевское был до войны радиофицирован.

В войну радиоприёмники были сданы в радиоузел, после войны розданы населению. Телефонизированы были все сельские советы, промышленные предприятия (лесопункты леспромхоза, промкомбинат). В сельских советах было регулярное дежурство: с 1940 г.

¹ Жижиков Б. Межевской район в годы Великой Отечественной войны – // Газета «Новая жизнь». – 1999. – № 51.

из колхозов назначались дежурные. Через нарочных и дежурных стало известно о начале войны.

Последовала мобилизация и призыв в ряды Красной Армии. Характерной чертой в обычаях межаков является то, что во время проводов в армию, а в военное время на фронт, украшали маленькую ёлочку разноцветными лоскутками, лентами. Затем её прибывали под конёк дома. Этот обычай глубоко уходит корнями во времена язычества: ведь конёк – оберег дома от злых духов, ёлочка – тотем, а привязывать лоскут, значит привязывать члена семьи к родному дому.

В разговорную речь вошли новые слова: мобилизация, фронт, Гитлер. Уже в 1943 г. война унесла большое количество жизней мужского населения нашего района, и в армию стали призывать юных девушек, бывших школьниц.

Из воспоминаний В. Н. Кудрявцевой: *«Я была добровольно призвана в армию 7 января 1943г. Из десятого класса набрали группу девушек Межевской средней школы. Сложив мешки с одеждой и продуктами на сани, запряжённые лошадкой, наше «боевое пополнение» пешком отправилось до города Мантурово. Каких только мыслей не появилось в голове! Но даже разговаривать не хотелось – до такой степени были все растеряны и испуганы. Ведь мы, прожив 18 лет в деревнях, не только поезда, а железной дороги-то не представляли»* (Записано со слов Кудрявцевой В. Н. 1924 г. рождения, с. Георгиевское).

Война перечеркнула мирный ход жизни. Большой урон деревенской семье нанесла война в плане потери кормильца и хозяина. Ведь основной тяжёлый труд лежал на плечах мужчин: это строительство, пахота, косьба, управление трактором, лесозаготовительные работы. Всё это тяжёлым бременем легло на долю женщин, стариков, детей.

Межакам приходилось себя обеспечивать самым необходимым и выполнять военные заказы. Так райпромкомбинат в начале войны освоил и организовал производство новых товаров: лыж, саней, ложек, верёвок, прикладов для винтовок. Продолжали так же делать телеги, сани, тарантасы, возки для нужд населения и сельхоз работ.

В военное лихолетье мануфактура исчезла с прилавков, деревня вновь шила домотканую рубаху и штаны. Лён «одевал» сельского

жителя с головы до ног. Вытканное на домашнем станке «суровье» отбеливали на снегу в марте. Из полученного холста женщины шили: «утирки», рубахи, исподнее, сарафаны, широкие юбки – пестряки. Тёплые вещи вязали из шерсти: кофты, рукавицы, шарфы, носки. Нередко сельские жители меняли хорошую ткань и одежду на картошку и горох. Зарубежные страны в качестве помощи высылали поношенные вещи, которые райсобес распределял по семьям. Эти вещи перешивали.

В с. Георгиевском работали мастерские по пошиву одежды и две сапожные мастерские. Сапожники шили сапоги, туфли, ботинки. В райпромкомбинате и по деревням мастера – «катальщики» катали валенки. Некоторые умельцы имели удостоверения на право заниматься пимокатным мастерством. Они умели делать: простые валенки всех размеров, чёсанки (тонкие валенки под галоши), заготовки под бурки (валяная обувь, обшитая сверху кожей), боты, обшитые кожей, домашние глубокие туфли, шляпы. В обыденной жизни деревенские жители летом обувались в лапти, ступни. Лапти плели лыковые, берестяные. Лыковые лапти аккуратные, мягкие; берестяные более грубые. Зимой в лапти для тепла стелили солому и работали в них на лесозаготовках, так как лыковая обувь более лёгкая, да и снег не налипал на подошву.

В деревнях Соколово, Ложково было развито бондарное производство, умельцы изготавливали кадки, бочки, бадьи, ложки. Алюминиевой посуде деревенский житель предпочитал деревянную и глиняную, которая была доступна да и не обжигала при еде.

«Тысячи колхозников, девушек, юношей, подростков в военные годы работали не покладая рук – за троих. Ведь посевные площади района увеличились на 23 % по сравнению с довоенным и составили 3787 га. поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 3687 голов, свиней на 1909 голов, овец на 6957 голов. На 25 декабря 1941 года для Красной Армии было собрано 2197 овчин, 1047 килограммов шерсти, 25 меховых жилетов, 543 пары шерстяных перчаток, 407 шерстяных носков, 30 свитеров, 168 полушубков, 120 шапок, 38 ватных курток, 31 ватные брюки, 410 пар валенок, 31 шарф. На 1 апреля 1942 г. трудящиеся района внесли в фонд обороны 86000 рублей и на 22000 облигаций. Колхозники внесли молока 105 литров

и мяса 60 центнеров. На января 1943 г. собрали на строительство эскадрильи им. Чкалова 981192 рубля. В 1941 г. было отправлено в Красную Армию 1210 посылок весом 3404 килограмма и вещей 381 штука»².

Сухие, казалось бы, цифры, но как о многом они говорят. Ведь каждый оставшийся в тылу своим трудовым подвигом старался приблизить день победы. На колхозных полях и в личном хозяйстве выполняли все виды сельхоз работ: пахали, сеяли, убирали урожай, заготавливали корма для колхозного стада и для своего скота. В зимнее время женщины и подростки работали на лесозаготовках, весной на сплаве леса. Ни о каком нормированном рабочем дне не шло и речи: работали от зари до зари.

Можно ли говорить о счастливом и беззаботном детстве, если оно опалено войной? Дети военного времени полураздетые и полуголодные. Они трудились на колхозных полях, фермах, лесозаготовках. В многодетных семьях обувь, одежду донашивали после старших, а сладким лакомством служила пареная галань (брюква).

Тема детства красноречиво раскрыта в сборнике повестей, рассказов писателя М. Ф. Базанкова «Заветные поляны».

Так, писатель – коренной межак, повествует о том, как он маленьким мальчиком зарабатывал трудодни, добираясь на таратайке, запряжённой быком до Португа к маслобойщику. Бережно вез он, возвращаясь обратно корчагу с драгоценным маслом, боясь расплескать его, а рогатый «конь» был с норовом, упирался, не хотел повиноваться. На заработанные трудодни льняного масла его семье досталось полкринки. Зато какое это было масло!

Война – тяжёлое время для деревенской детворы. Оно становится вдвойне тяжёлое для детей, оставшихся сиротами, лишенных родительского покровительства, ласки и направляющей по жизни руки.

В 1944 году по инициативе районного отдела народного образования (заведующая Шигорина Татьяна Михайловна) в деревне Заводское был открыт детский дом. В нём воспитывались дети, родители которых погибли на войне и дети из многодетных семей.

² Жижиков Б. Межевской район в годы Великой Отечественной войны – // Газета «Новая жизнь». – 1993. – № 52.

Первые годы детский дом содержали за счёт колхозов района, а потом финансирование было за счёт районного бюджета.

Топливо, как и хлеб, в войну было понятием стратегическим. Ведь угольные районы захватили немцы, а железные дороги могли работать на дровах. Древесина заготавливалась силами молодых женщин, да не доросших до военкоматовской повестки парней. Норма заготовки леса на одного человека в день была 2,5 м³. Норму заготовки не выполнишь – урежут норму хлеба (полбуханки), выданного на семью. Хлеб, хлеб! Хлебушко! За все годы войны, да и после войны не едали досыта. В военные годы были карточки на хлеб: служащим – 400 грамм, иждивенцам – 250 грамм, колхозникам – зерно на трудодни, а порой и ничего не давали. На базаре хлеб стоил 200 рублей, в магазине – 70 копеек.

Вместо хлеба пекли лепёшки из клеверных головок. Из клеверной муки варили «заваруху» и ели с ягодами. На муку перемалывали листья липы, белый мох, куколь (шелуха от льняных колоколец). В пищу шла мякина (остатки колосьев при молотье), хвощ (песты) – из них пекли пироги – пестовники. Из опилок липовых деревьев пекли «пряники». Ели дуранду (жмых – выжимки от льняных семечек), подмешивали её в хлеб. Весной приходилось вскапывать прошлогодние картофельные участки в поисках картофеля, так как осенью картофель весь сушили и отправляли на фронт. Ягоды, собранные детьми, носили на базар и меняли на соль.

У здания почты в селе Георгиевском висел на столбе мощный динамик, который работал с 6 утра до 12 ночи, и все новости Советского информбюро жители узнавали с замиранием сердца. Почта доставлялась по деревням 1 раз в неделю, в райцентре – 2 раза. Деревенские почтальоны доставляли по деревням денежные переводы, письма, бандероли и районную газету. Через почту за погибших родственники получали денежное пособие. Все боялись прихода почтальона: радость или беду он принесёт. Как облегчённо вздыхали матери, получая треугольники. Значит жив. А если письмо в конверте официальное – недобрые вести.

Война. Четыре года страданий, четыре года лишений. И всё-таки Победа! С фронта стали возвращаться солдаты. Район готовился к встрече своих земляков – воинов-победителей!

«Решением очередной сессии районного Совета создана комиссия для руководства приёмом и устройством возвращающихся воинов Красной Армии. Тогда силами сельских Советов, колхозов, была обеспечена перевозка демобилизованных от станции Мантурово до места жительства. Ежедневно к прибывающим поездам от каждого сельского совета направлялись по три лошади. Дано распоряжение шоферам райпотребсоюза и МТС о беспрепятственной перевозке воинов. Демобилизовавшимся без лишних помех оформлялись документы, райторготдел выдавал вновь прибывшим торговые карточки. Георгиевское сельпо обеспечивало питанием, прохладительными напитками. Было налажено медицинское обслуживание. Всем, чем могли, помогали районные власти, оказывали материальную поддержку. Своим решением районный Совет депутатов трудящихся создал фонд в размере 100 000 рублей для оказания денежной помощи и вручения подарков фронтовикам и семьям погибших. Нуждающимся семьям сельские Советы, колхозы оказывали практическую помощь в обзаведении крупным рогатым скотом»³.

Всё дальше вглубь времён уходят от нас огненные годы Великой Отечественной войны. Уходят из жизни солдаты, труженики тыла, дети войны. Наша задача, пока не поздно, запечатлеть эпизоды этой судьбы – судьбы военного поколения, сохранить их в статьях, книгах, краеведческих очерках.

³ Жижиков Б. Межевской район в годы Великой Отечественной войны – // Газета «Новая жизнь». – 1993. – № 56.

Никишина Н. Г.,
старший научный сотрудник
Нерехтского краеведческого музея
(филиал КМЗ)

В ЗЕРКАЛЕ ДЕЛ ГОСУДАРЕВЫХ. ИМЕНИТЫЕ ДОМА КУПЕЧЕСКОЙ НЕРЕХТЫ

Бурный, противоречивый, ушедший XX век отметил 1000-летие Православия и Российской государственности. И не случайно на пороге XXI века российские государственные структуры совместно с Русской православной церковью ищут пути укрепления государства и Отечества. Без знания этого 1000-летнего опыта укрепления российской государственности нет пути к ее усилению и продолжению. Этот фундамент слагался из политической, экономической и культурной мощи Российского государства с участием всех сословий, в том числе русских предпринимателей.

*Вид с городского бульвара на фабрику Брюханова
Почтовая открытка. Нач. XX в., г. Нерехта. НКМ*

Без тесного союза с ним Российское государство не смогло бы выполнить свои задачи. Только опираясь на предпринимателей, русское государство сумело освоить огромные пространства страны.

Столетиями Россия вынашивала, рождала своих русских предпринимателей, которые по своей культуре, духу, образу жизни отличались от иностранных. Это они, русские предприниматели, в союзе с крестьянством в большей степени, чем другие слои населения, сохраняли ценности русского национального сознания, самобытные черты уклада, быта, хозяйствования и корней русской культуры.

Русские предприниматели, как таковые, начинали свой исторический путь в Московской Руси, укрепились в эпоху Петра I, продолжили свои традиции и укрепились в «золотой век Екатерины II». Первые русские предприниматели были выходцами из крестьянства или посадских людей. Они получили специализацию, опыт в области так называемых «народных» ремесленно-торговых промыслов. Да и назывались они тогда не купцами, а попросту – «торговыми людьми» [1].

*Казанский собор. Фотография. 1914 г., Нерехта
(фонд Императорской Археологической комиссии – ИАК), НКМ*

*Благовещенская церковь
Фотография. 1914 г.,
г. Нерехта (фонд ИАК), НКМ*

Кроме «таньги», с торговцев брали «осминичье», по 3 коп. с рубля. Другие пошлины: «гостиное», «амбарное», «полавочное» (за наём лавок и амбаров в гостиных дворах), «явка» (за объявление товаров для продажи), «пятно» (при клеймении скота), «весчее», «пудовое», «померное» (за взвешивание и объем товара).

Помимо торговых, были и проездные сборы. Купцы обязаны были проезжать и через таможенные заставы, где брали «мыто» с повозки или лодки, нагруженной товарами. За проезд по большим дорогам торговый человек платил «костки», за пересечение реки – «мостовое», «перевоз», «побережное». При уклонении от пошлины («мыта») назначался штраф – «промыта».

От таможенных сборов освобождались только товары великих князей и церковных учреждений. Они имели тарханские грамоты.

Все пошлины шли в великокняжескую казну или в пользу монастырей, в основном деньгами, иногда – солью, зерном...

Расширялся обмен между городом и округой сельской, между городами. Внутри русских княжеств формировались местные рынки. Развивалась местная торговля, её условия оговаривались в княжеских соглашениях.

В договорные грамоты московских великих князей включался пункт о свободном проезде купцов.

На Руси торговали не только свободные, но и зависимые от феодалов – слуги. Торговали ремесленники. А часть мастеров стали профессиональными купцами. Ряды купцов пополнялись.

Во времена Ивана Калиты до 1340 года митрополит Петр запрещал духовенству заниматься торговлей и ростовщичеством.

При Дмитрии Донском с 1359 по 1389 гг. духовенство торговало излишками натуральных доходов, оно было освобождено от торговой пошлины «тамги» [2].

После монгольского нашествия и установления ордынского ига прерванные хозяйственные и торговые связи между русскими городами и княжествами возродились не сразу. Но процессу оживления торговли способствовали сами правители Золотой Орды; они были заинтересованы во взимании проездных, таможенных и прочих пошлин с торгового люда. С последней трети XIII века в ханских ярлыках и княжеских грамотах упоминаются таможенники – чиновники Орды, ведавшие такими поборами.

Большой предпринимательской хваткой отличались игумены крупнейших монастырей Северо-восточной Руси, владевшие вотчинами, рыбными промыслами, соляными варницами, нуждающиеся в продуктах для прокорма братии. Монастырям дано было право беспошлинной торговли с XIV века: Ярославскому Спасскому, Троице-Сергиевому, Кирилло-Белозерскому и другим.

*Богоявленская церковь. Фотография. 1914 г.,
г. Нерехта (фонд ИАК), НКМ*

В 1448–1461 гг. обращалось духовенство к митрополиту Ионе, к правителям Казанского ханства с просьбой обеспечить беспошлинный проезд и торговлю в Казани (продавали добро митрополичье – «рухлядь»).

Из Нерехты солевары-дьячки Троице-Сыпанова монастыря отправляли соль митрополиту Ионе, о чем есть указания в грамотах Великих княгинь [11].

Широкий размах приобрела торговая деятельность Троице-Сергиева монастыря. Монастырские купчины везли рожь, соль, мед.

В 1464–1473 гг., при Великом князе Василии I (сыне Дм. Донского) слуги митрополита Филиппа имели подорожные грамоты, освобождавшие от пошлин на всей территории Московии [2].

Еще во времена Ивана III с 1462–1503 гг. была написана духовная грамота (1504 г.): в ней было запрещено приезжим в Москву купцам торговать на дворах удельных князей. Для них были гостиные дворы, где вели учет прибывших торговых людей, собирали с них торг, пошлины в великокняжескую казну.

Торговали всем: ножами и топорами, шубами и рукавицами, шелковые лентами, серебряные украшениями, мукой и хлебом, овощами и фруктами, рыбой и мясом, вином и специями, утварью, глиняными горшками...

Вот как описывал в 1517 г. побывавший в Московии австрийский посол Сигизмунд Герберштейн торговых русских людей при закупке торговых партий отечественных или импортных товаров: *«Торгуют с великими обманами и коварством, и дело не обходится без большого количества разговоров, как о том писали некоторые. Мало того, желая купить какую-нибудь вещь, они оценивают ее с целью обмана продавца, менее чем в половину стоимости и держат купцов в колебании и в нерешительности по 2 месяца и обыкновенно доводят некоторых до крайней степени отчаяния. Но тот, кто знает их обычаи, не обращает внимания на коварные слова, которыми они уменьшают стоимость вещи и затягивают время, или делают вид, что не обращает внимания; такой человек продает свои вещи без всякого убытка».*

Но находились и честные и справедливые люди, которые желали получить прибыль, но не любой ценой [2].

В Древней Руси предпринимательской деятельностью занимались все слои общества, в том числе князья и бояре. Самые лучшие именовались «гостями».

Таковыми «гостями» в Руси были Великие князья и княгини, в том числе владевшие нерехотскими землями: Великая княгиня Евдокия, жена Великого Князя Дмитрия Донского – в 1389 году, Великая Княгиня Софья Витовтовна – в 1406 году, Великая Княгиня Мария Ярославна – в 1462 году [4, 5].

Знаменитый священник Сильвестр, духовный наставник Ивана Грозного, автор «Домостроя» (середина XVI в.) велел своему сыну: *«Если же сам у кого что купивал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, да еще и хлеб-соль сверх того, так что и дружба навек, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман: кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам <...> Ни в купле, ни в продаже ни с кем не тяжба, ни брань не бывали <...>».*

В эпоху Ивана Грозного (1533–1584) символом русского предпринимательства становится род новгородских купцов Строгановых. Из них Семен Строганов за освоение Сибири и помощь Ермаку был награжден царем Иваном Грозным посадами Большой и Малой Солью Нерехотской волости. В последней четверти XVII в.

*Владимирская церковь
Фотография. 1914 г., г. Нерехта
(фонд ИАК), НКМ*

владения Строгановых составляли 9 млн десятин, что превышало территорию Голландии, Бельгии и Дании вместе взятых [6]. Строгановы прославились не только предпринимательской деятельностью, но и меценатством.

Благодаря их почину и материальной поддержке смогло возникнуть целое направление в русском иконописании кон. XVI – нач. XVIII вв. Это была строгановская иконописная школа Оружейной палаты Московского Кремля, характеризовавшаяся изощренным мастерством, утонченной миниатюрностью письма и изысканностью красочной палитры. Со своей нерехтской земли Строгановы в эту иконописную школу взяли своих людей. Это были первые «кормчие мастера» Оружейной палаты братья Поповы, Абросимовы, Надеины [7].

Строгановы не были самыми крупными предпринимателями Руси в XVI – XVII вв., но их дела оставили особый след и уважение в памяти потомков.

Во II пол. XVI века купечество объединено с ремесленниками и торговцами в составе посадских людей и составляет богатое меньшинство. В последней трети XVI века купцы объединены в 3 общероссийские торговые «Корпорации гостей, торговых людей гостинной (350 чел.) и суконной (250 чел.) сотен [20]».

В XVII веке важную роль стали играть подрядные и откупные операции (поставки вина, провианта, откуп питейной прибыли). Крупные купцы стали соединять торговлю с ростовщичеством и предпринимательством в промышленности.

Петр I открыл дорогу индустриальному предпринимательству, создал для этого специальные правительственные органы: в 1712 году – Коллегиум, в 1715 году – Коммерц-коллегию. Частные предприниматели получали льготы и привилегии для устройства фабрик и заводов, ссуды без процентов. Они снабжались инструментами и орудиями производства, получали временные льготы от податей и пошлин, им обеспечивался беспошлинный привоз из-за границы машин и инструментов, их производства были обеспечены гарантированными государственными заказами [9].

Первый Коллегиум Петра I состоял из иноземцев и московских знатных купцов, в составе 12 человек, по трое из «гостей» и

гостиной сотни и 6 человек из слободских жителей. Все они были заметными фигурами в торговой жизни Москвы в 1-й четверти XVIII века. В числе 12 человек из слободских жителей числился Павел Дьяконов, положивший впоследствии начало торговому роду купцов московских, ростовских, ярославских, нерехтских Дьяконовых [8].

В первой четверти XVIII века «Корпорация гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен» была ликвидирована. Часть корпорации образовала новое сословие, получившее название «купечество», права и обязанности которого были такие же, как у посадских людей. Внутри «Корпорации» купцы делились по имущественному признаку на первостатейных, среднестатейных и третьестатейных.

В 1721 году было объявлено создание гильдий во всех городах.

В послепетровское время ряды предпринимателей, уже купцов и промышленников пополнялись из народной среды, из крестьянства и посадских людей [10].

В эпоху императрицы Елизаветы Петровны с 1741 по 1761 гг., почитающей русских предпринимателей по завету Петра I, появились в числе их новые лица, прославившиеся делами, заботами об отечественном производстве и торговле, и приложившие силы и опыт по развитию первых, мануфактурных производств по губерниям Европейской части России.

В этот период времени отмечен в Нерехте Санкт-Петербургский купец Михаил Яковлевич Лапшин-Грязновский, директор Петербургских питейных сборов, основавший с нерехтским купцом Пастуховым первую полотняную льняную фабрику в Нерехте в 1761 году. Делами честными и славными оставил память о себе «нерехтский» и «петербургский» купец Михайло Лапшин-Грязновский: *«Исправляя должность директора Императорского Двора, слыл по большому колоколу для каждой из нерехотских церквей <...> и в Сыпанов монастырь <...>»* [11,41].

В истории отечественного предпринимательства того времени оставили след и вошли в книгу «1000-летие русского предпринимательства» такие выдающиеся фамилии как Морозовы, Рябушинские, Бардыгины, Прохоровы, Гарелины, Разореновы, Грачевы,

Владимирская церковь
 Фотография. 1914 г.,
 г. Нерехта (фонд ИАК), НКМ

Шадовские, Зимины, Коншины, Балины, Миндовские, Дербеневы и, что особенно важно нерехтчанам, Горбуновы, Скворцовы, Сидоровы, Елагины из Нерехтского уезда Костромской губернии.

За каждым из этих предпринимателей – организация огромных производств, снабжавших своей продукцией десятки, а то и сотни тысяч людей в России и за границей [12].

Императрица Екатерина II создала самые благоприятные условия для развития русского предпринимательства. Она отменила все возможные ограничения, объявив, что теперь *«всем подданным нашим к заведениям станом и рукоделий от нас дана беспредельная свобода, что не стесняются они уже ни частым на то испрошением дозволения, ни надзираем за делом рук их, где собственная каждого польза есть лучшее и надежное поощрение»*.

Она объявила полную свободу торговли. В этот период истории ярко отмечалась интенсивность процесса индустриализации и роли в нем частного предпринимательства.

При Екатерине II с 1762 по 1796 гг. купечество окончательно оформилось как сословие и закрепилось после появления в 1785 году «Грамоты на право выгоды городам Российской империи». По этому закону каждый при наличии капитала мог записаться в одну из 3-х купеческих гильдий:

- для вступления в 1-ю гильдию надо было иметь не менее 10–50 тысяч рублей;

- во 2-ю – не менее 5–10 тысяч рублей;

- в 3-ю – не менее 1–5 тысяч рублей.

Купцам 1-й гильдии разрешалось вести торговлю с другими странами, 2-й гильдии – розничную и оптовую торговлю в России, 3-й гильдии – мелкую торговлю по городу и уезду [13].

По документам архива музея из нерехтских потомков купечества по Костромской губернии числились:

к 1858 г. – 1-й гильдии – купцы Дьяконовы (начинавшие свою купеческую деятельность с 1832 года);

к 1872 г. – 1-й гильдии – купцы Сыромятниковы (начинавшие свою купеческую деятельность с 1839 года) [14, 15].

У купцов 1-й гильдии были особые привилегии: они носили шпаги, их награждали орденами и медалями. Только купцам 1-ой гильдии разрешалось иметь фабрики, заводы, морские суда. Они ездили по городу в карете, запряженной парой лошадей [21].

Еще в 1761 году купец Пастухов имел жительство в Санкт-Петербурге, числился в нерехтском купечестве. В Нерехте на его полотняной фабрике состояли приписные люди (дворовые), купленные к его мореходным делам. [16].

В приезд императрицы Екатерины II в Кострому в 1687 году

*Церковь Воскресения
(Варваринская)
Фотография. 1914 г.,
г. Нерехта (фонд ИАК), НКМ*

*Преображенская (Ильинская)
церковь Фотография. 1914 г.,
г. Нерехта (фонд ИАК), НКМ*

15 мая приглашены были из Костромской провинции только представители нерехтского купечества для вручения подарков: купец Дешунин и Пастухов.

В Нерехтском уезде в селе Киселево фабрикант Г. К. Горбунов за основание хлопчатобумажной производства в уезде на уровне мировых стандартов и выше получил статус «мануфактур-советника» [19].

Льняные полотна фабрики «Мануфактура нерехтских купцов Сыромятникова и Дьяконова» на московской выставке 1853 года были награждены Золотой медалью.

С 1856 года Император Александр II дозволил владельцам именоваться «фабрикантами полотняных изделий Ее Величества Государыни Императрицы

Марии Александровны», т. е. быть официальными поставщиками императорского двора. Звание «придворного поставщика» считалось одним из самых почетных у деятелей промышленности и торговли. Имеющие его могли использовать государственный герб на вывесках и продукции [18].

Со 2-й половины XIX века купечество имело некоторые права на внутреннее самоуправление: в городах образовывались особые купеческие общества. Они собирали налоги и взносы, выдавали сословные и промысловые свидетельства.

В Нерехте на основании Высочайшего утвержденного Указа от 16 июня 1870 года был составлен «Список гласных Нерехтской Городской думы», состоящей из купцов 1-й, 2-й и 3-й гильдий [17]. В этот «Список» вошли самые достойные купеческие и

дворянские роды Нерехты: Дьяконовы, Сыромятниковы, Пашинины, Мельниковы, Савельевы, Сеницыны, Коченины, Мешалины, Васьковы, Линева, Михеевы, Горбуновы, Самохваловы, Трескины, Иконописцевы, Федоровы, Яичковы, Хряпины, Масловы, Симоновы, Говоровы, Климовы, Сидоровы и др.

С 1785 года городской голова избирался из числа первостатейного купечества, из дворян, почетных граждан, купцов 1-й гильдии.

«Жалованная грамота городам» вводила звание «именитых горожан». Его получали богатые купцы с капиталом свыше 100 тысяч рублей и банкиры. Они были уже выше купцов 1-й гильдии и получали право иметь фабрики, заводы, сады, загородные дачи. Звание «именитых», «почетных, потомственных» граждан на земле нерехтской первыми получили из купечества, в 1858 году – купцы Дьяконовы, а в 1872 году – купцы Сыромятниковы [17, 18].

За особые заслуги в ведении промышленного производства купцы-фабриканты дослуживались до особых чинов, получали награды за качество своей продукции, могли носить дворянский мундир и шпагу, приезжать ко двору, получать звание коммерции- и мануфактур-советников, а пробывшие в гильдии беспорочно 12 лет – просить о принятии детей на государственную службу и пансионерами в учебные заведения [22].

Архив Нерехтского краеведческого музея и архивы потомков купечества сохранили имена достойных нерехтчан на должность городского головы в различные периоды времени:

«<...> с 1806 по 1812 гг. – 1-й городничий (Градской Голова) Иван Васильевич Князев. При нем в 1806 году было расчищено общественное болото у д. Бортниково; он выстлал в Нерехте главные улицы камнями; устроил пруды.

<...> В 1812 году И. В. Князев продолжал исполнять обязанности градоначальника <...>, за пожертвование разного провианта проходящим через Нерехту войскам высочайше награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте <...>» [23].

В период с 1830 по 1847 гг. градским головой был избран Борис Иванович Дьяконов [24].

В период с 1848 г. его сменил на посту Андрей Федорович Сыромятников [18]. В архивных документах музея в роли градского

главы упоминаются Алексей Александрович Дьяконов, купцы Горбуновы [18].

Архивные документы музея сохранили имена лучших купеческих династий Нерехты и знатных дворянских фамилий, владевших лучшими усадьбами нерехтской округи. Почти все они были членами «Нерехтского благотворительного общества», общее число членов которого к 1837 году составляло 87 человек [26], а к 1904 году – 150 человек [25].

В 1863 году в купечество открыт доступ из всех сословий. Ряды купечества пополняются из торгующего крестьянства. С 1863 года отменена 3-я гильдия [21].

С 1870 года городской голова при исполнении служебных обязанностей надевал должностной знак: большую медаль с изображением городского герба. Знак носили на цепи на груди [27].

Городской голова, городской магистрат занимались содержанием городского хозяйства.

Архивы музея сохранили копии «Ведомостей в Нерехтском городском магистрате» на «Содержание городского хозяйства», а именно: на городской магистрат, сиротский и словесный суды, градскую думу, Градскую полицию, богадельню, почтовую станцию, народную школу, мост через р. Нерехту, на серебряных дел мастеров. Все это содержалось на сборы с покосов, городских лавок, сборов с купцов и мещан [28].

Нерехтское благотворительное общество, городская дума осуществляли патронат над общественными заведениями и благотворительными учреждениями уезда:

- Нерехтской мужской воскресной школой.
- Нерехтским училищем для девиц.
- Детским приютом в с. Яковлевском.
- Приютом для призрения бедных детей в Юдино Горкиной волости.
- Городским детским приютом в г. Плесе [29].

Для развития Нерехты и ее экономики большое значение имело строительство железной дороги, соединившей город с Ярославлем, Костромой (1887–1898 гг.), Иваново-Вознесенском и Шуей (1887–1898 гг.) [30].

Особое участие и желание собрать капитал на строительство железной дороги было сделано: *«нерехтскими 1-й гильдии сыновьями Рафаилом и Михаилом Андреевичами Сыромятниковыми и <...> фабрикантом Г. К. Горбуновым»* [31].

Ни одно государственное дело, ничто не обходилось без активного участия граждан больших и малых провинций: губернских, уездных городов, сел, деревень, дальних и ближних окрестностей огромной России. Дела и жизнь граждан всех членов и сословий, как пример верного служения Отечеству, сохранили родовые и государственные архивы. Это история и память большой и малой провинциальной России «в зеркале дел государевых».

Опора российского государства на лучшие качества русского предпринимателя, использование русского опыта, инициативы и предприимчивости дала поразительные результаты. Количество промышленных предприятий (крупных) только за XVIII век увеличилось в 12 раз, достигнув числа 2423 предприятия с числом занятых почти в 100 тысяч человек по России. В тот момент по ряду экономических показателей Россия вышла на самые передовые рубежи.

Результаты и итоги деятельности русских предпринимателей с 1829 года отмечала в Санкт-Петербурге Всероссийская мануфактурная выставка, и вплоть до революции 1917 года на ней вровень с московскими, ярославскими, костромскими отмечены были золотыми медалями товары нерехтских фабрикантов-предпринимателей, «директоров Императорского двора», как они тогда именовались – это товары «льномануфактуры Дьяконовых – Сыромятниковых».

Особый этап русского предпринимательства пришелся на конец XIX – начало XX в. Он связан с коренной перестройкой российского торгового и промышленного потенциала. Происходило обновление предпринимательства. Образовывались отраслевые концерны. Начинается опыт акционерной формы предпринимательства. Происходило коренное техническое перевооружение во всех отраслях отечественной промышленности.

В Нерехте на льномануфактуре Брюханова обновилось производство, благо у владельца был и опыт, и сохранившиеся связи его

предшественников фабрикантов Дьяконовых и Сыромятниковых, от кого и перешла к Брюханову мануфактура.

Вопреки устоявшемуся в советский период мнению о каком-то особом зависимом положении России к началу XX века от иностранного капитала, документы сохранили следующие факты: общий объем зарубежных вложений в промышленность России к 1913 году составлял 9–14% всех промышленных капиталов. Отечественные предприниматели определяли всю промышленную политику России.

Начиная с 1876 года по 1880 год и до 1913 года Россия имела непрерывный активный торговый баланс. По темпам роста производительности труда Россия вышла на 1-е место в мире, опередив стремительно развивающиеся США.

С момента отмены крепостного права и по 1913 год объем промышленного производства вырос в 12 раз, а по отдельным показателям темпы роста были просто гигантскими:

- выплавка стали увеличилась в 2 234 раза,
- добыча нефти – в 1 469 раз,
- добыча угля – в 694 раза,
- продукция машиностроения и металлообработки – в 44 раза,
- химической промышленности – в 48 раз,
- торговля и общественное питание были одними из самых развитых в мире.

Ведущий французский экономист Э. Тэри отмечал: *«К середине текущего XX века Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении <...>»* [33]

Катастрофа 1917 года уничтожила эти надежды, разрушила плод труда русских предпринимателей многих поколений.

Сегодня в XXI веке многое нужно создавать заново. Изучение опыта, менталитета наследия русских предпринимателей поможет этому.

В чем же все-таки был особый секрет и успех расцвета и возможностей развития промышленного производства России в течение значительного стабильного промежутка времени, пребывающего по нарастающей с 1870-х годов по 1913 год. Чем объяснить те

огромные успехи, которые сопровождали развитие народного хозяйства России и производительных сил страны.

Главная и первоочередная причина этого успеха была в том, что русская промышленность создавалась не казенными усилиями и не руками лиц дворянского сословия. Русские фабрики были построены и оборудованы русским купечеством. Промышленность России вышла из торговли. «Торговое сословие» было в своей массе здоровым, а не таким порочным, как его представляли в легендах иностранцы, чему вторили страницы учебников истории советской России [32].

В постсоветской России утвердилась мысль о том, что экономика якобы определяет политику. Вот эта ошибочная позиция и не дает сегодня прочной платформы для воскрешения основ русской промышленности как фундамента промышленного производства России.

Но, как сказал русский философ С. Булгаков: *«Хозяйство – есть явление духовной жизни в такой же мере, в какой и все другие стороны человеческой деятельности и труда».*

Хозяйство – не отдельная, автономная часть общества, которую можно ремонтировать, менять, перестраивать вне связи с другими социальными и духовно-нравственными отношениями. Хозяйство – это органический и интегральный компонент, выражение и олицетворение общей культуры, данного народа, его традиций [33].

Русские предприниматели, купечество руководствовались в своей жизни высокими нравственными принципами, и во главе всего их жизненного пространства была Вера и родовая преемственность, и сословная сплоченность. Роды купеческие жили по древним русским негласным заповедям:

«...Считать Богатство за большой грех перед Богом.

Веровать, молиться, жить в труде как в добродетели.

Каяться, делать добро, служить людям, строить храмы, богадельни.

Хранить сокровища памяти родов своих и земель.

Заниматься благочестием, собирать библиотеки, коллекции национальных святынь, строить школы, театры, галереи, музеи...» [34].

По таким заповедям жило и нерехтское купечество.

«<...> Около 1806 года <...> Городским Головою был Иван Васильевич Князев <...> Собрал великое число мужиков, посадил травы на болоте <...>, продавал болото в траве <...> в 1830 г. ассигнациями за 4 тыс. рублей, в 1811 г. за 5104 рубля. Камнями выстилал в Нерехте главные улицы <...> Князев <...> по представлению Костромского губернатора Пасынкова высоч. награжден золотой медалью на Анненской ленте...».

Пример верного служения «делу Государеву», и соответствии с Заповедями Веры, Любви и Милосердия и искуплением греха в богатстве, показал в Нерехте городской голова Б. И. Дьяконова:

«<...> 1838 год <...> по пожару <...> Достойный памяти народный Дьяконов Борис Иванович удвоил городские доходы, возвысив их в год до 15 тысяч рублей на Ассигнации и когда оставался недостаток в графских общественных деньгах, на собственные свои деньги построил сгоревшие каменные лавки в Гостином дворе, огромный деревянный трактир, купил за дешевую цену в общество старые присутственные места Дом в 50 тысяч рублей и покрыл на свои деньги тесом <...>

<...> В 1839 году вновь обмежевал Городские земли, причем нашел много таких пожень, коими владели уже другие, что самое обещает новые значительные доходы для своего города <...>

Ему много одолжено при основании девичьего училища, для коего он не жалел ни трудов, ни имения <...>

<...> В Нерехте такого благодетеля нищие ни в ком не находили как в нем <...>

<...> Живи, украшение, краса Нерехты для счастья города, где в первый раз начало биться сердце твое! <...>

<...> В холеру <...> около 1832 года особенный пример показал Городской тогдашний Голова Борис Иванович Дьяконов, когда в общественной больнице <...> один он не страшился прикасаться к больным и умершим <...>

<...> В декабре 1842 года Борис Иванович Дьяконов Городской глава награжден Золотой на Владимирской ленте медалью «За усердие». Это у него вторая медаль. Первую на Аннинской ленте также Золотую. Высочайше награжден около 1830 года за спасение

Никольской церкви от пожара, когда в Пасху при сильном ветре сгорели три дома <...>» [24].

Купечество, особенно состоятельное, стремилось быть избранным в церковные старосты и занималось широкой благотворительностью «во имя Бога».

В Нерехте в этом преуспел Городской голова, купец 1-ой гильдии Борис Иванович Дьяконов: «<...> В 1846 году завершено строительство Казанской колокольни при соборе <...> после разбора старой стараниями соборного старосты Бориса Дьяконова <...>».

В 1837 году «когда двухсотенный соборный колокол разбился <...>. Был перелит стараниями купца Бориса Ивановича Дьяконова ...» [24].

Одним из мерил достоинства человека в купеческой среде по-прежнему служили его религиозное поведение. Вера в Бога сочеталась с коммерческим подходом к «добрым делам», за которые ожидалась награда божественного покровительства материального благополучия.

Характерная черта русского образа «совершенного купца» XVIII века состояла в признании неопременного результата его деятельности не только в личном обогащении, но и с общественной пользой [24].

Весомый пример коллективного единодушия в совершении благого дела на пользу обществу и вложения в это своих средств показали все члены «Нерехтского благотворительного общества»: первостатейные купцы в союзе со знатными дворянскими фамилиями, собрав значительную сумму на переустройство Женского пансиона в училище в честь посещения Нерехты 13 мая 1837 года Цесаревичем Александром Николаевичем. Но, поскольку все собранные средства были употреблены на устранение последствий пожара 1838 года, истребившего почти весь город, открытие училища состоялось в 1840 году на «щедроты Всемилостивейшего Государа Императора Николая Павловича и благотворения соотечественников <...>» [26]

Негласному закону служения Отечеству, Богу, людям подчинялись почти все представители купечества, не смотря на капиталы и гильдии.

«Своим усердием прославился скромный нерехтский художник из мещан Василий Иванович Турыльдин, написавший исторические записки о Нерехтском соборе и Владимирской церкви. Художественное наследие В. И. Турыльдина: рисунки к книге М. Я. Диева «История города Нерехты» и альбом с видами Нерехты – он преподнес царевичам Николаю и Михаилу Николаевичам при их проезде через Нерехту в августе 1850 года <...>». Теперь этот альбом – в фондах ГИМа [38].

Только такой купец достоин в своем промысле имени патриота, который с помощью собственного дарования, знаний и искусств, составляющих его собственный прибыток, производит ожидаемую от него общую пользу.

Купцы отдавали детей своих учиться за границу, чтобы они «не единственно для себя, но и Отечеству могли быть со временем способны, так как от этого могла произойти государственная польза» [35].

Так вот поступил самый зажиточный нерехтский купеческий род Дьяконовых: «<...> Иван Александрович Дьяконов, дед Елизаветы Александровны Дьяконовой (автора «Дневника русской женщины», 1902) для своего времени был человеком весьма грамотным, понимал пользу и необходимость образования, и единственного сына своего Александра Ивановича, отца Елизаветы Дьяконовой, отправил учиться в Москву [17], где он и закончил Московскую коммерческую академию и <...> стажировался в Сорбонне <...>» [14].

Сегодня с гордостью хочется вспомнить слова потомка знаменитого русского купеческого рода Федора Щапова: «<...> Было на Руси такое сословие купеческое <...>!» У купцов были деньги, энергия, предприимчивость. За всю историю отношение к ним в общественном сознании колебалось от иронического до враждебного. Но и то и другое шло то от дворян, то от некоторых слоев интеллигенции советской России [36].

Хочется еще раз отметить тот факт, что только опираясь на русское предпринимательство, русское государство сумело освоить безбрежные огромные пространства нашей страны. С полным основанием можно говорить, что русские купцы и промышленники материально подготовили тот расцвет национальной культуры, который

наблюдался в кон. XIX – нач. XX века. *«Мечтой жизни большей части русских предпринимателей было желание построить храм <...> Пройдитесь по старым русским городам – на каждой улице по церкви, а то и больше, и возведены они преимущественно на добровольные пожертвования купцов и промышленников. Так в сознании русского человека отражалась идея искупления за богатство, которое всегда связано с грехом <...> Построить храм или богадельню – это самый традиционный путь покаяния и общественного служения в XVIII–XIX веках <...>» [37].*

В Нерехте пример такого покаяния и общественного служения показывали первостатейные купцы Князевы, Дьяконовы, Сыромятниковы Симоновы, Савельевы, Горбуновы, Турыльдины, Сидоровы, Трескины. За ними точно также поступали и другие: *«<...> В 1837 и 1838 гг. Борис Иванович Дьяконов при своей приходской церкви на свою сумму <...> с помощью церковного <...> вызолотил в теплом храме <...> и стены украсил хорошею живописью с прекрасной уборкою... писано Иваном Семеновичем Быковым и Василием Ивановичем Соколовым, учениками известного Академиста Медведева Бориса Ивановича <...>*

<...> Около 1837 года на Сыпанове на гроб Преподобного Пахомия Нерехтского устроил прекрасную раку ценою около трех тысяч рублей и помогал при освящении нового храма во имя сего Преподобного переданного в 1835 году <...>» [24].

Примером Дьяконовым и Сыромятниковым, вложившим большие средства во Владимирскую и Ильинскую церкви, были их «сотоварищи» купцы-нерехтчанин: Федор Меньшой Зимин, построивший с нерехтчанами Никольскую (Богоявленскую) церковь, ярославские купцы, построившие церковь Владимирскую, также как Иоанн Аверкиев и И. И. Кемский, и также купец В. П. Симонов, построивший Крестовоздвиженскую церковь в Нерехте [38].

Возрождение национальных русских форм в искусстве в то время, когда господствовали западноевропейские понятия о прекрасном, связано тоже с меценатской деятельностью купцов.

Строительство церквей в русском стиле, возрождение русской духовной живописи, поощрение мастеров, создававших произведения в национальном духе, в значительной степени осуществлялось

на средства русских предпринимателей [30]. Не развернись во всю мощь со своим делом крупнейшие купеческие фамилии, не было бы в России Третьяковской галереи, Художественного театра, Бахрушинского музея, издательств Сабашникова и Солдатенкова; ряда крупнейших больниц: Морозовской, Хлудовской и других [39], не было бы по всей территории России десятков тысяч церквей и часовен (их перечень может составить множество томов), не было бы огромного числа школ, ночлежных домов, приютов, богаделен в Москве, С.-Петербурге и в провинции.

До 1917 года на всех этих объектах сохранялись имена их основателей, как правило, именитых купеческих фамилий. Сколько церквей в России было не только построено, но и отреставрировано на средства купцов. В 1912 и в 1917 гг., буквально еще перед революцией в Нерехте были зарегистрированы в Отчете Нерехтской городской управы дела и капиталы на малоимущих, на учреждения образования: капитал Е. А. Дьяконовой, капитал имени Г. К. Горбунова, капитал Д. П. Самохвалова и <...>, В. П. Михина для уездного училища [40].

Все эти заслуги русского купечества, русского предпринимательства были в одночасье разом перечеркнуты и уничтожены. Революция 1917 года уничтожила плоды предпринимателей многих поколений. В 1918 году предпринимательство было запрещено под страхом смертной казни. Из российской жизни изъяли важнейший элемент экономического развития. За несколько лет был ликвидирован слой русских предпринимателей, профессиональных организаторов российской экономики, которых Россия вынашивала и рождала столетиями. К 1920 году было физически истреблено или оказалось в вынужденной эмиграции более 100 тысяч предпринимателей. Эта потеря предпринимательского слоя была непоправима для России. Дело купеческое, их Вера и Храмы были разорены и превращены в склады. В Нерехте все 7 храмов были разрушены.

Главная причина невосполнимой утраты в том, что Россия лишилась уникальных тружеников, которые по своей культуре, психологии, образу жизни заметно отличались от западных предпринимателей. Наряду с крестьянством, русские предприниматели в гораздо большей степени, чем другие слои, сохраняли самобытные черты, несли

в себе ценности русского национального сознания и русской культуры [39]. Это позволило им жить по Вере, Совести, в согласии с собой.

Памятью о них стоят русские города, посады, монастыри и храмы с тех далеких столетий: XVIII, XIX, XX. Это они подарили их нам, своим потомкам. Нерехтчане, потомки купеческих и мещанских родов за 20 лет (1980–2000) возвратили из руин 5 храмов. Это покаяние и подвиг длиною в жизнь.

Сегодня без знаний истории предпринимательства, представляющей всю полноту жизни лучших купеческих родов, их потомкам невозможно правильно вести жизнь, хозяйство своих областей, районов, городов по всей России. Без этого не вернуть лучшие времена расцвета российской экономики и мощи Российского государства, его самобытности.

Нам, нерехтчанам (костромичам) стоит знать имена и дела предков, хранивших Нерехту и Кострому, построивших храмы и монастыри, фабрики, вымостивших улицы, содержавших на свои деньги школы, больницы, богадельни, приюты.

Нам нужно знать весь опыт хозяйствования и достойной жизни на земле своих предков, всех представителей купечества Нерехты: Дьяконовых, Сыромятниковых, Горбуновых, Поповых и их «сотоварищей» по «Нерехтскому благотворительному обществу». Их жизнь и дела – это наш древний город, «как в зеркале дел государевых», сегодня готовящийся встретить в 2014 году 800-летие. В память жизненного подвига и верного служения Отечеству купеческих родов и дворянских фамилий на земле Нерехтской надо поставить «как памятник» Музейный историко-культурный и туристический центр, как целый «музейный городок» в «Ансамбле женского пансионатучилища» и в «Ансамбле фабричной больницы».

В 1980–2000-е годы был восстановлен нерехтчанами из руин 1930-х годов город-храм, в память его создателей и хранителей – купцов нерехтских. Теперь надо поставить памятник делам ее хранителей и восстановителей этого города-храма – городок музейный, который будет копить, собирать, изучать и показывать последующим поколениям все лучшие страницы истории Нерехты к ее 800-летию. Называть его можно: «Нерехта – в зеркале дел государевых».

Библиография:

1. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов / Сост., вступ. ст., примеч. О. Платонова, Указатель имен Ю. Башилова. – М.: Современник, 1995. С. 3, 16, 29. (Далее – 1000 лет русского предпринимательства).
2. Перховко В. Кто и как торговал на Руси // Былое и думы. Приложение к газете «Деловой мир» – 1993. – № 11 / ноябрь. – С. 4.
3. 1000 лет русского предпринимательства. С. 4, 11, 12.
4. Голованчиков А. Город Нерехта // Рукописи архива Романовского музея города Костромы. С. 1–4. Копия
5. Географическо-статистический словарь Российской империи / Составил П. Семенов. Т. III. С.-Петербург: Тип. В. Безобразова и Комп., 1867. С. 410.
6. 1000 лет русского предпринимательства. С. 9.
7. Комашко Н. И. Иконописцы Григорий и Дмитрий Федоровы-Поповы – служители нижегородского Благовещенского монастыря // Вестник музея «Невьяновская икона». Выпуск 2.– Екатеринбург: Изд. группа «Колумб», 2006. – С. 78–84.
8. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: 20-е – нач. 60-х годов.– М.: Археографический центр, 1999. – С.45–54. (Далее Н.В. Козлова. Российский абсолютизм).
9. 1000 лет русского предпринимательства. С.16.
10. 1000 лет русского предпринимательства. С.16.
11. Диев М. Я. История города Нерехты. Рукопись. Костромской музей-заповедник КМЗ КОК-24761 (копия). (Далее – Диев, рукопись).
12. 1000 лет русского предпринимательства. С. 16, 265–266, 140, 331, 145, 151, 413–417, 26, 16.
13. 1000 лет русского предпринимательства. С. 17.
14. Архив потомков купцов Дьяконовых: (Нерехтский краеведческий музей, в/х1229); Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 2398. Оп. 1. Д. 326; Ф. 576. Д. 11 (1874–1887).
15. Архив потомков нерехтских купцов Сыромятниковых: (НКМ, в/х 1230); РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4719, Д.2078; Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 578. Д. 46 (1860-1880).
16. ГАКО. Ф.133. Оп.1. Д. 2483. Лл.12–15. О полотняной фабрике Михаила Грязновского Санкт-Петербургского купца в Нерехте... 1840 г.
17. Архив Дьяконовых.
18. Архив Сыромятниковых.

19. Государственный архив Ивановской области. Далее ГАИО. Ф.119. Оп.1. Д. 3110, 3320, 4082; Ф.1158. Оп. 6. Д. 36. Л. 20об.
20. Россия: Иллюстрированная энциклопедия. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 289 (Далее – Россия).
21. Россия. С. 290.
22. Беловинский Л. В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа XVIII – н. XX в. / Л. В. Беловинский. – М.: Эксмо, 2007. С. 336. (Далее – Беловинский Л. В.)
23. Диев М. Г. Нерехта в XVIII и первой четверти XIX века. – Кострома: Советская тип. (Отдельный оттиск из XIII выпуска Трудов КНО), 1920. С. 100, 101.
24. Диев, рукопись.
25. Отчет Нерехтского благотворительного общества за 1904 год. – Нерехта: Типография Е. И. Беляевой, 1905. С. 3-10. (НКМ, КОК-23035/инв. №84)
26. Об открытии училища для девиц в городе Нерехте. – М.: тип. Императорского Московского университета, 1841. С. 1-15 (копия, НКМ, в/х 1231).
27. Беловинский Л. В. С. 35.
28. ГАКО. Ф. 134. Оп. 2. Д. 39. Л.12-12 об. Ведомость в Нерехтском городском магистрате.
29. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д.14135. Л. 27. Благотворительные учреждения и общества Нерехтского уезда на 1914 год.
30. Архив Нерехтского краеведческого музея по истории Северной ж/дороги Ярославль – Нерехта – Кострома (НКМ, в/х 1232).
31. Архив фабриканта Г. К. Горбунова от правнука И. В. Разживина (архив Нерехтского краеведческого музея № 55422/Т-4-2273).
32. 1000 лет русского предпринимательства. С. 17, 23, 30, 31, 32.
33. Нарочницкая Н. А. Русский мир / – СПб.: Алетей, 2007. С. 38–39.
34. 1000 лет русского предпринимательства. С. 25–27.
35. Российский абсолютизм. С. 358.
36. Федор Щапов: Купец я, и этим горжусь // Газета «За Калужской заставой», № 51 от 28 декабря 2000 г. – 3 января 2001 г. С. 6.
37. 1000-летие русского предпринимательства. С. 25, 27.
38. Демидов С. В., Кудряшов Е. В. Нерехта // Малые города России. – М.: Изд-во «Отчий дом», 1996. С. 23, 24, 49, 20.
39. 1000-летие русского предпринимательства. С. 29, 27, 32, 3.
40. ГАКО. Ф. 1168. Д.3.
41. Лапшин-Грязновский Михаил Яковлевич // «Санкт-Петербургские ведомости» (1761–1775гг). С. 8.

Рябинцев С. В.
главный хранитель
Костромского музея-заповедника

ВЕРА КОСТРОМСКИХ КРЕСТЬЯН В «КУРИНОГО БОГА» (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

Мировоззрение великорусского крестьянина складывалось под сильным влиянием церкви. В своей религиозной жизни крестьяне проявляли много внешней набожности. Они постоянно крестились, регулярно посещали церковные службы и соблюдали посты¹. При этом христианские религиозные представления у крестьян уживались с языческими верованиями, предрассудками, обычаями и обрядами. Данный синтез в этнографы иногда называют двоеверием. По сути, двоеверие являлось единой верой, сплавом, в котором невозможно было отделить один пласт от другого. В крестьянском сознании наблюдалось своеобразное переплетение суеверий с религиозным мировоззрением².

Так одним из обрядов дохристианской – языческой эпохи, сохранившимся до начала XX вв. в Костромской губернии, была вера крестьян в куриного бога.

В коллекции музея Костромской губернской ученой архивной комиссии числилось «Пять досок с «куричьими богами» в количестве более 50 штук³. Можно предположить, что в последующем они, как и остальные предметы из коллекции музея ГУАК, вошли в состав коллекции Костромского областного музея. В каталоге Костромского областного музея 1925 года сказано: «Часть одной витрины занята предметами продолжающими бытовать здесь в виде разных

¹ Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С.212.

² Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX в. – Самара, 1999. – С. 51.

³ Каталог музея Костромской губернской ученой архивной комиссии / Составлен членами Архивной комиссии: свящ. П. А. Алмазовым, А. Н. Рождественским, И. А. Рязановским и А.И. Черницыным. – Кострома, 1909. – С. 41.

суеверных пережитков, как напр., «куричи боги» и фигуры дожинальных снопов»⁴.

К большому сожалению, данная коллекция куриных богов не сохранилась до наших дней. В коллекции современного Костромского музея-заповедника в настоящее время находятся только два куриных бога. Один из них, под номером КМЗ КОК-19090/33, поступил в музей в 1981 году в результате экспедиционных сборов из деревни Мытищи Макарьевского района Костромской области⁵. Второй камень под номером КМЗ КОК 37209, можно предположить, происходит из коллекции ГУАК⁶. В инвентарной книге коллекции «Разное» в графе «Источник поступлений» сказано, что предмет поступил в музей в 1988 году «из старых поступлений».

Интересно выяснить, почему же крестьяне называли некоторые камни куриными богами? Для чего и как использовали их в хозяйстве?

Поможет ответить на данные вопросы анкета «Культ и Народное сельское хозяйство», разработанная этнологической станцией Костромского научного общества по изучению местного края в 1922 году под патронажем Бюро краеведения Российской Академии наук (Петроград). 28-й вопрос анкеты звучит так: «Не верят ли в Куриного Бога? Что вешают на нашесты и для чего?». В коллекции «Документы» Костромского музея-заповедника находятся более 460 заполненных анкет. Положительный ответ на 28-й вопрос встречается примерно в одной четвертой части от общего количества анкет.

Проведем анализ анкет с положительными ответами.

Так в селе Павлово Буйского уезда Костромской губернии считали куриным богом «<...> ноздреватый камень обязательно с дыркой

⁴ Краткий путеводитель (по Костромскому государственному областному музею). – Кострома, 1925. – С. 12.

⁵ КМЗ КОК-19090/33; Р-192 Камень «куриный бог» с двумя дырочками (на веревке). Поверхность неровная, полукруглой формы, серого цвета. Из села Мытищи Макарьевского района Костромской области. Конец XIX – начало XX вв. Камень. Диаметр 27 см.

⁶ КМЗ КОК-37209; Р-257 Камень «куриный бог» неопределенной формы с многочисленными отверстиями и выпуклостями. Цвет камня желтовато-коричневый. По представлениям крестьян такие камни оберегали кур. XIX в (?). Из старых поступлений. Камень. 17 x 11 см.

его и вешают на нашест»⁷. Так как камень – куриный бог чаще всего был неопределенной формы, ноздреватый, в отверстиях, то в анкетах встречаются следующие, описания куриных богов: «<...>уродливый с дырками камень кремь<...>»⁸, «<...>урошный камень<...>»⁹, «<...>в уродливом, как сморчок, камне<...>»¹⁰. При этом в некоторых анкетах респонденты отмечали, что обязательным условием было то, что отверстия в камне должны были быть природными «<...> с искусственным есть не настоящий бог<...>»¹¹. Встречается упоминание о запрете трогать куриного бога руками «<...>чтобы не навлек на кур болезнь или холеру»¹². В каменном курином божестве этнограф Д. К. Зеленин был склонен видеть древний каменный топор или молоток, принесенный в жертву умершим предкам¹³.

В части анкет встречается упоминание, что вместо камня крестьяне вешают «<...>кто худую кринку, кто черепок»¹⁴. Можно полагать, что замена камня с естественным отверстием горлышком разбитого глиняного сосуда – явление более позднее¹⁵.

Кроме того в некоторых ответах встречается упоминание старой обуви «на дворах у некоторых висят шептуны (лапти) и худые поршни<...>»¹⁶. Б. А. Успенский вслед за Д. К. Зелениным считал, что использование старой обуви – отголосок культа предков. Старая обувь

⁷ КМЗ КОК 37077/127. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ. Буйский у. с. Павлово.

⁸ КМЗ КОК 37077/144 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ. Буйский у. Письменская в. д. Гавриловское.

⁹ КМЗ КОК 37077/17. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Чухломской у. Судайская в. д. Пустошь (на ручье Вига).

¹⁰ КМЗ КОК 37077/35. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Галичский у. Игодовская в. д. Дубяны.

¹¹ КМЗ КОК 37077/158. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Буйский у. Троицкая в. д. Троицкое (на р. Андобе).

¹² КМЗ КОК 37077/8. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Чухломской у. Просековская в. д. Лесниково.

¹³ Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 94.

¹⁴ КМЗ КОК 38735/30. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Нерехтский у. Митинская в. д. Осеевка.

¹⁵ Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 94.

¹⁶ КМЗ КОК 37077/221 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Нерехтский у. Ковалевской в. с. Ковалево

связана с похоронными и поминальными обрядами, она предназначалась покойникам для перехода в другой мир¹⁷.

В некоторых селениях Костромской губернии в качестве куриного бога использовались одновременно несколько различных предметов, так в населенных пунктах Нерехтского уезда вешали на нашест: горло от кувшина, голову козла и лапоть с камнями¹⁸, ладан¹⁹.

Иногда в анкетах встречается информация о замещении языческого куриного бога христианскими атрибутами и символам. В Солигаличском уезде отмечались случаи, когда в курятники вешали медный образ²⁰, в Нерехтском уезде изготовляли из соломы крест²¹.

По мнению Д. К. Зеленина, в самом термине «куриный бог», под словом «бог» имеется значение икона. А ночной крик куриц – молитва птиц перед богом-иконой²². Историк Б. А. Успенский утверждал о генетической соотнесенности куриного бога с культом языческого бога Волоса (Велеса)²³.

Главная цель использования куриного бога в хозяйстве – защита домашней птицы от сглаза, различных опасностей и невзгод. Чаще всего, крестьяне объясняли причину использования куриного бога следующим: «<...> чтобы куры не дохли»²⁴, «<...> для спасения кур»²⁵, «<...> чтобы садить курицы наносетку»²⁶. В Буйском уезде

¹⁷ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982. – С. 151; Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. – М., 1994. – С. 214-230.

¹⁸ КМЗ КОК 37077/212. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Нерехтский у. Кунестинской в. д. Поповка.

¹⁹ КМЗ КОК 37077/200. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Нерехтский у. Кулиго-Марьинской в. д. Безводное.

²⁰ КОК 38735/43. – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Солигаличский у. Вершковской в. с. Боярское .

²¹ КМЗ КОК 38735/9 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Нерехтский у. Марьинско-Александровской в. д. Петелиха.

²² Зеленин. Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 94.

²³ Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982, – С. 152.

²⁴ КМЗ КОК 37077/28 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Галичский у. Игодовская в. д. Малое Пятино.

²⁵ КМЗ КОК 37077/144 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Буйский у. Письменская в. д. Гавриловское.

²⁶ КМЗ КОК 38735/67 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Солигаличский у. Зашугомская в. д. Медвежье.

Костромской губернии вешали для того чтобы: «<...>он [куриный бог] спасал их наполе от ястреба»²⁷. То есть в данном случае куриный бог защищал птицу от опасности – нападение хищных птиц. По мнению Д. К. Зеленина, сглаз обычно проявлялся в том, что на скотину насылались различные бедствия, чаще всего болезни, но нападение ястреба так же может считаться таким бедствием²⁸.

Довольно часто крестьяне объясняли использования куриного бога для защиты птицы от домового или кикиморы²⁹. «Верят для того чтобы не ошшипывала бы какая то кикимора»³⁰. «Вобщем куриного бога не верят но дедушка дворного верят если которых курец неполюбит то шеи окажутся голые и вод тогда вешают лапоть на наседадо и кладут ладону и тогда дедушко нетрогает»³¹. Этнографы указывают на связь домового с умершим членом семьи, родовым предком³².

Таким образом, можем говорить, что обычай использования куриного бога в курятниках для защиты птиц – древний дохристианский языческий обряд, связанный с культом предков. По данным анкеты «Культе и Народное сельское хозяйство» вера сельского населения в куриного бога была достаточна сильна и в Костромской губернии и сохранялась вплоть до 20-х годов XX века.

²⁷ КМЗ КОК 37077/312 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Буйский у. Воскресенская в. д. Носарево.

²⁸ Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901 – 1913. – М., 1994. – С. 223.

²⁹ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982. – 152

³⁰ КМЗ КОК 37077/142 – Анкета культ и Народное сельское хозяйство. – Костромская губ., Буйский у. Письменская в. д. Лоходомово.

³¹ КМЗ КОК 38735/7 – Костромская губ., Нерехтский у. Марьинско-Александровской в. д. Мулино.

³² Виноградова Л. Н. Народные представления о происхождении нечистой силы // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М., 2000. – С 25 – 52.

Удовенко Г. В.
старший научный сотрудник
научно-информационного отдела
Костромского музея-заповедника

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ЗАБВЕНИЯ. ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ НА КОТЕЛЕ

В местечке Котело, расположенном на 35 км дороги Галич-Буй, по преданию, в давние времена на берегу ручья Студенец, в роднике, была обретена икона Рождества Пресвятой Богородицы. Местные жители, увидев в этом особое проявление милости Божией, обустроили на источнике колодец. Неподалёку от места явления иконы, на Котельской горке, в память чудесного обретения образа Божией Матери возвели деревянный храм и осветили его в честь её Рождества. Чудотворную икону поставили в устроенной для неё церкви. Однажды образ из церкви исчез. Нашли его там, где он был обретен, в водах источника. Не все могли видеть явленный образ, но некоторым по вере их являла Пресвятая Богородица икону на дне родника. Мать Божия даровала множество исцелений через свою родниковую воду, особенно больным детям. Даже в безбожные годы XX века приходили люди к святому источнику с надеждой на помощь Пресвятой Богородицы. Случалось, что жители округа видели по ночам сияние, идущее из колодца, и столп света, уходящий в небеса. В 1960-х годах тропка к источнику заросла – ухаживать за ним было уже некому.

Второе обретение святого источника произошло в мае 2012 года – в канун юбилейной даты: 210-летия строительства в камне (до этого она была деревянной) церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Котеле, той самой церкви, возведение которой и было связано с обретением явленной иконы на источнике.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы на Котеле, ныне не существующая, была одной из красивейших церквей Галичского уезда. История ее насчитывает не один век, начало же уходит в эпоху Позднего Средневековья. Погост Котело на речке Котелке в XVII – XVIII веках входил в обширную, простиравшуюся почти

до Галичского озера Ликургскую волость. Как малое селение, состоявшее из церкви с земельным участком, домов причта и кладбища, погост возник, вероятно, в конце XVI – начале XVII века. Однако место это было обжито ещё в глубокой древности, населяли его меряне – финно-угорское племя. Подтверждением тому служит название селения, имеющее не славянское, а мерянского происхождения. Наименование местность получила от протекавшей рядом речки, в незапамятные времена названной мерянами Кóтела. Возможно, много веков назад именно на этом месте располагалось мерянского капище, которое с распространением новой для Руси христианской веры было разрушено. Традиция ставить церкви во имя Рождества Богородицы на месте разрушенных языческих святилищ, посвящённых женским божествам, пришла на Галичскую землю с новгородцами, которые несли сюда свет христианства уже с конца XII века. Названия, как самой речки, так и приречной местности со временем обрусели – речку стали называть Котелка, а погост (позднее село) – Котел или Котело.

Самые ранние письменные свидетельства о церкви Рождества Пресвятой Богородицы на речке Котелке Ликургской волости Галичского уезда, которые удалось выявить, относятся к 1676 году¹. Несколько раз деревянный храм горел, на его месте возводили новый². В 1802 году тщанием прихожан был построен вместо утраченного деревянного новый каменный двухэтажный храм Рождества Пресвятой Богородицы с пятью престолами³. Главный престол в нижней (зимней) церкви был освящен также в честь Рождества Богородицы, поскольку новые церкви, если возводились они вместо ветхих или сгоревших, по указу Святейшего Синода от 29 сентября 1742 года, предписывалось строить «на том же месте и в то же наименование». Боковые престолы в нижней (зимней) церкви были освящены в честь святителя Николая Мирликийского – в правом при-

¹ Материалы для истории Костромской епархии. Вып.3: Плёсская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель 1628-1710 и 1722-1746 гг. – М., 1902. – С. 57.

² Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломую жилых данных церквей 1628-1710 и 1722-1746 гг.- Кострома, 1896. – С. 317-318.

³ ГАКО. Ф. 130. Оп. 9 Д. 1368. Л. 1.

деле и архистратига Михаила – в левом; в верхней (летней) церкви главный престол был освящен в честь Святой Живоначальной Троицы, боковой, в правом приделе, в честь святителя Тихона Амафунтского чудотворца. Рядом возвели каменную колокольню. Вокруг церкви установили каменную ограду, за которой находился погост. Освящение престолов в честь двух святителей – Николая и Тихона – свидетельство особого почитания этих святых в Костромской губернии. Нашими предками святитель Тихон Амафунтский чудотворец (память 16/29 июня) был любим не меньше, чем святитель Николай Мирликийский. Его считали скорым помощником, защитником бедняков и покровителем земледельцев, молились ему о даровании хорошего урожая, сохранении хлебных посевов, исцелении недугов и защите от всякого зла. Святитель Тихон Амафунтский почитался не только в Галичском, но и в Ветлужском, Макарьевском, Костромском уездах губернии. Главными святынями храма были деревянное Распятие Христово и почитаемая икона Божией Матери (вероятно, Рождества Богородицы). Судьба их пока остается неизвестной. Вероятно, они были уничтожены в период закрытия церкви и разграбления церковного имущества в 30-е годы XX века. Сохранились только фотографии Распятия и Главы Иоанна Крестителя, сделанные замечательным фотографом, уроженцем Костромской губернии Сергеем Александровичем Орловым. Клише с них было опубликовано в 1915 году в книге Б. И. Дунаева «Деревянное зодчество северо-востока Костромской губернии».

Сохранившиеся частично межевые книги погоста Котело свидетельствуют, что в середине XIX века он был во владении лиц духовного и светского звания. Первая часть погоста была записана за самими священно- и церковнослужителями, вторая часть погоста числилась за костромским дворянином гвардии штабс-капитаном Василием Михайловичем Шиповым (1801–1879)⁴.

Род Шиповых, восходящий к середине XVI в., записан в VI часть Дворянской родословной книги Костромской губернии, в которую вносились древние благородные дворянские роды. Василий Михайлович Шипов личностью в губернии был известной: служил мировым судьей по Костромскому уезду, состоял членом Костромской

⁴ ГАКО. Ф.138. Оп.10. Д.67. Л.10, 10 об.

уездной земской управы, был предводителем дворянства по Костроме и Костромскому уезду, в 1875-1878 гг. состоял в должности губернского предводителя дворянства. Кроме части погоста Котело, ему в Галичском уезде принадлежала и располагавшаяся на берегу речки Котелки, неподалеку от церкви усадьба Поляны, а также часть деревни Калинино, часть пустошей Большой крапивник и Бородино с селцом Екатерино-Васильевское и часть наволока Коростелев. Усадьба Поляны была во владении Шиповых с начала XVII столетия и с тех пор, переходя из поколения в поколение, оставалась в родовом владении. Дворяне Шиповы были одними из тех прихожан, чьими стараниями и попечениями была возведена в 1802 году церковь Рождества Богородицы. Благотворителями и благоукрасителями храма, а также попечителями церковно-приходской школы были благочестивые прихожане обширного котельского прихода, к которому относились более двадцати окрестных селений. Двадцать лет, с 1895 по 1915 гг., попечителем церковно-приходской школы был крестьянин деревни Селехово Василий Константинович Камнев. Тщанием прихожан в 1885 году был построен и двухэтажный каменный дом причта, сохранившийся до наших дней. Попечение о церкви несли и дворяне, чьи усадьбы и земельные владения окружали погост. Имена некоторых из них удалось восстановить, исследуя в архивах историю котельского некрополя: вдова действительного статского советника Анна Фёдоровна Гермес, урождённая Васькова (1830-1900), полковник Генерального штаба Вячеслав Васильевич Болотов (1854-1894), дворянин Василий Петрович Богословский (1831-1895).

Анна Федоровна Гермес оставила о себе добрую память, снискав её делами благотворительности. Она была владелицей усадьбы Бородино, которая располагалась в полуверсте от погоста Котело, ей же принадлежали сенокосные угодья на речке Вёксе, которые были отданы ею в безвозмездное пользование причту церкви⁵. В 1901 году по духовному завещанию Анны Гермес в Галичскую земскую управу был передан капитал в сумме 3 000 рублей, завещанный в пользу галичской земской больницы на учреждение в ней одной койки для больных в память мужа завещательницы – Николая Николаевича

⁵ ГАКО. Ф. 130. Оп. 9 Д. 1368. Л. 7 об.

Гермес, а также капитал в сумме 2 500 рублей, завещанный на поддержку и учреждение земских школ⁶. Щедрое пожертвование было с благодарностью принято Галичским земством. Члены Галичской уездной земской управы подали губернатору И. М. Леонтьеву ходатайство о размещении портрета А. Ф. Гермес в зале заседаний уездного земского собрания. Оно было одобрено, и уже летом 1900 года фотопортрет благотворительницы был заказан петербургскому придворному фотографу К. А. Шапиро. Вплоть до 1917 года Галичское земство из капитала им. А. Ф. Гермес расходовало средства на развитие народного образования и здравоохранения в уезде. Часть капитала А. Ф. Гермес по её завещанию была передана и в пользу церкви епархии.

В Котельском храме с 1802 по 1918 год служили четыре священника: Никифор Иванов, Иоанн Удгодский, Павел Ширяев и Алексей Смирнов. И о. Иоанн, и о. Павел, и о. Алексей несли служение в этом храме беспрерывно со дня посвящения в священнический сан до выхода за штат.

Иван Васильевич Удгодский (1790–1863) окончил Костромскую духовную семинарию в 1812 году и сразу был определен священником к названной церкви. В 1817 году последовало его назначение на должность благочинного. В котельской церкви о. Иоанн Удгодский прослужил 51 год. Вместе с ним с февраля 1850 года служил священник Павел Ширяев (1827–1900), приходившийся ему зятем. Он же и стал настоятелем после смерти о. Иоанна Удгодского. Такая семейная преемственность в наследовании приходов была неотъемлемой частью русской церковной традиции в XIX столетии.

О личности и деятельности протоиерея Павла Ширяева, служившего в церкви Рождества Богородицы 41 год, можно было бы написать целое исследование. Был он достойным пастырем, неутомимым тружеником, щедрым жертвователем. Занимался народным просвещением и благотворительностью. Содержал 10 лет на свои средства церковно-приходское училище, разместившееся в приходском доме. Даже после выхода за штат продолжал преподавательскую

⁶ В Галичское уездное земское собрание уездной земской управы доклад № 89 // Сборник постановлений Галичского уездного земского собрания очередной сессии 1901 года. – Кострома, 1902. – С.201-202.

и миссионерскую деятельность. Состоял действительным членом Православного миссионерского общества. Имел множественные благодарности и благословения от Святейшего Синода и епархиального начальства. Похоронен был протоиерей Павел Ширяев за алтарём храма, в котором верой и правдой служил четыре десятилетия. Могила его, как впрочем и могилы всех священно- и церковнослужителей и мирян, не сохранилась, поскольку погост постигла та же участь, что и церковь: он был осквернён и уничтожен. Могилы частично были срыты, надгробия растащены. В 1970-х годах предпринята была попытка строительства в этом месте участка дороги Галич–Буй. Однако когда в процессе дорожных работ обнаружили захоронения, для трассы отвели другой участок. Погост же после варварского вмешательства пришёл в совершенное запустение.

Котельский храм был разрушен до основания в середине 1930-х годов. Новой вехой в духовной жизни этих мест стала установка в 2010 году Памятного креста на месте разрушенного храма Рождества Пресвятой Богородицы на Котеле. Его установили уроженцы Галичской земли Николай Виноградов и Павел Комлев. Был найден и святой источник. При расчистке колодца нашли два старых сруба, медные и серебряные монеты начала XIX века, детские пуговички, крестики. Первый за столетие крестный ход к святому источнику и водосвятный молебен состоялся в Тихонов день – 29 июня 2012 года. Именно в этот храмовый праздник водосвятный молебен всегда служился причтом котельского храма на роднике Богоматери.

Хохлова О. В.,
старший научный сотрудник
отдела хранения
Костромского музея-заповедника

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РОДИНЕ Е. В. ЧЕСТНЯКОВА

Все исследователи творчества Ефима Васильевича Честнякова прекрасно знают, что деревня Шаблово, являющаяся его родиной, входила в состав Илешевской волости. В Илешевском храме был крещен этот выдающийся художник и писатель, очень многое связывало Ефима Васильевича с его малой родиной, здесь он черпал вдохновение.

Интерес к Илешеву возникал еще у дореволюционных исследователей, но он был, как правило, поверхностным и проявлялся лишь в контексте общего изучения древних волостей и станов Костромской губернии.

В 1887 г. специально для VII Археологического съезда в Ярославле Т. С. Семеновым был предоставлен «Алфавитный список населенных мест, рек, речек, озер Мерянской стороны, названия которых поддаются объяснению из черемисского языка», в котором указывалось, что наименование села Илешево Костромской губернии на реке Унже образовано от черемисского корня «илеш, илыш», что переводится как «жизнь, житие». Подтверждает данную версию и другой исследователь, профессор московского Археологического института С. К. Кузнецов.

Первые наиболее достоверные сведения об Илешевской волости Кологривской осады относятся к началу XVII в. когда волость представляла собой огромную территорию, простирающуюся вдоль обоих берегов реки Унжи. С севера-запада она граничила с Шишкелевской волостью и примыкала непосредственно к Кологриву.

Правый берег был представлен деревнями Акатово, Бурдово, Шаблово, Глебово, Крутец, Давыдово, Плетешово, Мичурино, Зеленино, Овсянниково и другими, многие из которых сохранили прежние названия. Кроме того, в состав Илешевской волости входили и

деревни по левому берегу Унжи: Тодино, Судилово, Вокшево, Урма, Дружинино, Бояринцево, Чежма, Федорково, а также село Кичино, ставшее впоследствии центром нового Кологрива.

В начале XVII в. одной из первоочередных задач новой пришедшей к власти династии Романовых было налаживание системы налогообложения, что не представлялось возможным без грамотно составленных описаний различных населенных пунктов, существовавших на территории Российского государства, и проводимых межеваний земель, вызывающих спорные вопросы. Поэтому дозорные, переписные, писцовые, межевые книги являются очень важными источниками в изучении истории XVII века.

Наиболее изученным на данный момент источником является «Дозорная книга городов Парфеньева и Кологрива и черных волостей Парфеньевской, Кологривской и Унженской осад письма и дозора Семена Федоровича Сытина и подьячего Леонтия Софонова», позволяющая пролить свет на отдельные аспекты хозяйственной жизни Илешевской волости начала XVII в.

Исследователь начала XX в. Ю. В. Готье в своей книге, посвященной истории Замосковского края, приводит некоторые данные по черным волостям Галичского уезда, в том числе и по Илешевской волости.

Используя уже известные цифры, можно вычислить обеспеченность землёй черносошных крестьян Илешевской волости и процент безземельных дворов среди них в сравнении с прочими волостями Кологривской осады.

Итак, в Илешевской волости находилось около 46,7 % всех дворов черносошных крестьян Кологривской осады, которым принадлежало 932,5 четей пахотной земли, что в среднем составляет 3,3 чети на один двор или 1,66 десятины. По классификации Черкасовой М. С., 3,3 чети соответствуют мелкому крестьянскому наделу. Кроме того, обращает на себя внимание низкий процент переложных земель, за счёт которых крестьяне других волостей сохраняли возможность увеличить размер своего надела.

На нехватку земли указывает ещё один показатель – процент безземельных (бобыльских) крестьянских дворов. Как явствует из таблицы он равен почти 19,5.

Помимо сельского хозяйства чернососшные крестьяне Илешевской волости занимались скотоводством. Используя данные о количестве сена в копнах, заготавливаемых на год можно приблизительно установить количество крупного и мелкого рогатого скота.

Документы конца XVI века содержат много сведений о нормах кормления домашнего скота в период стойлового содержания, который длился в изучаемом географическом районе не менее 7 месяцев. Так, в конце XVI века в среднем на голову приходилось 2,3 мерных копны. Таким образом, зная, что Илешевские крестьяне заготавливали 1150 копён сена можно предположить, что общее стадо состояло примерно из 500 голов крупного и мелкого рогатого скота. Однако стоит отметить, что в Кологривской осаде было развито коневодство, и значительная часть сена могла заготавливаться специально для стойлового содержания коней, которым требовалось в среднем не менее 5,2 копён сена в год на одну голову.

Новый этап своего развития Илешевская волость получила при Петре I. В 1708 г. по его указу была образована Архангелогородская губерния, к которой были приписаны 20 городов, в том числе Галич и Кологрив. При последующем делении губернии на провинции были упразднены образованные в 1715 г. из уездов доли, вместо них с 1719 г. вводились дистрикты.

Небольшой временной период существования дистриктов нашел свое отражение в некоторых документах Берг-коллегии, представляющих собой замечательные материалы для изучения крестьянской промышленности. В частности в 1724 г. в Берг-коллегию была послана ведомость *«из Галицкой провинции по описи де капитана Василья Рылева, коликое число имеет цаво оной провинции по скаскам разных помещиков крестьян железных заводов и горнов, и ручных домен, а где и в которой деревне, и сколько щетом»*. Широко известные сведения о том, что в пределах Кологривского края активно развивалась железоделательная промышленность, подтверждаются и дополняются этим документом.

Руда добывалась на близлежащих территориях: в Мичурине, Окатове, Бирючеве, Овсянникове. Стоит отметить, что в последнем к 1724 году добыча прекратилась *«понеже оная под деревнею Овсянниковым перевелась»*.

В 1778 году уезды бывшей Галицкой провинции вошли в состав Костромской и Унжеской областей Костромского наместничества, а после образования Костромской губернии, в для селений государственных крестьян была введена новая административно-территориальная единица – волость, входящая в состав уезда. В Кологривском уезде было образовано 27 новых волостей.

По статистическим таблицам 12-ти уездов Костромской губернии (сведения на 1863–1864 гг.), село Илешево включало в себя 30 населенных мест в приходах (3 усадьбы, 4 сельца 18 деревень и 4 кордона), в которых проживало 1538 прихожан обоего пола. При этом среднее число жителей на каждое населенное место составило 51,26.

К 1872 г. согласно списку населенных мест, вся территория волости простиралась по торговому тракту из г. Кологрива в г. Солигалич. В селе Илешеве имелось на тот момент всего 3 двора, где проживало 16 человек (6 лиц мужского и 10 лиц женского пола). Если проследить динамику изменения численности населения в самом селе Илешеве безотносительно других населенных пунктов, то становится очевидной тенденция сокращения численности населения: в 1897 году там проживало 12 человек (5 мужчин и 7 женщин), а к 1907 году осталось всего 8 человек.

Анализ приведенных цифр приводит к выводу о том, что в Илешеве происходит спад развития в кон. XIX – нач. XX века. Такая особенность объясняется, в первую очередь, переходом к более мелкому территориальному делению. Естественно, что несопоставимыми становятся размеры прежней Илешевской волости, которая составляла более 1/8 Кологривской осады, и вновь образованной территориальной единицы, в которой село Илешево не является даже центром волостного правления. Эта административная функция переходит к другим поселениям (Крутцы, Мичурино). Но в то же время история Илешева складывалась в русле истории всей страны, и когда шло повсеместное разорение дворянских и купеческих усадеб, Илешевская волость не была исключением, свидетельством чему являются многочисленные упоминания в «Вологодских губернских ведомостях» о продаже разорившихся имений на публичных торгах за всевозможные неуплаты.

Таким образом, лишь немногие обозначенные сюжеты из истории Илешевской волости отражают основные этапы развития Кологривской земли в целом, поэтому дальнейшее изучение этого направления краеведения просто необходимо для более глубокого понимания роли малых городов и его жителей в судьбах Российского государства.

Шипалетова Н. А.,
научный сотрудник
Кологривского краеведческого музея
им. Г. А. Ладыженского (филиал КМЗ)

КОЛОГРИВСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР (КОН. XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Театр – искусство трудное, не имеющее границ для актера, и если поначалу оно кажется легким, не требующим особых усилий, то это не так. Театр должен волновать зрителя, заставлять переживать судьбу героев того или иного спектакля. Несмотря на то, что мы живем в век гениальных человеческих открытий – кинематографа, телевидения, компьютеров, и т. п. – театр всегда остается любимым видом искусства для народа. Непосредственное общение, контакт актера со зрителем всегда дают потрясающий творческий эффект.

Искусство театра многогранно, оно заставляет развивать свою фантазию, технику речи, технику пластики, размышлять философски и делать выводы.

Театр – это очень сложный вид искусства. В него входит слово, игра, актерское мастерство, особенностью которого является художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями. Специфика театра заключается в изображении исполнителем событий, которые как бы непосредственно происходят перед зрителем. Зритель становится их свидетелем и соучастником, что определяет особую силу идейного и эмоционального воздействия театра. «Театр – искусство коллективное, поскольку в спектакле объединяются творческие усилия драматурга, актеров, режиссера, художника, создающего сценическое оформление, композитора и ряда других лиц».¹

Любительский театр в Кологриве был построен и открыт в 1875 году на земле прогимназии (в своем саду) с тем, чтобы часть сборов со спектаклей поступала к ним. Театр имел большую сцену с двумя уборными (гримерными) по бокам. Мест в зрительном зале было

¹ Большая Советская Энциклопедия. II-е изд. Том 42. С. 56.

по 16 в каждом ряду, всего было 9 рядов; сзади скамейки 5 или 6 рядов, поверху галерка. Цена на билет была 1 р. 50 коп. – первые ряды, 15 коп. – галерка.

Строителем и директором театра был Николай Николаевич Григорьев. Первыми артистами были: сам Николай Николаевич Григорьев, Михаил Иванович Катенин и его жена Елизавета Николаевна, Павел Петрович Перфильев, Сергей Васильевич Ешевский его жена Юлия Борисовна, Сергей Васильевич и Софья Ивановна Травины, Елизавета Федоровна (Сидоровна?) Невзорова, Жуковы... Занавес и декорации писал художник Никифоров, проживающий в усадьбе Шаёво Кологривского уезда у Михаила Ивановича Катенина.

Когда сгорело здание любительского театра некоторое время труппа размещалась в бараках. И вот тогда, местная кологривская интеллигенция, любители театра, а их было не мало в уездном Кологриве, решили построить народный дом. Была объявлена подписка о сборе средств, организовано «Общество трезвости», создана инициативная группа и началось строительство, по проекту земского техника, архитектора Багданова. Подрядчиком выступил купец Прикладов. Народный дом был построен в 1904–1906 г. Сначала здание было не очень большое, но удобное – зрительный зал с галеркой, сцена, подсобные помещения, чайная, фойе, касса с отдельным входом. Чайная работала в базарные дни, но распитие спиртных напитков не разрешалось.

В зрительном зале зачастую читались научно-популярные лекции с показом диапозитивов – «туманные картины». Начинали с комедий

*Спектакль «Квадратура круга». Действие I
Фотография из архива
Кологривского дома
культуры*

*Спектакль «Квадратура круга». Действие II
Фотография из архива Кологривского дома культуры*

Островского, пьесы, водевили, драмы. Зрителей было много, поскольку Кологрив был городом учебных заведений.

Организатором, душой театра и режиссером первых спектаклей был агроном Гаевский. Его жена Муза Павловна играла главные роли. Страстными любителями театра были юристы Яблочков и Пелецкий, врачи Гурвич Божедарь Теодорович (болгарин), Барабошкин, супруги Невוליны, инспектор народных училищ Мухин Петр Петрович, он же преподавал литературу.

Горячее участие в спектаклях принимали дочери кологривского исправника П. Г. Чистякова.

После Октябрьской революции в театральную студию влились новые силы: комиссар Чумбаров-Лучинский, военком Санков, председатель уисполкома Мишин, начальник политуправления Удалов. Соответственно изменился и репертуар.

«1 июня 1929 года был поставлен спектакль по пьесе В. Катаева «Квадратура круга» (шутка в 3-х действиях), сбор в пользу

*Спектакль «Красный пакет»
Действие I. Фотография
из архива Кологривского
дома культуры*

*Спектакль «Алмазный брод»
Действие II. Фотография
из архива Кологривского
дома культуры*

педтехникума, 10 июня в Ивановском Доме отдыха. 16 июня 1931 года постановка возобновлена в пользу Осоавиахима».²

3 июня 1931 года был поставлен спектакль по пьесе Н. Лернер «Подполье» в пользу пионерлагеря. На сцене театра пользовались успехом такие спектакли как: «Красный пакет» по пьесе Г. Брониковского и Ю. Брошат, «Клад дворянина собакина», трагикомедия в 4-х действиях по пьесе Н. Архипова. Постановки театральной группы можно было видеть не только на сцене театра, но и на летней сцене в парке. 16 июня 1931 г. с участием живых лошадей и повозок зрители могли видеть спектакль в 3-х действиях «Алмазный брод» по пьесе О. Генри.

² Осипова З. И. Обрести память. Кологрив, 2007. С. 59.

Основной состав театралов, костяк театра составляли представители кологривской интеллигенции. В 30-е годы постановками спектаклей занимался Н. Н. Смирнов. Ответственным за освещение был талантливый актер Б. И. Проклов, впоследствии «Заслуженный работник культуры». П. М. Друлис, Н. П. Перфильев и В. А. Курашева – гримеры, И. И. Козлов – пианист. Актеры – К. Ф. Овчинников, М. Н. Нахмансон, Н. В. Цареградский, В. Н. Вострецов, Ю. Черногубов (самый молодой актер) и многие другие. Всячески помогали и содействовали театру дворяне Перфильевы, Жемчужниковы, Лебединские.

Театральная труппа ставила спектакли не только в Кологриве, но и за его пределами, что привлекало внимание большого количества зрителей. Большая работа театра была высоко оценена и в 1964 году театральному любительскому коллективу было присвоено почетное звание «Народный». Это звание обязывало коллектив работать более творчески, расширять репертуар, стремиться к освоению профессиональных артистических законов.

«В канун всенародного праздника 40-й годовщины Советских Вооруженных сил творческий коллектив народного театра осуществил постановку пьесы Б. Лавренева «Песнь о Черноморцах», напоминающую зрителям о беспримерной героической обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны»³. Среди почетных зрителей на этом спектакле присутствовал командир корабля «В. Трефолев» Краснознаменного Балтийского Флота капитан 3-го ранга Н. М. Кисин.

В Кологривском народном театре играют люди разного возраста, разных профессий и характеров, но общий язык был найден ими без особого труда: их всех объединяет любовь к театральному искусству.

Добрые традиции народного театра продолжает молодое поколение под руководством режиссера Н. В. Голубевой. Благодаря таланту актеров на сцене Кологривского театра рождались такие спектакли, как: «Не все коту масленица», «Праздничный сон до обеда», «Женитьба Бальзаминова», «Свои собаки грызутся – чужая не приставай», «Счастливый день» и многие другие.

³ Николаев Б. На сцене кинотеатра // Кологривский колхозник. 1958. 6 февраля.

*«Единая школа игры, приобретенный опыт, знание характеров и способностей друг друга – все это помогло артистам и режиссеру создать атмосферу ансамблевости спектаклей, новых премьер...».*⁴

В наши дни состав труппы Кологривского народного театра можно с гордостью назвать творческим и сильным коллективом. Это люди, полностью отдающие себя театру: Е. Л. Жохова, Г. И. Антропова, В. Н. Аникин, Ю. П. Чистов, Н. Л. Еремина, В. Н. Кузнецов, С. А. Соловьев и другие. Этот коллектив – лауреат многих областных фестивалей и смотров, не раз награждался почетными дипломами и специальными призами. Так что можно с уверенностью сказать: «Традиции народного театра в Кологриве не умирают».

⁴ Голубева Н.В. Общий язык — театральный // Губернский дом. 2005. 1-2. С. 41.

РАЗДЕЛ 2. МУЗЕЙНОЕ СОБРАНИЕ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Груздева Т. А.,
заведующая Сусанинским
краеведческим музеем
(филиал КМЗ)

ПЕТРОВСКАЯ ИГРУШКА В СОБРАНИИ СУСАНИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

После отмены крепостного права в Молвитинской волости Буйского уезда стали развиваться подсобные промыслы. Наибольшее развитие получили: шапочный, сыродельный, гончарный. Центром гончарного промысла стала деревня Петровское. В конце XIX века жители двадцати семи домов этой деревни занимались гончарством. В основном, мужчины в свободное от сельхозработ время, начиная с глубокой осени и кончая ранней весной.

Изготовление изделия начиналось с заготовки глины. Петровские гончары для добычи глины рыли глубокие и широкие ямы, добываясь до гончарного слоя. Сбивали глину в большой ком, затем свозили к дому и держали в открытом виде на улице (воле). Петровские гончары изготавливали до 200 наименований глиняной посуды. Почти весь ассортимент посуды делали два умелых мастера – Павел Алексеевич Иванов (1908–1984) и Александр Васильевич Зайчиков

(1902–1979). Эти гончары продолжали работать и после Великой Отечественной войны, когда в других домах промысел окончательно угас. Продавали свою продукцию гончары на еженедельных базарах и ежегодных ярмарках, возили на лошадях в Буй и Галич.

Рекламой петровских гончаров служила игрушка-свистулька, умело изготовленная Павлом Алексеевичем Ивановым. Свистульки раздавали детям, которые свистом оповещали покупателей о продаже гончарных изделий.

Павлу Алексеевичу Иванову в школе учиться не пришлось, но жизнь научила его очень многое понимать, чувствовать, уметь. Он был мастер на все руки: и плотник, и кузнец, и настоящий художник. Взялся за глину в 9 лет, учился у своего отца и в совершенстве овладел «горшечным» мастерством, но именно игрушка стала его главным и любимым делом. Свистульки П. А. Иванова – это фигурки людей и животных, покрытые глазурью зеленовато-болотного цвета. Сначала они не превышали по высоте 8 см и легко помещались на руке ребёнка. Позднее Иванов стал лепить фигурки гораздо крупнее – до 14–17 см, модулем для которых была крестьянская рука мастера. Такая гигантомания в некоторой степени оправдана тем, что в наше время игрушка из мира детей перешла в мир взрослых, превратившись в камерную скульптуру. И всё-таки нельзя не признать, что свистульки народных мастеров с увеличением размеров немало потеряли в своей выразительности.

Игрушками мастеров заинтересовались искусствоведы из Москвы – Г. М. Блинов и А. Н. Фрумкин. Они часто приезжали в Петровское и Сергеево (здесь жил П. А. Иванов) и делали заказы для художественных салонов Москвы. Благодаря этим художникам работы П. А. Иванова попадали на московские выставки, где получали высокие оценки. Коллекция глиняной игрушки Г. М. Блинова, насчитывающая более одной тысячи предметов, в числе которых и «петровская» игрушка, была показана в 1982 году в Костромском музее-заповеднике «Ипатьевский монастырь».

В Сусанинском музее коллекция петровской игрушки стала складываться в восьмидесятые годы XX века. Часто сотрудники музея бывали у Павла Алексеевича, наблюдали за изготовлением свистулек, слушали рассказы мастера и привозили игрушки в музей.

В архиве музея хранятся письма П.А. Иванову из художественных мастерских, из которых мы узнаём о низкой цене этих изделий. Дорога до деревни была непроезжая, поэтому при транспортировке игрушек хрупкая глина часто превращалась в бой, стоимость которого была нулевой.

Коллекция игрушек П. Иванова в музее насчитывает 31 единицу хранения. В ней представлены основные виды петровской игрушки – сказочные животные, птицы, люди. Все игрушки мастера делятся на несколько видов:

1. Различные виды птиц (гусь, петух).

2. Игрушки, изображающие животных (лошадь, олень, корова, слон), и те, которых сложно отнести к какому-либо зоологическому виду.

3. Игрушки, изображающие людей (бабы и мужики). Особенностью этих фигурок является то, что все они изображают какое-то движение.

4. Игрушки, состоящие из нескольких фигур (всадник на коне).

В игрушках Павла Алексеевича полностью отсутствуют расписные мотивы. Лёгкий, зеленоватый цвет глины после обжига (от сурика) характерен для каждой его игрушки и остаётся неизменным. Роспись мастеру заменяет декор с использованием примитивных инструментов. Сам рисунок так же несёт символический характер. Всё это выделяет игрушку мастера П. А. Иванова по своей самобытности среди других народных игрушек и превращает в декоративную скульптуру украшения интерьера. Декоративный орнамент – ёлочки, точки, вертикальные вмятины. Для нанесения более сложных узоров мастер использовал деревянные штампы. Вид декоративной отделки, выполненной вдавливанием, который существовал ещё тысячелетия назад, так называемый ямочный орнамент, в петровской игрушке сохранился до наших дней.

На многих игрушках можно видеть солярные знаки. Изображения людей особенно архаичны. Следует отметить изображения бабы с поднятыми к солнцу руками, как в орнаментах северной вышивки.

Все игрушки опираются на три точки опоры: две ноги и хвост-свисток. Приёмы лепки самой игрушки традиционны. У всех игрушек-

свистулек варьируется верхняя часть изделия, а нижняя (хвост-свисток) – одинакова для всех игрушек. Мастер делал свисток на полностью вылепленной игрушке. Точно протыкая игрушку в нужных местах деревянными палочками, мастер добивался красивого звука. Игрушки он делал очень быстро. Свою работу сопровождал шутками и прибаутками. Весёлый характер мастера отразился и на его произведениях – радостных танцующих бабах и мужиках-балалаечниках и гармонистах.

В музее имеются работы сына Павла Алексеевича – Вячеслава Павловича Иванова, которые он изготовил в наши дни. Эти свистульки отличаются по мастерству изготовления, элементам декора и имеют свой характер.

Кроме Ивановых петровскую игрушку лепил гончар из с. Буяково Александр Чечулин. Небольшая коллекция его работ также хранится в музее. Это уже совсем другие изделия, выполненные на петровский манер, но отличны от подлинных петровских, как по цвету, так и по технике изготовления.

В Костроме мастером петровской игрушки стал Михаил Шмаров, которому в 1994 году решением комиссии по народному искусству при Совете художников России было присвоено звание народного мастера. Михаил Александрович первый, кто удостоен такого звания в Костроме. Он изготавливает свистульки в традиционной манере «петровской» (ивановской) игрушки, секрет которой он сумел разгадать. И сейчас его изделия известны и в Москве, и в Суздале, и во Владимире, и в других городах России.

Кроме Михаила Шмарова в Костроме изучением петровской игрушки занималась увлечённый, влюблённый в своё дело человек – Людмила Николаевна Гладких. Она считает, что создавать петровскую игрушку могут по-настоящему только костромичи, потому что рождены и живут на той земле, где она и появилась. Людмила Николаевна в 1994 году создала изостудию «Весна» в детско-юношеском центре «Ровесник», где ребята изучали мастерство изготовления этой игрушки, создали свой музей петровской игрушки. В Сусанинском музее имеется коллекция игрушек-свистулек, выполненных ребятами студии под руководством Л. Н. Гладких.

В Сусанине техникой изготовления народной игрушки (так она называет петровскую игрушку) овладела Галина Сергеевна Тихомирова, преподаватель детской школы искусств. Она лепит игрушку для души. Её свистульки не раз становились экспонатами областных выставок. Галина Сергеевна участница многих выставок декоративно-прикладного искусства в Сусанинском музее. Небольшую коллекцию своих работ она передала в дар нашему музею.

К сожалению, в наши дни в Сусанинском районе массовым изготовлением такой знаменитой петровской игрушки, одного из брендов костромской земли, никто не занимается.

Образцы петровской игрушки из собрания музея

Игрушки Иванова П.А. (петушок, собачка, лось) д. Сергеево. 1981 г.

*Ансамбль.
Иванов П. А., д. Сергеево. 1981 г.*

*Баба.
Чечулин А. Н.
с. Буюково. 1990 г.*

*Собачка.
Иванов П. А.
д. Сергеево. 1981 г.*

*Петушок.
Иванов П. А.
д. Сергеево. 1981 г.*

Новожилова Л. Н.,
старший научный сотрудник
исторического отдела
Костромского музея-заповедника

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Современный Костромской историко-архитектурный и художественный музей заповедник является преемником нескольких музеев, существовавших когда-то в Костроме. Эти музеи рождались по инициативе энтузиастов, а исчезали, объединялись, разъединялись и вновь становились едиными по воле местных и высших правителей. Менялись названия, подчинение, профиль, месторасположение, но всегда оставались и пополнялись интереснейшие и богатые коллекции памятников материальной и духовной культуры. Многочисленные реорганизации в результате создали определенные трудности в выявлении и изучении различных, и, в частности, личных коллекций. Система учета, описания, атрибуции в разные годы была далека от совершенства, а часто и вовсе отсутствовала. Целостность коллекций не всегда была первоочередной задачей.

Первые частные коллекции стали поступать в Музей древностей при Костромской губернской ученой архивной комиссии, который был основан в 1891 году. Так, в 1902 году статский советник Николай Платонович Грамматин (ус. Светочева гора) передал в качестве дара в КГУАК свою фамильную библиотеку (более полутора тысяч книг). На многих экземплярах сохранились владельческие записи трех поколений Грамматиных и автографы авторов или дарителей. Сотрудниками комиссии был составлен карточный каталог библиотеки. Благодаря этим сведениям на сегодняшний день в фонде ценной и редкой книги музея-заповедника из 1633 изданий второй половины XVIII – первой половины XIX вв. Выявлено 1542 единицы¹ книжных

¹ Сапрыгина Е. Библиотека гуманитария // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 71–76; Сапрыгина Е. Библиотека Грамматиных // Сапрыгина Е. Стражи времени. Кострома: Промдизайн-М, 2005. С. 311.

памятников из коллекции дворян Грамматиных. Этой библиотеке повезло, почти за столетие было утрачено менее сотни экземпляров.

В 1913 году было торжественно открыто новое здание для музея. Пополнившийся новыми экспонатами, в том числе, посвященными Романовым, музей получил название Романовского музея. Сохранились отчеты и журналы заседаний КГУАК за отдельные годы, документы о строительстве Романовского музея, а также каталоги экспозиций и выставок музея КГУАК и Романовского музея². Предметы в них описаны, порой, недостаточно полно, чтобы выявить их среди аналогичных предметов в собрании музея. Встречается информация от кого поступили предметы, но под таким названием может быть несколько предметов. И, не смотря на недостаточную информативность, эти документы являются ценными источниками для изучения предметов частных коллекций, и не только частных, поступивших в музей до 1918 года.

После событий 1917–1918 гг. пути владельцев и их собраний разошлись. Началась экспроприация и погромы бывших помещичьих усадеб. В Костромской музей местного края предметы из частных коллекций поступали через государственные учреждения (ЧК, ревтрибунал, военный комиссариат, технический отдел, губернский суд, наркоматы земледелия и образования, исполком и т. д.). Кроме того, сотрудники Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) обследовали усадьбы, по возможности фотографировали и составляли отчеты. В отчеты записывали историю усадьбы, сведения о последних владельцах, внешний вид и сохранность усадеб, внутреннее убранство, мебель, наличие или

² Краткий путеводитель по Романовскому музею / Сост. И. А. Рязановский. Издание Костромской Губернской Ученой архивной комиссии. Кострома: Губернская типография, 1913; Каталог музея Костромской Губернской Ученой архивной комиссии / Сост.: П. А. Алмазов, А. Н. Рождественский, И. А. Рязановский, А. И. Черницын. Кострома: Губернская типография, 1909; Каталог выставки IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме в 1909 году. Кострома: Губернская типография, 1909; Каталог музея Романовского отдела Костромской Губернской ученой архивной комиссии. Кострома: Губернская типография, 1909; Журналы заседаний Костромской губернской ученой архивной комиссии за 1897–1907 гг. Кострома, 1897–1908; Отчеты Костромского научного общества по изучению местного края за 1912–1929 гг. Кострома, 1912–1929.

отсутствие архива, фамильных бумаг, картин и предметов искусства. Сохранились только копии отчетов В. К. Магнитского по Галичскому уезду и В. В. Звездина по Чухломскому уезду, сделанные костромским краеведом и генеалогом А. А. Григоровым³. Сохранились и снимки внешнего вида и интерьеров некоторых усадеб (например, усадьбы Катениных Клусеево).

Члены КНОИМК старались спасти хотя бы какие-то уцелевшие предметы. Мебель, книги, документы, оружие, картины свозили в Кострому или в срочно организованные местные музеи. В некоторых случаях, по распоряжению высшего руководства, оставляли на местах в клубах, из книжных собраний разных усадеб формировали районные библиотеки⁴.

В книгах поступлений и пожертвований, которые велись в Костромском музее местного края с 1918 года, информация о владельцах и предметах из конкретных семей была очень скудная или вовсе отсутствовала. В отчетах КНО за 1919 год упоминались усадьбы, из которых поступали предметы, и их общее количество⁵. В эти годы в музей поступили разрозненные частные коллекции князей Вяземских (ус. Воскресенское), Куприяновых (ус. Патино), Зюзиных (ус. Денисово), Корниловых (ус. Зиновьево), Пановых (ус. Внуково) и др.

Судьба коллекции дворянского рода Черевиных из усадьбы Нероново Солигаличского уезда может служить примером того, что происходило с частными и усадебными собраниями после 1917 года, куда исчезали предметы, служившие хозяевам долгие годы, и какие проблемы возникли с их выявлением и атрибуцией.

Во второй половине XIX – начале XX вв. богатая усадьба Нероново служила Черевиным местом летнего отдыха и последним прибежищем по кончине. Там хранилось все, что было собрано за время

³ Магницкий В. Между двух огней... // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 30–38. Публикация Т. Войток (Йенсен); Отчет В. В. Звездина, уполномоченного КНОИМК по обследованию чухломских усадеб. Ноябрь 1918 г. Копия А. А. Григорова. Хранится: ГАКО. Р-864. Оп. 1. Д. 244 (по старой описи); Костромская усадьба / Т. В. Йенсен, И. Ю. Кондратьева, Д. Б. Ойнас, А. И. Сорокин. Кострома, 2005. С. 14.

⁴ Магницкий В. «Между двух огней...». С. 30–38.

⁵ Румянцева О. Предметы усадебной старины // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 55–57.

существования усадьбы. Владельцы, соблюдая традиции и отдавая дань моде, приобретали картины, книги, оружие, заказывали фамильные портреты, сохраняли и пополняли семейный архив. В 1908 году по заказу КГУАК фотограф В.Н. Кларк запечатлел виды усадьбы, постройки, интерьеры. В собрании музея-заповедника сохранились некоторые из этих стеклянных негативов, а также альбомы с фотографиями, оформленные КГУАК для IV историко-археологического съезда, который состоялся в Костроме в 1909 году. Эти снимки стали одним из источников для исследования нероновской коллекции и автором данной работы и другими исследователями⁶.

В 1918 г. имущество Черевиных было конфисковано. Костромское научное общество приняло меры к спасению книг, документов и картин из Неронова, их перевезли в Солигалич и предполагали переправить в Кострому. Однако 28 ноября 1919 г. в КНО поступило сообщение о том, что книги из библиотеки помещицы Черевиной будут переданы в распоряжение представителя КНО Н. Марина, а *«картины на основании циркуляра ВЧК за № 79 будут оставлены при отделе просвещения для музея (Солигаличского – Л.Н.). Передать их в научное общество не представляется возможным, потому что Солигаличский уезд сам нуждается в исторических памятниках искусства, которых у него очень немного»*⁷. Из усадьбы были вывезены только те предметы, которые там остались, так как часть собрания Черевиных была вывезена ранее неизвестными лицами. Такая информация сохранилась среди местных музейщиков.

Картины и портреты остались в Солигаличе и экспонировались на местном курорте. В 1923 году был учрежден Солигаличский музей местного края и предметы перевезли в музей. Сейчас в нем хранится из усадьбы Нероново 26 картин неизвестных авторов на библейские и мифологические сюжеты, они нуждаются в атрибуции и ждут своего исследователя. Это картины западно-европейских художников XIX в., которые Черевины приобретали в Италии и во Франции.

⁶ См., например: Новые открытия советских реставраторов. Солигаличские находки. М., 1976; Кудряшов Е. В. Солигалич. Л.: Художник РСФСР, 1987; Григоров А. А. Из истории Костромского дворянства. Кострома, 1993; Сапрыгина Е. В. Стражи времени. Кострома, 2005; Костромская усадьба. Кострома, 2005.

⁷ ГАКО. Р-838. Оп. 1. Д. 10. Л 76.

Среди них копии с картин известных итальянских мастеров XVI–XVII вв. На постоянной экспозиции Солигаличского музея сейчас экспонируются семнадцать портретов из фамильной галереи Черевиных, пятнадцать из которых выполнены в XVIII в. художником Григорием Островским. Одно из произведений Г. Островского, портрет Н. С. Червиной, хранится в Государственном историческом музее⁸. Парадный портрет одного из владельцев Нероново, генерала Петра Александровича Черевина, также находится в ГИМе⁹.

В Солигаличском музее сохранились и некоторые предметы интерьера нероновского дома: два канделябра на 3 свечи, изображающих женщину на шаре, два канделябра на 9 свечей варшавской фирмы FRAGET 1849 г., четыре сосуда для охлаждения вина, ваза для цветов из мельхиора с серебряными накладками, написанный маслом на дереве герб Черевиных. Происхождение вышеперечисленных предметов зафиксировано в книге поступления Солигаличского музея. Некоторые из них попали в объектив фотографа Кларка и поэтому могут быть точно идентифицированы.

Еще один сосуд для охлаждения вина обнаружен в краеведческом музее города Чухломы. Он был приобретен у местного крестьянина в 1924 г. и к нему попал, видимо, непосредственно из усадьбы. Общность стиля и техники позволяет предположить, что из Неронова же происходит и блюдо, изготовленное в Варшаве в начале XIX в., источник поступления которого в инвентарных книгах не указан.

В северо-западном углу первого этажа господского дома находилась библиотека¹⁰. Она насчитывала свыше 3000 томов по естествознанию, медицине, математике и другим наукам на русском и иностранном языках. На полках стояли произведения французских просветителей (Вольтера, Руссо), русские старопечатные и рукописные книги, самой древней из которых была «Острожская библия», напечатанная Иваном Федоровым в 1581 г. Там же хранился «Солигаличский летописец» XVII столетия.

Еще в 1903 году на заседании Костромской губернской ученой архивной комиссии И. П. Виноградов поставил вопрос о необходимости

⁸ ГИМ 16753.

⁹ ГИМ 54687/126.

¹⁰ Костромская усадьба. С. 292.

иметь в комиссии «сведения относительно книгохранилищ в Костромской губернии вообще и ближайшим образом – библиотеки А. П. Черевина»¹¹.

Судьба библиотеки Черевиных неизвестна, как целое она не сохранилась, но известно, что отдельные экземпляры выявлены О. В. Гороховой в фонде ценной и редкой книги Костромской областной универсальной научной библиотеки. Одна из них подарена автором П.А. Черевину¹². В собрании музея-заповедника есть несколько книг начала XVIII в. по военному делу. На одной из них владельческая запись Степана Кошелева, тестя Ивана Григорьевича Черевина. Можно предположить, что она, как и некоторые другие, является осколком нероновского книжного собрания.

Больше посчастливилось и, в то же время не повезло, семейному архиву хозяев усадьбы. В его составе были жалованные грамоты государей Федора Иоанновича, Бориса Годунова, множество документов: купчие, духовные завещания, акты на земельные угодья, документы о прохождении службы, письма и отчеты старост, управлявших Нероновым и другими имениями, личная переписка и многое другое. Все документы были вывезены в Кострому, они составили фонд под № 670 Государственного архива Костромской области (ГАКО), который насчитывал 959 единиц. В 1982 г. произошла трагедия – в архиве произошел пожар. После пожара в фонде Черевиных осталось 198 единиц хранения. Сохранились дела хозяйственного значения, купчие, квитанции, выписи из межевых книг и т.п. Наибольший интерес из уцелевшего архива представляют собой сказка о службе Воина Потаповича Черевина, артиллерийские рисунки его внука, Ивана Григорьевича, сделанные в академии в 1721 году¹³.

Несколько документов (6 ед.) удалось выявить в фондах Костромского музея-заповедника. Около 200 документов, относящихся ко второй половине XIX – началу XX вв., сохранились в Солигаличском музее. Это переписка сельских старост с управляющими

¹¹ Отчет о деятельности Костромской Губернской Ученой архивной комиссии за 1903 год. Кострома: Губернская типография, 1903. С. 15.

¹² Богданович Е.В. Синоп 18 ноября 1853 года. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1878. Авторграф автора: «Петру Александровичу Черевину в знак уважения от автора»; Горохова О. «Читая надписи на книгах» // Костромская старина. 1998. № 1–11. С. 77–78.

¹³ ГАКО. Ф. 670. Оп. 1. Д.5; Ф. 670. Оп. 1. Д. 6.

домовой конторы, расписки крестьян о взимании оброка, личная переписка владельцев. Упоминается в документах и Петр Александрович Черевин. В 1860–1861 гг. он служил на Кавказе, и в письмах упоминается как «майор с Кавказа» или «кавказский майор».

В фондах Костромского музея-заповедника находится и альбом с фотографиями генерала М.Н. Муравьева-Виленского и его сподвижников по подавлению польского восстания 1863 года¹⁴. В это время в Польше под его началом служил П. А. Черевин.

Рядом с библиотекой в нероновском господском доме на первом этаже размещалась и «охотничья», где хранилась коллекция оружия XVII–XIX вв. Какое количество единиц она насчитывала, определить невозможно, по крайней мере, на данный момент. В Солигаличском музее сейчас хранятся семь бердышей XVII в. и один пистолет фирмы Беккер, поступившие из усадьбы. Основная часть коллекции была вывезена в Кострому.

В наиболее ранней книге поступлений костромского Музея местного края есть запись от 8 марта 1919 г. о поступлении оружия из усадьбы Черевиных Нероново¹⁵. Все предметы (42) перечислены, и дано их краткое описание. Однако с того времени в музее неоднократно менялась система учета, а в 1941 г. она и вовсе была нарушена. В 1955 г. по требованию министерства спешно были заведены новые книги поступлений и инвентарные книги, предметам присвоены новые номера, а информация об источниках поступления за редким исключением в новые документы не переносилась. Стало практически невозможным прямое соотнесение современных учетных номеров с номерами по книгам поступления 1918–1923 гг. Эта проблема касается предметов по всем фондам, не только оружия. Книги поступления этого периода содержат записи об источнике поступления. Но в описании, порой, указано только название, и вычислить, например, из хранящихся сейчас четырех литографий с изображением императрицы Елизаветы Алексеевны только одну литографию, поступившую из усадьбы Вяземских, практически невозможно. Описание оружия дано более полно, помогли и записи,

¹⁴ КМЗ НВ-317/1-50.

¹⁵ Костромской музей-заповедник». Книга поступлений № 27: «Запись пожертвованных и поступлений в музей различных вещей в 1918 году и в последующие годы».

содержащиеся в инвентарных книгах этого фонда, составленные в 1920-е и 1940-е годы. Сравнение информации по этим источникам с самими предметами, хранящимися в музее-заповеднике, помогло выявить и атрибутировать 35 предметов из нероновской коллекции оружия (в некоторых случаях – предположительно)¹⁶.

Выявленная часть нероновской коллекции состоит из различных образцов холодного и огнестрельного оружия восточного и западноевропейского происхождения XVIII – первой половины XIX вв. Среди них наградная шашка с надписями по клинку: «*Командиру Собственного Моего конвоя, свиты моей генерал-майору Черевину*», «*В память Турецкой войны 1877 года*». Можно предположить, что шашка с именем Александра III была подарена П. А. Черевину после вступления Александра Александровича на престол и назначения Черевина командиром личной охраны императора. На одном из охотничьих ружей польской фирмы «Беккер и Раушер» выгравирован фамильный герб Черевиных. Западноевропейская пушка с декором и датой «1689» – также трофеем первых владельцев Нероново в годы Северной войны.

Подводя итог, можно сказать, что коллекции дворян Черевиных после революции были разорены, разрознены, разделены между различными хранилищами Костромы, Солигалича, Чухломы. Такая же участь постигла и другие частные коллекции. В силу объективных и субъективных причин (революция, конфискация, разорение усадеб, поспешный вывоз оставшихся предметов, слабая система учета, дальнейшее ее изменение и потеря преемственности в нумерации, описании, сохранении информации о происхождении, разобщенность коллекций) привели к тому, что выявить и атрибутировать предметы из этих собраний трудно и подчас невозможно. Но, тем не менее, работа эта проводится. Используя все возможные источники (учетные документы, архивные материалы, непосредственно музейные предметы), сотрудники музея-заповедника и другие исследователи атрибутируют неизвестные портреты, возвращают имена владельцев тем предметам, которые когда-то их хозяева на протяжении веков собирали, хранили и передавали из поколения в поколение.

¹⁶ Новожилова Л. Ружья, шпаги, палаши // Костромская старина. 1998. № 10–11. С. 58–60.

Сотников Н. В.,
научный сотрудник
Галичского краеведческого музея
(филиал КМЗ)

ЭКСПОНАТ ИЗ ГАЛИЧСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах Галичского краеведческого музея долгое время находилась «железяка», не имеющая регистрационного номера. Как она попала в музей, и что из себя представляла функционально, ответа не было.

После очистки от грязи и ржавчины, восстановления кинематики механизма, изучения литературных источников стало ясно, что это ручная вязальная машина Ламба второй половины XIX века.

Немного истории. Вязаные вещи ручной работы учёные находили в гробницах фараонов задолго до нашей эры.

В Европе изготовление вязаных вещей получило широкое развитие в XV–XVI вв., когда вязание было не только частью домашней работы, но быстро становилось в умелых руках доходной отраслью производства. Особым спросом среди аристократии пользовались чулки, введенные в моду сначала при английском дворе Елизаветы I и получившие затем широкое применение по всей Европе.

В 1589 году в Англии появилась первая вязальная машина. Помощник приходского священника из Вулбриджа Вильям Ли изобрел вязальный станок, чтобы облегчить нелегкий труд своей возлюбленной, которая была вязальщицей. Там же в 1769 г. появилась первая механическая вязальная машина. Долгое время под угрозой смертной казни Англия запрещала вывоз машин и технологии вязанья в страны континентальной Европы. Несмотря на этот запрет, вязальные машины всё же быстро распространились во Франции и Германии и быстро совершенствовались.

Производство трикотажной одежды начало развиваться во Франции, Великобритании и Германии в кон. XVIII – нач. XIX вв. В дореволюционной России первые кустарные трикотажные предприятия появились только в конце XIX в.

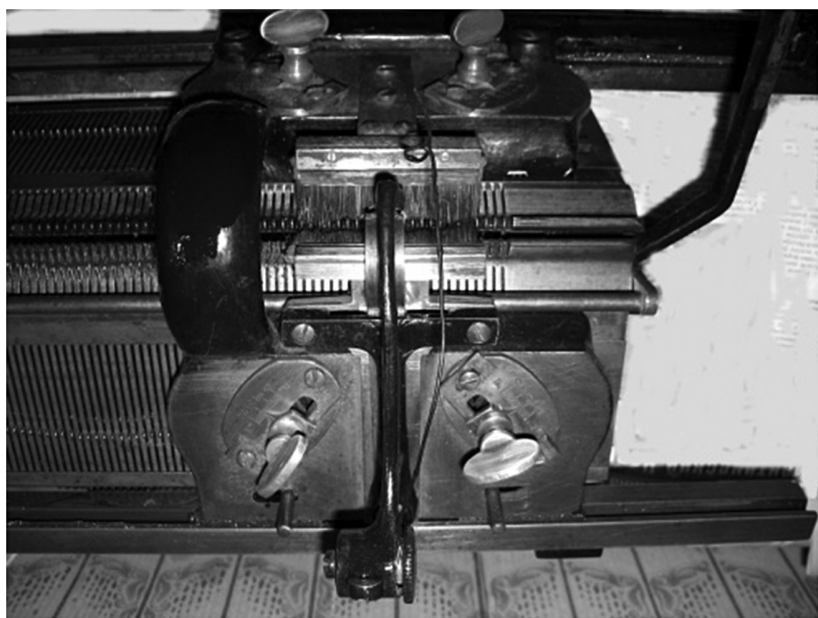
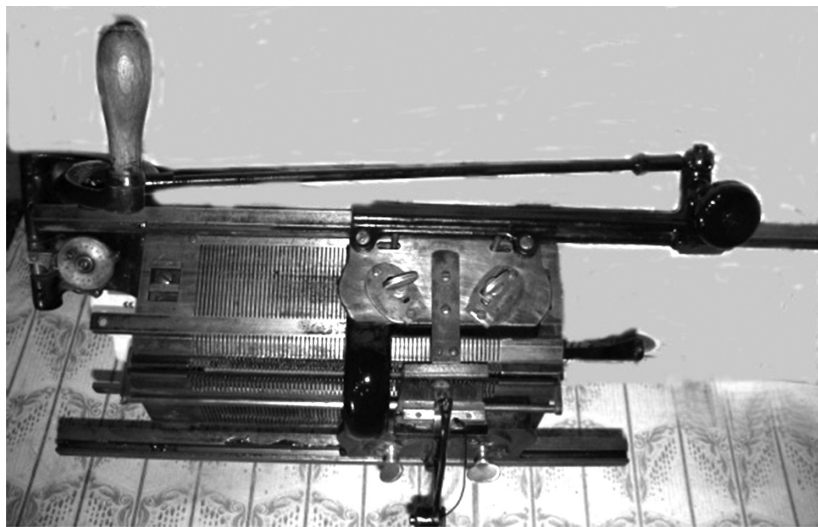
*Рис.1. Игла ручной вязальной машины Ламбера
Кон. XIX – нач. XX вв.*

Вязальная машина Ламба из Галичского музея была изготовлена в кон. XIX – нач. XX вв. в Германии фирмой ЗЕЙФЕРТЪ и ДОН-НЕРЪ город ХЕМНИЦЪ. В России эти машины продавал торговый дом г. КРУЗЕ в Москве.

При работе машина крепилась винтами-барашками к столешнице стола и приводилась в движение ручкой кулисного механизма.

Вот что об этой машине говорит энциклопедия Брокгауза и Ефрона в статье «Чулочные и трикотажные (вязальные) изделия»: *«Из новейших и более распространенных ручных вязальных машин надо упомянуть про машину Ламба, обладающую двумя рядами наклонно поставленных игл, сходящихся своими крючками так, что образуется род двускатной крыши. Иглы этой машины имеют форму, показанную на рис.1.*

Крючок иглы гораздо короче и закрывается особым клапанчиком d, вращающимся на шарнире с. Новые петли прокладываются в b при открытом клапанчике, затем игла, идя назад (вправо по чертежу), протаскивает новые петли сквозь старые, причем последние закрывают клапанчик и по нему соскальзывают с игл. Затем игла идет опять вперед через новые петли, которые теперь, открывая клапанчик, отходят в глубину игл для образования новых петель на крючках b. При этих иглах становятся лишними как нажимы, так и пластинки. Работа на машине Ламба может идти различными способами, в зависимости от установки направляющих для игл. Если работает при одном ходе один ряд игл, а при обратном другой ряд игл, то получается рукавообразное изделие. Если же установить машину так, чтобы работал при прямом и затем

*Рис. 2, 3. Ручная вязальная машина Ламба. Кон. XIX – нач. XX вв.
Фотография. 2012 г.*

обратном ходах один ряд, а при следующих прямом и обратном ходах – другой ряд игл, то получится плоское изделие шириной в две ширины машины. Наконец, заставляя оба ряда игл работать одновременно, можно получить двулочное изделие, одинакового вида, как с лица, так и с изнанки. Изготовление основно-трикотажных изделий требует числа нитей, равного числу игл».

Сама ручная вязальная машина Ламба показана на рис. 2 и рис. 3.

Наиболее подробное описание различных типов чулочных машин и изделий можно найти в сочинении G. Wilkomm, «Die Technologieder Wirkerei» (Лейпциг, 1887–93).

Вязальная машина, что сейчас находится в фондах Галичского краеведческого музея, говорит о том, что галичане не чужды были технического прогресса в быту, поэтому, как только появились новинки техники, будь то швейные машины или вязальные, их тут же приобретали галичане.

РАЗДЕЛ 3. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В ЖИЗНИ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Каткова С.С.,
старший научный сотрудник
отдела хранения
Костромского музея-заповедника

АМВРОСИЙ РОМАНОВ. НОВОЕ ИМЯ В ИКОНОПИСИ

Это имя было обнаружено при реставрации иконы «Благовещение» из собрания Костромского историко-архитектурного музея-заповедника¹. Икону укрепляли, сделали пробные раскрытия в нескольких местах и довольно значительные. Они показали, что под записью есть живопись XVI века. К сожалению, отчета о реставрации нет и, остается только предполагать, кто и когда ее производил².

¹ Икона Благовещение. Д.т. 151 x 110. КМЗ КОК 23252/9. Щит из 3 досок, шпонки две врезные, встречные. Икона с ковчегом. Поля празелень, опушь широкая, черная; по краю полей две тонких линии белыми и коричневая. Фон – позолота. На верхнем поле надпись вязью, золотом: ОБРАЗ БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРСТЫЯ БДЦЫ, ниже ГДЬ САВАОФЪ. По Описи 1738 года «На Богородице и Архангеле венцы и оклад круг поля медные золоченые по гуфарбе». К настоящему времени оклад полей и венцы утрачены престола. В связи с выделением из собрания костромского краеведческого музея ху-

² Пробные раскрытия около 2-3 кв. дцм.: в верхней части левого крыла архангела; в середине правого крыла; на шее и части лица Богоматери; в верхней части ножки

При повторном укреплении красочного слоя и удалении загрязнений в 1985 году, на нижнем поле под лузгой была обнаружена надпись белилами «1710 году. Обновил Амбросий Романов»³. Подписных и датированных икон так мало, что каждый автограф и дата для науки и экспертизы имеют огромное значение. Таким образом, запись приобрела значение документа, эталона творчества данного автора.

Профессионализм Амвросия Романова, его мастерство было видно даже под потемневшей олифой. Решено было ограничиться только удалением олифы, сохранив живопись автора записи. Однако обстоятельства не позволили в 1985 году продолжить работу над иконой. Только в 2011 году икона попала на стол к реставратору Т. Л. Васильевой, которая по настоянию музея сохранила живопись Амвросия Романова⁴. При этом ради цельности восприятия участки пробных раскрытий были затонированы.

К сожалению, сложившаяся еще в начале XX века ориентация реставраторов иконописи на раскрытие до автора приучила их к безжалостному удалению поздних записей. А в результате уже потеряно немало хороших произведений XVIII и XIX века. Надо признать, что и в XVI веке не все авторы были гениальными и талантливыми. Конечно, значимость каждого древнего произведения иконописи высока в силу того, что их сохранилось мало, иконописание тогда еще не стало промыслом с широким рынком сбыта.

Икона поступила в музей из Ипатьевского монастыря. Согласно описи в 1838 года она находилась в местном ряду иконостаса Троицкого собора до 1827 года, когда на ее место (вторая слева от царских врат) был поставлен вновь почитаемый образ Богоматери Тихвинской (сер. XVI в.)⁵.

дожественных коллекций, в 1960-е гг. для атрибуции фонда иконописи приглашали искусствоведов и реставраторов из Государственных центральных художественных реставрационных мастерских им. И. Э. Грабаря, Государственной Третьяковской галереи, Загорского музея-заповедника и музея им. А. Рублева, вероятно, тогда и были сделаны пробные раскрытия на древних иконах.

³ Реставратор I категории Н. А. Волкова. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник. 1985 г.

⁴ Реставратор I категории Т. Л. Васильева. Костромской филиал ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря // «Немногие для вечности творят...» Каталог выставки к 25-летию Костромского филиала ВХНРЦ. М., 2011.

⁵ Опись имущества Ипатьевского монастыря. 1838. КМЗ КОК-24766. Л. 14 об.

*Амеросий Романов. Благовещение
1710. Дерево, темпера. 153 x 110 x 3,7. КМЗ КОК 23252/9*

Ипатьевский монастырь – родовая обитель бояр Годуновых. На их средства в 1560 и 1562 годах были построены два каменных храма: холодный Троицкий собор с приделом святого апостола Филиппа и священномученика епископа Гангрского Ипатия и теплый – Рождества Богородицы (изначально тоже Троицкий); возведены крепостные стены, башни, жилые и хозяйственные корпуса⁶.

Переписные книги 1595 года дают подробное описание иконостасов во всех храмах обители⁷. Занимая высокие должности при царском дворе, Годуновы имели возможность заказывать иконы царским иконописцам. Три иконы «Троицы ветхозаветной» и образы соименных святых главных вкладчиков из рода Годуновых в иконостасе собора воплощали идею моления Троице строителей обители. Местные иконы «годуновского данья» разных иконостасов были высотой 9 пядей. Это позволяло легко перемещать их, заменяя и дополняя местные ряды в иконостасах храмов и приделов, ставить в пристолпные киоты.

В 1649 году Троицкий собор был уничтожен взрывом пороха, а через три года на его месте выстроили новый, по размерам значительно превосходящий годуновский. В местный ряд нового иконостаса вошли почти все местные иконы из старого собора и придела Филиппа и Ипатия.

В 1709 году от «великой полой воды» собор пострадал катастрофически, даже металлические связи сводов порвало и через расселины сводов внутрь попадали дождевая вода и снег.

Починкой икон очевидно занялись уже в 1710 году. Приближался 1713 юбилейный год, 100 лет правления династии Романовых. Мотивом к записи могло быть желание монастырских властей окончательно искоренить память о Годуновых. Годуновский собор, на крыльце которого происходила церемония приглашения на царство боярина Михаила Федоровича Романова, был уничтожен еще в 1649 году, но в новом соборе весь местный ряд иконостаса еще составляли иконы «годуновского данья». Письмо А. Романова и запись на остальных образах местного ряда (с пышными цветами по позему) окончательно скрыли первоначальную живопись, создали впечатление написанных вновь.

⁶ Брюсова В. Г. Ипатьевский монастырь. М., 1984.

⁷ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. Сообщил М. И. Соколов. М., 1898.

Последствия наводнения 1709 года еще долго сказывались. В 1742 году архитектор И. Ф. Мичурин, обследовавший ветхости монастыря, перечислил более сотни икон (в основном пядничных) со значительными повреждениями красочного слоя⁸.

С учреждением Костромской епархии в 1744 году Ипатьевский монастырь стал резиденцией архиерея и начал активно устранять ветхости. Очередь дошла до иконостаса только в 1756 году. Его решили заменить с учетом нового регламента в расстановке икон. Сохранился контракт с резчиками на исполнение резного иконостаса. В 1758 году он уже сиял обильной позолотой, но иконы в трех верхних ярусах были из прежнего иконостаса. Их, конечно, починили, а вновь были написаны иконы праздничного и местного рядов костромским иконописцем Василием Никитиным Воиным (1691–1759?). В местном ряду из старых осталась лишь храмовая икона «Троица Ветхозаветная», да «Благовещение» в записи А. Романова⁹.

В какой степени А. Романов должен был следовать авторской живописи при поновлении образа? Даже при сильном потемнении олифы иконописцы старались повторить привычную для заказчика композицию. Дело упрощала авторская графья, если она была на первоначальном образе. В остальном все зависело от таланта, мастерства, индивидуальной манеры письма поновителя и владения им местной художественной традицией.

Перед реставрацией в 2011 году не было рентгеновского исследования иконы. Доказательством следования А. Романовым образу XVI века служат фрагменты живописи, видимые в участках пробного раскрытия, и характерные особенности иконографии. Например, А. Романов повторил не только формы престола, который в начале XVIII века выглядит весьма архаично, но и ассист инокопью. Именно такая форма престола и инокопья в деталях повторяется во всех иконах «Троицы Ветхозаветной» «годуновского данья»¹⁰.

⁸ Брюсова В. Г. Архивные выписки из подлинных материалов ЦГАДА и ГАКО о зданиях и сооружениях б. Ипатьевского монастыря // Рукопись. 1960 – 1961 гг. Научный архив КИАХМЗ; Сметы и запись на ремонт монастырских зданий, составленные архитектором Мичуриным. 1742.

⁹ Каткова С. С. Века и судьбы. Кострома. 2001. С.108 – 132.

¹⁰ Костромская икона XIII – XIX вв. / Авт.-сост. Н. И. Комашко, С. С. Каткова. М., 2004. Кат. №10.

Архангел и Богоматерь изображены в полный рост на фоне высоких палат. Вверху, за темными облаками поясной Саваоф благословляет их обеими руками. От уст Саваофа исходят серебряные лучи, а в их сиянии над нимбом Богоматери парит белый голубь. Подобную иконографию обычно связывают с «Устюжским Благовещением»¹¹. Однако, в отличие от устюжского извода архангел Гавриил не стоит, а широко и стремительно шагает. Правой рукой он благословляет, а в левой держит белый посох (мерило), перевитый красной лентой.

Динамичной фигуре архангела противостоит спокойно стоящая Дева Мария. Мафорий, так плотно укутал ее фигуру, что видны только кисти рук: правая, развернутая к небу ладонью, и опущенная левая. Через правую ладонь пропущена пурпурная нить, а в левой руке она держит клубок пряжи.

В устюжском изводе Мария правой рукой как бы прикрывает голову воплотившегося в ее лоне младенца. В большинстве поздних икон лоно с младенцем отсутствует, и жест Богоматери трансформировался в знак принятия благодати. Возникает вопрос: каким был жест правой руки Богоматери в годуновском оригинале? Изменил ли его А. Романов?

Для решения проблемы жеста и иконографического образца стоит рассмотреть годуновские иконы из иконостаса Троицкого собора. Все они вышли из царских мастерских и отражают личные вкусы заказчиков. К настоящему времени часть икон «годуновского данья» из Троицкого собора сохранилась в собраниях местного и столичных музеев. Почти все они раскрыты от поздних записей и правок¹².

Образцами для икон, заказываемых Годуновыми, обычно служили древние, почитаемые иконы кремлевских соборов.

¹¹ Икона «Устюжское благовещение». XII в. ГТГ.

¹² В Костромском музее-заповеднике находятся иконы: «Троица Ветхозаветная» 1562 г., «Сергий Радонежский с деянием», 1586 г., «Иоанн Богослов» 1586 г. «Великомученик Никита» пос. четв. XVI в. В Третьяковской галерее одна из храмовых икон «Троица ветхозаветная с деянием на 4-х створах». 1586, 1600 гг., «Иоанн Предтеча – Ангел пустыни» 1586 г. и «Успение с житием Иоакима, Анны и Богоматери» 1567 г. В Москве в Государственном Историческом музее икона «Дмитрий Солунский с деянием на чекане» 1586 г. См.: Костромская икона XIII–XIX вв. Авт.-сост. Н. И. Комашко, С. С. Каткова. М., 2004.

Благовещенский собор Московского Кремля после пожара в 1547 году лишился всех святых икон, и чтобы не прерывать служб в кремлевских соборах, по указу царя из разных городов «многие чудные иконы свозили и в Благовещение поставили на поклонение». Из собора св. Георгия г. Новгорода в Москву привезли «Устюжское благовещение», икона стояла в иконостасе как храмовая. Царские иконописцы в XVI веке ее поновляли и было сделано несколько списков, в том числе для Архангельского и Благовещенского соборов Московского Кремля. Оригинал установили в Успенском соборе¹³.

В праздничном чине иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля находится икона Благовещение пер. пол. XV в. В ней Архангел изображен стремительно идущим к Богоматери и перед его правой ногой развевается конец гиматия. Богоматерь сидит на престоле, но ее правая рука под мафорием и поднята ладонью вверх. Эту иконографию повторил в правом нижнем клейме автор иконы «Успение с житием Иоакима, Анны и Богородицы» в 1567 году¹⁴. То есть протообразцом для годуновского мастера, видимо, служила икона пер. пол. XV века из иконостаса Благовещенского собора.

В 60-е годы XVI века был написан иконостас для придела Собора архангела Гавриила того же Благовещенского собора. В эти же годы в Ипатьевском монастыре завершается строительство двух храмов. Не исключено, что иконы для иконостасов Д. И. Годунов мог заказать тем же царским иконописцам.

Не остается сомнений, что А. Романов следовал за автором XVI века в таких деталях как цвет одежд, основные объемы палат, дверные и оконные проемы, объединяющий обе палаты велум.

В собрании музея-заповедника есть икона «Благовещение», для которой годуновский образ мог послужить иконографическим образцом¹⁵. Практически совпадают все составляющие. Так же стремителен шаг архангела, так же покорно склонив голову, стоит Мария. Цвета одежд Архангела и Марии, как у А. Романова, но отличаются

¹³ Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990.

¹⁴ Икона Успение, с житием Иоакима, Анны и Богоматери. 1567 г. ГТГ // Костромская икона... Кат. №16.

¹⁵ Икона «Благовещение». Пер. треть. XVII в. д.т. 139,0x100,0. КМЗ КОК КП-214 // Костромская икона... Кат. № 98.

глубиной тона. Так же и цвет палат традиционно желтый и зеленый и полукружье верхнего неба так же очерчено гирляндой темных облаков. Поясной Саваоф благословляет Марию, и луч света исходит из его уст, опускаясь на ее нимб.

Есть отличия в архитектуре палат и их декоре: белильные обводки и простейшие завитки вокруг оконных и дверных проемов, по филенкам, тяги карнизов как на иконах XV – XVI веков. Красная крепостная стена за палатами ритмически повторяет направление благословляющей руки архангела. Внизу стены, точно посередине над поземом черный проем входа. Таким образом, тема входа, ворот разыграна очень подробно. Оба персонажа центрированы арками (нимб Богоматери вписан в арочный проем, а у архангела центр нимба совпадает с центром арки входа).

Крылья архангела темно-синие с золотой разделкой перьев, по внешнему краю папортки так же подцвечены розовым. На рукавах изумрудно-зеленого хитона вишневым клав, такого же цвета гиматий. Сапожки у Марии красные, а у архангела – золотые, точнее крупная золотая инокопь по охре воспринимается как цвет. Так же по охре проложена инокопь на ножках престола. На сидении лежат две подушки: синяя и красная с золочеными каймами по краям. Вероятность употребления иконописцем цветного лака по позолоте велика, но опять-таки при отсутствии опыта реставратор мог смыть его полностью. В иконе А. Романова бакан употреблен весьма экономно, только подцвечивает позолоту в окнах и на крыше.

Но главное отличие – это положение кисти правой руки. Она прижата к груди. Через нее так же пропущена пурпурная нить. Что было в левой уже не узнать. На конце нити красочный слой утрачен до левкаса.

Архангел и Саваоф на этой иконе благословляют Богоматерь двуперстием. Вероятно, икона написана до церковных соборов 1666 – годов, запретивших двуперстие. То есть в первой трети XVII века. Не исключая, что замена двуперстия тоже один из мотивов для записи А. Романовым гоуновской иконы.

Что же в иконе от А. Романова? Прежде всего, манера письма. Она очень индивидуальна, особенно в личном. Если в композиции он следует за автором, а в узорочье не отступает от принятого декора конца XVII века, то лики он пишет по-своему. Техника письма ликов

предельно аскетична, так пишут стенописцы: по санкирю темной охры объем формируют крупные белильные высветления с мягкой растушкой к краям. Крупный, мягкий нос отмечен двумя бликами света: посредине и на конце, а над верхней губой очень плотный блик белилами, такой индивидуальный росчерк.

Палаты чрезвычайно затейливы по архитектуре: разнообразие крыш, окон, арочных входов, двери с филенками и пирамидки-шпилей для велума – все богато украшено растительным орнаментом. На окнах и дверях серебряные решетки, слюдяные оконошницы подцвечены баканом. Красная завеса в храме сзади Марии и подушка на ее сиденье расшиты золото-серебряным узором.

Традиционное для костромских иконописцев сочетание серебра и золота проявилось и в изображении Саваофа. От его фигуры исходит сияние: прямые и извилистые серебряные лучи. А золото на одеждах: белый хитон по оплечью, широким рукавам и наручам украшен золотой каймой с камнями и жемчугом.

Черные крылья архангела с алыми папортками разделаны серебряной инокопью как чернь по серебру. Одежды архангела и Марии так виртуозно прописаны золотым ассистом «в перо», что вместе с притенениями складок придают объем фигурам.

О самом Амвросии пока ничего узнать не удалось. Имя столь редкостное, что в святцах известен только один соименный святой – Амвросий епископ Медиоланский. Среди русских имен чаще встречается вариант Абросим.

Абросимов Артемий костромской иконописец, жил на Стрелецкой улице в кремле. В 1715 году его дом был пуст¹⁶.

Абросимов Федор (Попов Федор Абросимов) из Нерехты (упоминается в 1664 –) кормовой иконописец Оружейной палаты. Отец Поповых Дмитрия и Григория Федоровых иконописцев, с 1720-х годов живших в Нижнем Новгороде.

Из Романовых известен кинешемец Гавриил Романов (1660–1668). Участвовал в стенном письме Архангельского собора Московского Кремля и в Саввино-Сторожевском монастыре занимался церковной починкой в больничных палатах

¹⁶ Словарь русских иконописцев XI-XVII веков / Ред.-сост. И. А. Кочетков. М., 2003. С. 28, 538.

Поиски продолжаютя. По стилю письма ясно, что иконописец мог работать в сводных артелях костромичей и с мастерами Оружейной палаты.

Запрет на каменное строительство храмов по всей Руси, ради строительства новой столицы, негативно сказался на развитии иконописания. Прекратились заказы на стенопись и устройство новых иконостасов.

Что за судьба была у нашего автора сказать трудно, и куда его мог привести поиск заработка? Возможно, эта публикация поможет выявить еще какие-то подписные работы мастера.

ГЛОССАРИЙ¹⁷

Ассист – клеящий состав для наклейки листового золота и серебра на поверхность живописи тонкими линиями. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Бакан – неяркая органическая краска тёмно-красного цвета. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Велум – ткань, переброшенная с одного архитектурного здания на другое или с одной колонны на другую. В иконографии условно обозначает внутреннее помещение, в котором происходит изображаемое событие. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Гиматий – прямоугольный длинный кусок ткани – плащ, надеваемый поверх хитона. Свободный конец его перебрасывали через левое плечо на спину, реже – со спины на правое плечо, и закрывали им правую руку. Хитон. Греческое название нижней одежды – рубашки, сшитой из одного куса ткани прямоугольной формы с вырезом для головы. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Графья – углублённые линии, обрисовывающие, описывающие контуры рисунка. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Инакоп – графическое выражение световых бликов (пробелов) тонкими линиями, листиками сусального золота. Филатов В. В. Словарь изографа, М.: Лествица, 2000.

Клав – нашивное украшение в виде вертикальных полос, идущих от плеч до нижнего края одежды. Гладышева Е., Нерсесян Л. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991.

Левкас – белый грунт для иконной и настенной живописи. Филатов В. В. Словарь изографа, М.: Лествица, 2000.

¹⁷ Сост. ред.

Лужа – небольшой скос в иконной доске между полем и ковчегом или между первым и вторым ковчегами, если доска с двойным ковчегом. Поле иконы – обрамление доски иконной, возвышающееся над ковчегом или выделяемое цветовой каймой на поверхности плоско обработанной доски. Ковчег – плоское углубление в иконной доске, на поверхности которого располагается сюжетная живопись. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Мафорий – покрывало, набрасываемое на голову и окутывающее фигуру целиком. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Папортки (папоротки) – перья основной поверхности крыла, выполненные в стилизованной манере. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Позём – В нижней части иконы условное изображение земли в один или два цвета, обычно зелёного, редко коричневого. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Пядь – Старинная мера длины, равная расстоянию между растянутыми большим и указательным пальцами. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964.

Санкирь – в иконописи темный, оливковый или коричневый тон, поверх которого кладутся остальные, более светлые слои в живописи лица, рук и других открытых частей тела (личного письма). Гладышева Е., Нерсеян Л. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М., 1991.

Тяга карниза – архитектурный элемент в виде горизонтального пояса или выступа. БСЭ.

Филёнки – Тонкая линия, обрамляющая (подчеркивающая) декоративную рамку или заменяющая её. Филатов В. В. Словарь изографа. М.: Лествица, 2000.

Лужняк Т. Н.,
старший научный сотрудник
Красносельского музея ювелирного
и народно-прикладного искусства
(филиал КМЗ)

КРАСНОСЕЛЬСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕМЕСЛЕННАЯ АРТЕЛЬ

XIX век – это период небывалого расцвета Красносельского ювелирного промысла.

В последней его четверти, а еще более в начале XX века производство ювелирных изделий достигло здесь такого размаха, что вытеснило все остальные промыслы, так что и участие детей с семи-восьмилетнего возраста становилось необходимостью. Все более ускоряющиеся темпы работы не способствовали хорошему качеству и развитию художественного уровня ювелирной продукции. В это время зарождающийся во всех видах искусства стиль «модерн» оказался, возможно, слишком мудреным для местных кустарей. Опасную конкуренцию местной серебряной продукции составили весьма распространенные заграничные изделия из неблагородных металлов, но превосходящие их по *«художественности и чистоте отделки»*.¹ Чтобы продукция была востребована, нужны были совершенно новые формы работы, новые технологии, материалы, в связи с чем необходимость художественного образования для детей-кустарей становилась очевидной.

«С целью поднятия художественной части в ювелирных изделиях путем распространения художественного образования среди местного населения в с. Красном в 1897 году по инициативе Костромского уездного земства открыт класс технического рисования».² Но уже через год первый заведующий Сергей Григорьевич Монастырский внес в учебный отдел министерства финансов проект о создании «школы более высшего типа» – Художественно-ремес-

¹ Ювелирный промысел в Красносельской волости Костромского уезда и в с. Сидоровском Нерехтского уезда Костромской губернии. Кострома. 1903. С. 33.

² Там же. С. 32.

ленной учебной мастерской и постройке для нее специального здания. С созданием этого учебного заведения начинается новая эпоха в развитии ювелирного дела в селе Красном Костромского уезда Костромской области.

Заведующим были приглашены замечательные преподаватели и мастера, благодаря которым уровень образования был поставлен сразу на очень высокий уровень. В учебную программу входили, так называемые, «художественные предметы: рисование, лепление, черчение, история орнаментных стилей».³ В мастерских ребята осваивали посудное дело, гравирование по серебру и стали, чеканное дело, сканое, литейное. То есть здесь готовили профессиональных художников и мастеров.

Уже «в течение 1905-1906 учебного года мастерской были принимаемы заказы от частных лиц и учреждений для исполнения учащимися и мастерами в свободное от занятий время; работами руководили преподаватели. Заказы принимались по всем отраслям золотосеребряного дела и исполнялись по рисункам заказчиков или преподавателей, а в некоторых случаях и по рисункам, составленным учащимися под руководством преподавателей. В течение года было сработано несколько колец, серег, брошей, медальонов, чайных и столовых ложек с гравировкой, отлито несколько вещей из меди и бронзы; выгравировано штампов для образков и запонок, а так же исполнено несколько вещей с эмалью и сканью; сделаны пять риз на иконы и один штамп для ризы на Евангелие. Для местных кустарей сработано несколько тысяч кастов»⁴. Таким образом, польза от создания этого учебного заведения становилась очевидной для кустарей уже в первый год его существования.

«Желая прийти на помощь учащимся, окончившим курс мастерской, родители которых не имеют своих мастерских, заведующим было устроено собрание родителей учащихся, где был поставлен на разрешение вопрос об открытии при учебной мастерской – мастерской работной, чтобы в последней, окончившие учащиеся

³ Программа Художественно-ремесленной мастерской золотосеребряного дела. 1904–05 г. Кострома. 1907. С. 12–13.

⁴ Отчет Художественно-ремесленной учебной мастерской золотосеребряного дела в селе Б. Красном, Костромской губ. и уезда за 1905-6 учебный год. Кострома. 1907. С. 30–31.

*могли исполнять за плату принятые через учебную мастерскую заказы и тем иметь заработок, а главное, продолжать развивать свои познания. Вопрос был тщательно обсужден и решен в положительном смысле, но, пока, за отсутствием средств, остался без движения до более благоприятного времени».*⁵

Совершенно естественно, что молодым выпускникам не хотелось работать в прежних мастерских своих родителей, «*обставленных самым примитивным образом*». В таких условиях «*окончившему курс учебной мастерской не может представиться никакой возможности применить на деле полученные им знания*». Сложившая практика в местном промысле определяла, что сбытом всего товара заправляют местные скупщики. В большинстве случаев и вполне сознательно они «*употребляют все средства, чтобы держать на низкой ступени развития кустарное производство, благодаря чему удешевляется стоимость изделия. Последнее условие для скупщиков весьма важно. В виду таких, существующих – десятками лет укрепившихся – условий, цены на изделия у кустарей (а отсюда и на рабочие руки) с каждым годом падают все ниже, а некоторые сорта изделий совершенно выходят из спроса – их начали выработывать на фабриках и здесь и за границей*».⁶

С целью изменить существующую ситуацию в промысле, в Красном в 1901 году была предпринята попытка создать самостоятельную артель, не зависящую от местных купцов-перекупщиков. Министерством финансов артели кустарей была назначена на льготных условиях ссуда в 10 000 рублей. Но этой первой артели не суждено было реализовать свои замыслы и оправдать надежды, которые на нее возлагались. Она должна была прекратить свое существование из-за неимения опытных руководителей и истощения отпущенной ссуды.⁷

Уже в то время многим было ясно, что выход из создавшегося затруднительного положения в промысле – это создание артели на несколько иных началах, чем в ранее созданной. Необходимо, чтобы функции новой артели были поставлены в самую тесную

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Корбицкий Н. Н. Кустарный промысел ювелирных изделий в Костромской губернии и его развитие. Издание неофициальное. Кострома, 1913. С. 23.

связь с художественно-ремесленной школой; чтобы в число ее членов принимались молодые люди, окончившие в ней курс, и сама артель служила как бы продолжением этой школы.

В ежегодных отчетах учебно-хозяйственного комитета министерству торговли и промышленности высказывалась постоянная озабоченность о дальнейшем применении выпускниками своих знаний и мастерства, о необходимости «устройства при учебной мастерской работной мастерской». Все, что можно было до сих пор сделать в этом направлении, ограничивалось тем, что учебно-хозяйственный комитет разрешал бывшим ученикам посещать мастерскую для исполнения их работ и пользоваться как художественными пособиями, так и техническими приспособлениями.

24 ноября 1912 года в кустарное отделение Костромского губернского земства на имя костромского губернатора был представлен Устав Красносельской художественной ремесленной артели мастеров-серебряников. Артель начала свою работу 4 марта 1913 года. В нее вошли 13 человек. *«Из них в состав правления артели избраны: председателем – крестьянин Гридинской волости, деревни Марьинской Николай Павлов Михайлов, товарищами председателя – Шуйский мещанин Сергей Михайлов Лазарев и крестьянин Семеновской волости Владимир Андреев».*⁸

Артель начала работу во вновь устроенной Костромским губернским земством мастерской. Министерством торговли и промышленности на оборудование этой мастерской в пособие земству было выделено 5000 рублей.⁹

В том же 1913 году изделия артели (51 предмет) были представлены на Всероссийской кустарной выставке в Петрограде. Все предметы выполнены в стиле «модерн», в техниках чеканки, литья, скано-филигранной, с применением горячих перегородчатых эмалей. Изящные броши, подвески, заколки для волос, цепи для часов, запонки, а также коробочки, ножи для бумаги, спичечницы, пудреницы, доски для блокнотов и др. Выставка продемонстрировала

⁸ ГАКО. Ф. 133. Оп. 2 Д. 12398. Л. 134.

⁹ Отчет о деятельности Художественно-ремесленной учебной мастерской за 1912-13 год. Кострома. С. 6.

высокий художественный уровень и мастерство Красносельской артели нового типа.

Согласно Уставу артели, имея «собственные капиталы: паевой, оборотный и запасный», она сама ими распоряжается. Имеет право приобретать необходимое для нее имущество, устраивать мастерские, торговать предметами своего производства и т. д.

Кроме выставок артель сбывала свою продукцию в основном через кустарный склад Костромского губернского земства.

В вышедшем в 1913 году рекламном каталоге артели записано: *«Следуя тому направлению, которое дала ей школа, артель стремится придать своим изделиям художественную форму и этим путем удовлетворять более развитым вкусам общества. Исполняя все помещенные в настоящем каталоге изделия по рисункам, как членов артели, так и посторонних лиц, с заказами просят обращаться по адресу: с. Красное Костромской губ. Художественно-ремесленная артель»*.¹⁰

Постоянное совершенствование изящества и качества работы не могло не вызвать увеличение спроса именно на такие изделия, а соответственно, внутренняя организация артели дала возможность ее членам стать вне зависимости от прежних скупщиков товара.

Характеризуя товар этого периода, пробирьер Н. Н. Корбицкий писал, что по изготовлению и чистоте работы неопытному лицу трудно отличить его от московского. И хотя след этой первой Красносельской артели вскоре затерялся в грозных революционных событиях, она явилась образцом для организаций подобного типа в послереволюционные годы.

¹⁰ Каталог Художественно-ремесленной артели в селе Красном.

Сухарева Т. П.,
ведущий научный сотрудник
художественного отдела
Костромского музея-заповедника

МУЗЕЙ ЖИВОПИСНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОСТРОМЕ

Музей живописной культуры в Костроме был открыт по инициативе секции изобразительного искусства при губернском отделении Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) в воскресенье 22 августа 1920 года. Костромская газета «Красный мир» писала, что «на открытии присутствовали многие ответственные руководители советских и партийных учреждений. Перед открытием т. Изнар-Купреяновой¹ был сделан доклад, в котором она выявила цель организации таких музеев, а затем ею же были даны объяснения различным течениям в современном живописном искусстве»². Открытие музея стало важным и широко обсуждаемым событием в культурной жизни города. Инициатором и непосредственным строителем нового музея был молодой энергичный художник Н. Н. Купреянов, впоследствии известный советский график. С Костромой он был связан родственными узами. Недалеко от Костромы находилось имение его деда по материнской линии Г. В. Мягкова, где он провел детские годы и куда приезжал из Москвы на летние месяцы, став известным художником.

В феврале 1920 года Н.Н. Купреянов приехал в Кострому с мандатом Наркомпроса. В течение 1920–1922 годов он возглавлял работу в секции ИЗО при Губернском отделении Наркомпроса. Вокруг него объединилась талантливая молодежь, проявляющая интерес к художественной деятельности. Н. Н. Купреянов возглавил Государственные художественные мастерские, созданные в Костроме еще до его приезда в 1919 году Н. П. Шлеином, выпускником Петербургской Академии художеств. В них издавались Костромские окна РОСТА

¹ Изнар-Купреянова Наталья Сергеевна (1893–1967). Театральный художник. В 1920 году участвовала в создании в Костроме Музея живописной культуры. Жена Н. Н. Купреянова.

² Открытие Музея живописной культуры // Красный мир. – 1920, 26 авг.

и другие плакаты, велось преподавание художественных дисциплин. Единства в преподавании основных художественных дисциплин у Н. П. Шлеина и Н. Н. Купреянова не было. Н. П. Шлеин, ученик В. А. Серова и В. Е. Маковского, сам талантливый портретист, отстаивал традиции академической школы. Н. Н. Купреянов, начинающий молодой художник, мечтавший о революции в искусстве, и Н. С. Изнар пытались внедрить новые авангардистические методы в учебный процесс. Это отрицательно отражалось на преподавании и работе Государственных свободных художественных мастерских. Возник серьезный непримиримый конфликт, уладить который удалось при вмешательстве А. В. Луначарского и Демьяна Бедного.

В 1920 году Н. Н. Купреянов писал своим друзьям: «*Вообще, Кострома скоро станет настоящим культурным центром*»³. И это не было преувеличением. В 1918–1921 годах Наркомат просвещения направлял сюда из столицы ученых, музыкантов, артистов, спасая их от голода и разрухи. 7 ноября 1918 года в здании тогда уже бывшего Дворянского собрания открылся рабоче-крестьянский университет, на двух факультетах которого, историко-материалистическом и гуманитарном, работали многие видные ученые. В декабре того же года артист МХАТа А. Д. Попов создал в Костроме драматическую студию, в которой наряду с местными играли и приехавшие из Москвы актеры. В 1919 году по инициативе А. В. Луначарского открылась народная филармония. Он приезжал в Кострому в 1919 и в 1920 годах, и помимо решения государственных вопросов, читал лекции по искусству. На костромской сцене впервые была поставлена пьеса А. В. Луначарского «Фауст и город». В костромском драматическом театре имени А. Н. Островского 3–4 раза в неделю ставились оперы, выступал симфонический оркестр, дирижировал которым концертмейстер Большого театра Б. А. Федоров.

Все эти события, безусловно, способствовали дальнейшему обогащению художественной жизни города. Активный интерес к изобразительному искусству у костромичей проявился еще раньше, в начале XX века. В 1903 году выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества Владимир Алексеевич Колесов открыл

³ Купреянов Н.Н. Литературно-художественное наследие. – М.: Искусство, 1973. – С. 130.

в Костроме свою художественную студию. В 1904 году на родину после окончания Академии художеств возвратился Николай Павлович Шлеин и основал в Костроме частную художественную школу. Вокруг этих двух профессиональных художников, каждый из которых имел своих учеников, начинала складываться определенная атмосфера художественного творчества.

Судя по публикациям в местных изданиях, в середине 1910-х годов в городе проводились выставки изобразительного искусства, работал кружок любителей изящных искусств, по пятницам проводились литературно-художественные вечера. В 1915 году состоялась первая выставка костромских художников и любителей искусств. В конце мая 1917 года группа художников выдвинула инициативу создания в Костроме Художественного общества. Целью его было *«объединение на почве служения чистому и прикладному искусству лиц, интересующихся живописью, ваянием, зодчеством, графическими искусствами, кустарным делом, изучением и охраной памятников старины и другими отраслями художественного знания»*⁴. Для осуществления своих целей и задач общество планировало *«устраивать постоянные и подвижные музеи, выставки картин и произведений прикладного искусства»*. Костромское художественное общество стремилось взять на себя некоторые функции, свойственные музею. Почва для открытия в Костроме самостоятельного музея художественного профиля была благодатной.

4 мая 1917 года Н. П. Шлеин выступил в городской Думе со следующим предложением: *«Я, как гласный и художник, считаю своим нравственным долгом предложить Городской Думе основать в г. Костроме картинную галерею. За последнее время общество уже признало за искусством такое же важное образовательное значение, как и за наукой, и потому основание картинной галереи не является роскошью, а необходимой потребностью, с чем, наверно, и вы, господа, согласны. Я уже с этой целью ездил в Петроград и заручился согласием некоторых членов Академии художеств пойти навстречу этому начинанию»*⁵. Картинная галерея в Костроме, вероятно, была бы создана, если бы не трагические события октября

⁴ Костромское художественное общество // Поволжский вестник. – 1917, 13 июля.

⁵ Наша костромская жизнь // Поволжский вестник. – 1917, 4 мая.

1917 года и последовавшие за ними Гражданская война и разруха. Но даже в эти годы художественная жизнь в городе не застухала и мысль о создании картинной галереи или художественного музея не покидала ее жителей.

Начиная с 1918 года, в Костромской музей местного края⁶ свозились предметы старины, мебель, книги и произведения искусства из национализированных усадеб. В 1918 году, благодаря инициативе Н. П. Шлеина, музей получил первую партию художественных произведений из Государственного музейного фонда специально для организации картинной галереи. Этот факт не остался незамеченным художественной интеллигенцией города. В Костроме снова активизировалось движение за открытие самостоятельного музея художественного профиля. Была даже создана комиссия по организации Музея изящных искусств, но объективная ситуация продиктовала другое решение. С 1919 года в Музее местного края был организован художественный отдел, который в начале 1920-х годов начал пополняться произведениями выдающихся русских художников из Государственного музейного фонда, среди них картины И. К. Айвазовского, М. В. Нестерова, К. А. Коровина, А. Я. Головина, Л. В. Туржанского и многих других. Самое активное участие в этом принимал Н. П. Шлеин.

Н. Н. Купреянов был лично знаком с некоторыми деятелями Наркомпроса, в том числе с заведующим отделом изобразительных искусств Д. П. Штеренбергом. Узнав об организации Музея живописной культуры в других городах, Н. Н. Купреянов запросил и получил в 1920 году в Музейном бюро отдела изобразительных искусств Наркомпроса РСФСР сорок девять произведений для Костромского музея. *«Мы открыли Музей живописной культуры, куда мне удалось раздобыть несколько хороших вещей из местного старого музея. Это да будет моей мстью Машковцеву (мстит, впрочем, кажется, не за что). Это вышло совсем неплохо и, принципиально говоря, я очень не рад, что Ваше ведомство (Вы, конечно, знаете мои к нему*

⁶ Музей местного края был открыт в 1918 году на базе собрания бывшего Романовского музея, который был построен на народные деньги и торжественно открыт к трехсотлетию дома Романовых в 1913 году в присутствии императора Николая II и его семьи.

теплые чувства) совершенно знать ничего не хочет об М. Ж. К. это, конечно, не касается провинциальных М. Ж. К., которые, разумеется, мало имеют шансов быть чем-либо значительным, но в Москве, Петербурге, мне кажется, много молодых художников они могли бы наставить на истинный путь», – писал он Н. А. Ушаковой⁷.

Организаторы Музея живописной культуры в Костроме, следуя инициативе отдела изобразительных искусств Наркомпроса и, в частности, В. В. Кандинского, задумывали его как показательно-педагогический музей нового типа, в задачи которого входило пропагандировать современное искусство в широких народных массах, знакомить зрителей с чисто живописными методами и достижениями. Свою позицию секция ИЗО Костромского губернского подотдела Наркомпроса изложила в газете «Красный мир»: *«В Костроме открыт музей живописной культуры. Это новое в практике музейного дела учреждение, вызванное к жизни с одной стороны потребностью восстановить понятие живописи в первоначальной его чистоте, освободить его от засилья литературы, с другой – рядом профессионально-технических соображений. <...> М.Ж.К. в настоящем своем виде, когда за немногими исключениями, он состоит из произведений современной русской живописи, есть первый для Костромы вестник этой революции. Поэтому, как и во всякой революции, мы ждем протеста против новых форм живописи, которые сейчас представлены в Костроме новым музеем. Чем острее будет этот протест, тем лучше, ибо революционировать эстетические навыки, застоявшиеся привычки – есть первая (но не единственная) задача музея»⁸.*

В начале сентября в той же газете «Красный мир» началась бурная дискуссия «Вокруг искусства», связанная с новым музеем. У создателей музея оказалось много противников, позицию которых выразил автор, скрывшийся под псевдонимом «Дядя Саша». Статья «Письмо профана о музее живописной культуры», написанная в жанре фельетона, тем не менее, она дает представление о выступлении Н. С. Изнар-Купреяновой на открытии музея и позиции самих оппонентов: *«Окидываю взглядом стены... Берет оторопь...*

⁷ Купреянов Н. Н. Указ соч. – С. 131.

⁸ К открытию Музея живописной культуры // Красный мир. – 1920, 5 сент.

Вглядываюсь в лица товарищей, ища «поддержки». У большинства выражение человека, собирающегося «разразиться» гомерическим хохотом и из «приличия» сдерживающего себя... Сдерживаюсь и я, и всеми силами стараюсь «отмести» от себя мысль о «шарлатанстве». Самым добросовестным образом вслушиваюсь в «искреннюю» речь тов. Купреяновой, стараюсь «заразиться честностью художников, говорящих красками». Вот картина... (ни одной картины «художников» я не помню) синий круг, на нем еще два круга – красный и белый...⁹ «Смотрите как переливаются ... искрятся краски...» (Сознаюсь, никакой «переливчивости и не вижу, но все-таки пытаюсь «вбить» в это свои «профанские» глаза)»¹⁰.

Критика «Дяди Саши», в основном, была дилетантской. Автор гневного обличения выразил свое неприятие авангардного искусства. Особое возмущение у него и многих других посетителей музея вызвала картина Ильи Машкова «Натурщица». По этому поводу Н. Н. Купреянов писал художнику Н. А. Тырсе: *«Я открыл Музей Живописной культуры. Его гвоздь – картина Машкова не дает покоя костромской публике. Кое-кто сказал мне, что я подлец и негодай. Все это очень весело и интересно. Образец газетной полемики при сем прилагаю»*¹¹. В письме он поместил набросок с картины, изображающий лежащую обнаженную женскую фигуру. Картины Ильи Машкова «Натурщица» сейчас нет в собрании музея. Судьба его неизвестна¹².

В защиту Музея Живописной культуры выступил художник П. В. Захаров. В газете «Красный мир» он писал: *«После долгих и, казалось, бесконечных поисков и начинаний, в результате тяжелых трудов и нравственных пыток отдельных, любящих свое дело лиц,*

⁹ Речь идет о картине А. М. Родченко «Три круга». Этого произведения сейчас нет в собрании музея. Судьба его неизвестна.

¹⁰ Красный мир. – 1920, 5 сент.

¹¹ Купреянов Н.Н. Указ соч. – С. 131.

¹² По рассказам костромских художников старшего поколения в 1960-е годы эта картина находилась у скульптора А.В. Щепелкина, бывшего директором Костромской картинной галереи в 1958-1960 годах. Картину видели и в его мастерской в Череповце, куда он переехал в 1960 году. Позднее он говорил, что картина сгорела во время пожара в его мастерской. Достоверность этих рассказов выяснить не удалось.

Кострома приобщилась, наконец, к тому Великому, что существовало в других городах десятки и сотни лет, что за границей есть в каждом селении. Но это не картинная галерея и не музей в том смысле, как это было принято понимать, а чисто показательное учебное учреждение, знакомящее нас не с творчеством отдельных художников, не с результатами исторического развития искусства, но – с эволюцией его технических и колористических основ, – с его революцией. Не слишком сложны, но чрезвычайно новы и оригинальны цели и задачи этого учреждения. <...>

Устройство МЖК – это громадная ценность для всего Костромского края. И мы должны быть бесконечно благодарны его устроителям. Не касаясь здесь произведений музея вообще, в частности про «Натурицицу» И. Машкова можно сказать, что это произведение высокой художественной ценности – настоящая находка для Костромы, и что оно ценно не только само по себе, но еще и потому, что очень характерно для нашего крупнейшего представителя современного постимпрессионизма»¹³.

Другой костромской художник Б. Н. Царнах дал высокую оценку отдельным произведениям, представленным в музее, в частности, охарактеризовал «Натурицицу» Ильи Машкова как «высокохудожественное и логически законченное произведение нашего талантливого мастера». В газете «Красный мир», – он писал: «В Костроме открылся Музей живописной культуры. К сожалению, музей не оправдывает своего многообещающего названия, потому что крайне однобоко и односторонне знакомит посетителей как с состоянием современного искусства, так и с теми его достижениями, которыми отмечены последние десятилетия. Конечно, всецело винить в этом организаторов музея не приходится. Если в чем и можно бросить упрек, так это в том, что в подборе вещей, даже в развеске, заметно упрямое желание «сагитировать» за новое искусство, во что бы то ни стало завоевать право гражданства для произведений крайне левого течения. Автор этих строк полагает, что было бы более целесообразным, если бы в устройстве музея отсутствовали личные симпатии и вкусы в пользу мудрого

¹³ Захаров П. По поводу «профанства» в вопросах искусства // Красный мир. – 1920, 12 сент.

беспристрастия и уравновешенности. В этом случае посетители, не чувствуя над собою чужой воли, могли успешнее разобраться в музейном материале и сознательнее проследить эволюцию искусства. Теперь этого нет, теперь, благодаря тому, что в музее действительно немало хлама, прикрытого вывеской нового искусства, посетитель, не всматриваясь в прочие работы, выносит непоколебимое, но ложное мнение, что новое искусство целиком поза, шарлатанство и озорство»¹⁴.

Представители секции ИЗО при Губернском отделении Наркомпроса неоднократно пытались объяснить свою позицию и защитить Музей живописной культуры, в то же время они в чем-то признали объективную критику Б. Н. Царнаха. В газете «Красный мир» они изложили свою позицию: *«Т. Царнах думает, что М. Ж. К. создан для того, чтобы показать развитие живописи. Это неверно. <...> У музея Ж.К. другая задача: показать связь между жизнью художественных форм и пластическими средствами выражения, которыми владеет живопись. Для этой цели М. Ж. К. должен содержать в себе различные образы различных приемов живописи, понимая под «приемом» все, начиная от организации художественного образа и кончая приготовлением красок. Таким образом, в него должны войти все, что касается техники живописи не только картины, где эта техника нашла себе применение, но и всякого рода материалы и препараты, результаты разных исследований и экспериментов. «Три круга» Родченко – такой эксперимент. Мы отнюдь не хотим убеждать, что это произведение искусства: нет, это только формула, знание которой понятно художнику»¹⁵.*

Атмосфера неприятия жителями Костромы художественных произведений, представленных в Музее живописной культуры, накалялась. Н. Н. Купреянов и его сторонники сделали еще одну попытку объяснить цель создания подобных музеев: *«Секция ИЗО является местным органом, осуществляющим в пределах губернии политику Народного комиссариата просвещения в области изобразительных*

¹⁴ Царнах Б. По поводу Костромского музея живописной культуры // Красный мир. – 1920, 24 сент.

¹⁵ Ответ критикам // Красный мир. – 1920, 26 сент.

искусств. Поэтому остановимся на вопросе об общей политике Н.К.П. и в частности на отношении его к т. н. «левому» искусству.

Общий закон жизни искусства состоит в том, что оно не остается неподвижным, а развивается. Развитие это состоит в выработке новых форм и приемов, которые вытесняют собой старые, утратившие свой первоначальный смысл формы и приемы. Сообразно этому развитию изменяются и эстетические критерии. Эти процессы не проходят безболезненно. Новое, живое искусствовопонимание в своем поступательном движении встречает сопротивление со стороны искусствовопонимания старого, которое само по себе уже мертво, но упорно цепляется за жизнь, находя себе поддержку в определенных эстетических навыках, по существу своему консервативных, опирающихся на привычку и традицию. Художественные течения, питающиеся старым искусствовопониманием, исполняющие роль тормоза в поступательном движении жизни искусства принято называть «правыми». Течения, создающиеся под воздействием новых жизненных условий, сосредотачивающие в себе жизненные силы искусства, называются «левыми». Из этого видно, что понятия «правое» и «левое», применительно к искусству, не несут в себе никаких объективных признаков, и являются совершенно относительными. <...>

Со времени образования отдела изобразительных искусств при Н. К. П. положение изменилось. Основным принципом художественной политики отдела было строгое равноправие всех худ. течений. Но по отношению к «левым», молодым течениям госуд. власть в лице отдела ИЗО заняла особую благоприятную позицию, в смысле создания для них условий развития, наиболее обеспечивающих им возможность вполне выявить свою значительность.

Многочисленные нарекания по адресу отдела ИЗО на такое, якобы идущее в ущерб другим течениям покровительство левому искусству, естественны: это процесс рутины и утратившей живой смысл привычки, протест старой эстетики, навязывающей искусству чуждые ему задачи»¹⁶.

После бурной дискуссии Музей живописной культуры в Костроме был закрыт. Сейчас мы не можем сказать, кто тогда издавал

¹⁶ Секция ИЗО и левое искусство // Красный мир. – 1920, 9 окт.

приказы и как происходил этот процесс. Документы секции ИЗО по Музею живописной культуры не сохранились¹⁷.

Музей живописной культуры просуществовал в Костроме не больше года, стремление приобщить зрителей к новому «искусствоведению» потерпело крах. Причин для этого было немало. Прежде всего, неподготовленность костромского зрителя к восприятию авангардного искусства, что не учли организаторы музея. На волне революционных перемен Н. Н. Купреянов и его сторонники задумали сразу же внедрить в общество новый взгляд на искусство, в то время как большинство костромичей не видели в подлинниках классических произведений живописи и графики. При изучении документов Государственного музейного фонда возникает вопрос: «Было ли открытие Музея живописной культуры заранее запланировано и согласовано с властями города?» В Государственный музейный фонд из многих городов России поступали заверенные печатями и подписями официальных лиц заявки, в которых были представлены характеристики имеющихся коллекций, обоснование запроса на получение новых произведений и даже планы музейных зданий. На их фоне заявка из Костромы, подписанная инструктором Губнаробраза Н. Н. Купреяновым, воспринимается как наспех написанный черновик. Его расписка на имя сотрудника Государственного музейного фонда Н. И. Михайловой свидетельствует о том, что в тот момент у него не было документа, удостоверяющего его полномочия на устройство в Костроме Музея живописной культуры. На листе, вырванном из тетради, небрежно написано: *«Расписка Дано сие Наталье Ивановне Михайловой в том, что я, Н. Н. Купреянов, обязуюсь представить документ, удостоверяющий мои полномочия на устройство в г. Костроме Музея живописной культуры. Н. Купреянов»*¹⁸. Возможно, Н. Н. Купреянов действовал по собственной инициативе, которая не всем пришлась по нраву. Сейчас уже нет возможности доподлинно узнать, кто был прав, а кто виноват в той ситуации. Согласия между отдельными группами художников и любителей искусства не было. Н. П. Шлеин добивался создания в Костроме

¹⁷ Почти все документы этого периода погибли во время пожара в Государственном архиве Костромской области в 1982 году.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. 10. Л. 32.

картинной галереи, где предполагалось собирать произведения русской реалистической школы. П. В. Захаров мечтал о Музее изящных искусств, представляющем весь пласт художественной культуры, а Б. М. Царнах выступал за мудрую беспристрастность в подборе художественных произведений. Приходится только сожалеть, что из-за конфликта отдельных личностей, нежелания выработать единую программу создания в Костроме музея художественного профиля, было загублено очень важное и благородное дело. Были упущены и шансы комплектования музейного собрания интересными произведениями искусства из Государственного музейного фонда.

О дальнейшей судьбе Музея живописной культуры и его произведений художник Б. Н. Царнах неоднократно поднимал вопрос в газете «Красный мир», обвинял чиновников в *«халатном отношении к художественному достоянию республики»*¹⁹. Возможно, благодаря его стараниям 75 картин и графических листов из Музея живописной культуры, поступили в Костромской музей местного края. Об этом свидетельствует запись в книге поступлений музея за 1922 год²⁰. В это число вошли не только произведения, полученные из Государственного музейного фонда, но и картины, взятые Н. Н. Купреяновым из Музея местного края в Костроме, а также его собственные работы. Произведения русского авангарда, пополнившие музейное собрание, безусловно, подняли значимость художественной коллекции музея, но свидетельств о том, что они выставлялись в последующие четыре десятилетия, нет. Многие из них были утрачены при невыясненных обстоятельствах. Неизвестно местонахождение произведений В. В. Кандинского, М. В. Шагала, А. М. Родченко, Л. С. Поповой и других художников, которые были переданы в Кострому из Государственного музейного фонда по акту № 26 от 11 июня 1920 года²¹. В настоящее время из этого списка, включавшего 30 живописных и 19 графических работ, выявлено и находится в собрании Костромского музея-заповедника только 16 произведений. Среди них широко известные картины «Пейзаж» Р. Р. Фалька, «Дева на звере» Н. С. Гончаровой, «Автопортрет» В. Е. Татлина,

¹⁹ Царнах Б. О художественном музее // Красный мир. – 1923, 8 июня.

²⁰ Книга поступлений Костромского краеведческого музея. № 27. Л. 102.

²¹ РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. 8. Лл. 62–65.

«Пивная» О. В. Розановой и другие. В собрании музея есть еще несколько произведений неизвестных художников, по живописной манере относящиеся к началу XX века. Возможно, какие-то из них были выставлены в Музее живописной культуры в 1920 году.

Музей живописной культуры за небольшой срок своего существования сумел взволновать умы творческой интеллигенции и долго оставался в памяти костромичей как первый самостоятельный музей художественного профиля в нашем городе. Художественная жизнь в Костроме в 1920-е годы была очень насыщенной. В 1925 году возникло Костромское отделение Ассоциации художников революционной России (КОАХРР) во главе с Н. П. Шлеиным, а в 1926 году художественное объединение «Нео-Аргус», лидером его стал Б. Н. Царнах. Художники, группировавшиеся вокруг «Нео-Аргуса», продолжали поддерживать тесные творческие связи с Н. Н. Купреяновым, уехавшим в 1922 году в Москву, но постоянно приезжавшим в село Селище под Костромой. Художники этих двух объединений организовывали выставки, вели профессиональные споры и дискуссии, подчас в резкой форме выливавшиеся на страницы периодической печати.

Трудно сказать, какое непосредственное влияние на творчество того или иного художника оказала деятельность Музея живописной культуры, но живописные открытия русских авангардистов дали импульс для творческого развития художников следующего поколения. Об этом косвенно свидетельствуют трагические события 1937 года. В 1937–1938 годах в застенках НКВД погибли девять костромских художников, в том числе и Б. Н. Царнах. Художников обвинили в том, что они являлись членами «троцкистской террористической повстанческой организации», кроме того выпускали «антисоветскую художественную продукцию», проводили подрывную деятельность в товариществе «Художник».

Из документов следственного дела, находящихся в Государственном архиве новейшей истории Костромской области, очевидно, что все обвинения были нелепыми и явно сфабрикованными. В 1964 году все девять художников были реабилитированы. Наряду с политическими обвинениями, в этом деле четко прослеживается линия борьбы советской власти против формалистических течений

в искусстве, начавшаяся после выхода в 1936 году в газете «Правда» анонимной статьи «О художниках-пачкунах». Первой жертвой этой борьбы с формализмом среди костромских художников стал Александр Петрович Балакирев. В середине июня 1937 года Ярославская организация Союза художников СССР провела закрытую выставку его работ в Ярославле²², с последующим обсуждением, на котором присутствовали художники из Костромы, Ярославля и Рыбинска. Протокол этого обсуждения дает представление о творческой личности А. П. Балакирева и отношении к нему других художников. Несмотря на то, что многие художники высоко оценили его способности и своеобразие живописной манеры, обсуждение превратилось в открытое бичевание. Его обвиняли в том, что *«стоит он на позициях формализма. Он был представителем левого фронта в Костроме. <...> На пост вождя левого крыла он был назначен непосредственно самим Штеренбергом»*²³. В своем выступлении А. П. Балакирев говорил, что на его творчество действительно оказали влияние художники «Бубнового валета» и не скрывал, что он «очень любит искусство Запада», особенно французских и испанских художников. Этот по сути дела творческий спор художников был переведен в политическое обвинение и сыграл роковую роль в судьбе А. П. Балакирева и его произведений. Руководство Ярославского Союза художников СССР сделало вывод «о сознательном проведении враждебной идеологии» А. П. Балакиревым и предложило поставить вопрос о дальнейшем пребывании его в рядах Союза художников. На этом дело не кончилось, 31 августа 1937 года он был арестован. Во время следственного процесса по обвинению костромских художников в антисоветской деятельности из Москвы была вызвана эксперт Всесоюзного комитета по делам искусств В. В. Курильцева. После изучения протокола обсуждения выставки и осмотра 64 картин А. П. Балакирева, она пришла к выводу, что сама выставка и ее обсуждение «заслуживают внимания органов

²² В 1929 году Кострома потеряла статус губернского города и стала районным центром Ивановской промышленной области. С 1936 по 1944 год Кострома входила в Ярославскую область. Костромская организация СХ была филиалом Ярославской организации СХ СССР.

²³ Государственный архив Ярославской области. Р-2785. Оп. 1. Д. 18. Лл. 25–30.

НКВД» и сделала заключение: *«По содержанию все эти работы выражают пессимистически-упадническую, враждебную антисоветскую идеологию, по существу сводящуюся к проявлению контрреволюционных убеждений, прикрытых завуалированной формой «творческих исканий аналитически-экспериментальным методом, намеренно искажающих советскую действительность»*²⁴. После такого экспертного заключения вряд ли кто-нибудь решился хранить картины А. П. Балакирева, скорее всего, они были уничтожены службами НКВД. Попытки сотрудников Костромского музея найти хотя бы одну из его картин пока не увенчались успехом.

В результате этих событий Костромской филиал Союза художников СССР лишился ярких, талантливых живописцев. Из музейного собрания были изъяты произведения всех расстрелянных художников. Эта трагедия самым непосредственным образом отразилась на культурной жизни города последующих десятилетий. О том, чтобы выставлять полотна из Музея живописной культуры и другие произведения, не вписывающиеся в рамки соцреализма, не могло быть и речи.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 года № 801/1 «Об образовании Костромской области» была создана Костромская область. Это событие стало новой вехой в истории музейного дела в Костроме. Н. П. Шлеин как председатель Костромского областного отделения Союза художников СССР упорно продолжал хлопотать о создании в Костроме картинной галереи. Несмотря на послевоенную разруху, его мечта осуществилась. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 19 сентября 1944 года № 1252 в Костроме была создана Картинная галерея, как самостоятельное учреждение культуры. Она открыла двери для посетителей в августе 1945 года²⁵. Костромская картинная галерея размещалась в здании бывшего Романовского музея вместе с краеведческим музеем, но юридически это было самостоятельное учреждение со своим штатом сотрудников и директором.

Сотрудники Костромской картинной галереи провели большую работу по учету и размещению произведений, находящихся в ее

²⁴ Государственный архив новейшей истории Костромской области. Р-3656. Оп.2. Д. 5125. Л.11.

²⁵ Открытие картинной галереи // Северная правда. – 1945, 13 авг.

собрании. Были заведены новые книги поступлений и инвентарные книги. Из 75 произведений живописи и графики, поступивших в 1922 году в Костромской краеведческий музей «из института народного образования (с выставки футуристов)» в книгу поступлений было записано только 9 картин. Где находились остальные произведения этого поступления, выяснить не удалось.

5 мая 1962 года Костромское областное Управление культуры получило приказ Министерство культуры РСФСР № 420 от 18.04.1962 «Об объединении художественных музеев с краеведческими музеями». Согласно этому приказу Костромская картинная галерея ликвидировалась как самостоятельное учреждение культуры, а на ее базе создавался отдел изобразительного и прикладного искусства Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, который просуществовал немногим более трех лет. В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР от 8 февраля 1966 года № 353-р и согласно приказу по Костромскому областному управлению культуры № 224 от 4 ноября 1966 года в Костроме был открыт Музей изобразительных искусств на базе художественных коллекций, имеющих в учреждениях культуры области. Снова были переписаны книги поступлений. В них вошли и 9 произведений из Костромской картинной галереи.

В 1960-е годы после ряда публикаций о «томящихся» в запасниках центральных музеев шедеврах русской живописи в западных странах возник особый интерес к русскому авангарду. С начала в экспозициях столичных, а затем и провинциальных музеев стали появляться произведения русских художников конца XIX – начала XX веков. Взоры костромских специалистов были обращены на чудом уцелевшие живописные полотна художников-авангардистов. После 1966 года в книгу научно-вспомогательного фонда и в книгу временного хранения Музея изобразительных искусств были записаны еще 7 произведений из Музея живописной культуры, в том числе Н. С. Гончаровой, О. В. Розановой, В. Е. Татлина. Мы можем только догадываться, каким образом эти картины сохранились в 1920–1950-е годы, период страшных репрессий и борьбы с формализмом. Почти все они потеряли свои первоначальные названия и авторов за исключением подписных полотен. При постановке

на учет сотрудники музея записывали их как произведения неизвестных художников и давали новые названия. Эти факты во многом осложнили процесс идентификации произведений.

В 1970–1980-е гг. московские и костромские реставраторы вернули к жизни почти все сохранившиеся полотна. Была проведена работа по их атрибуции, к которой были привлечены крупные специалисты Москвы и Ленинграда. К сожалению, документы того времени, подтверждающие те или иные научные выводы, не всегда сохранялись. Часто произведения атрибутировались во время реставрации и на основе устных консультаций со специалистами.

Интерес к русскому авангарду не утихает и в наше время, проводятся многочисленные выставки, как в нашей стране, так и за рубежом, издаются каталоги и монографии. Произведения из Костромского музея живописной культуры постоянно востребованы, они вызывают большой интерес у исследователей произведений русских авангардистов. К примеру, картина Н. С. Гончаровой с современным названием «Каменная баба. Мертвая натура»²⁶ была атрибутирована известным московским искусствоведом Д. В. Сарабьяновым и сотрудником Русского музея Е. В. Баснер. Картина под таким названием упоминается в списке работ Гончаровой, составленном при ее жизни в 1913 году. А в акте № 26 от 11 июня 1920 года Государственного музейного фонда по передаче картин в Кострому картина Гончаровой называется «Идол»²⁷. В книге поступлений Костромского краеведческого музея № 27 за 1922 год записано: «Неизвестный художник. Идолище»²⁸. В книге поступлений научно-вспомогательного фонда Костромского музея изобразительных искусств эта картина записана как произведение неизвестного художника «Бурхан»²⁹. Специалистам пришлось проделать большую исследовательскую работу, проанализировать все документы, чтобы атрибутировать и проследить историю бытования произведения. Исследовательская работа продолжается и сейчас. В собрании Костромского музея-

²⁶ Гончарова Н. С. Каменная баба. Мертвая натура. 1908. Холст, масло. 88,5х67,5. КМЗ КХМ КП-6316.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Ед. 8. Л. 62.

²⁸ Книга поступлений Костромского краеведческого музея № 27. Л. 102.

²⁹ Книга поступлений научно-вспомогательного фонда Костромского музея изобразительных искусств. Л.1.

заповедника находится картина неизвестного художника «Дама с самоваром»³⁰. Есть основание предполагать, что это полотно принадлежит кисти другой «амазонки авангарда» О. В. Розановой. В акте № 26 от 11 июня 1920 года Государственного музейного фонда упоминается работа Розановой. «Футуризм/портрет/»³¹. В книге поступлений Костромского краеведческого музея № 27 в 1922 году записано: «Неизвестный художник. Дама у самовара». При визуальном сравнении картины с другими ранними произведениями художницы можно сделать вывод, что по стилистическим особенностям и колориту она близка ранним работам О. В. Розановой. Для подтверждения этих предположений необходима дорогостоящая технико-технологическая экспертиза.

В собрании Костромского музея-заповедника находится еще несколько работ, предположительно, принадлежавших Музею живописной культуры, предстоит сложная работа по их реставрации и атрибуции.

³⁰ Неизвестный художник. Дама с самоваром. Холст, масло. 69,0x76,0. КМЗ КХМ КП-312.

³¹ РГАЛИ. Ф. 665. Оп 1. Ед. 8. Л. 62.

Уткина А. С.,
старший научный сотрудник
Красносельского музея ювелирного
и народно-прикладного искусства
(филиал КМЗ)

В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ (Красносельская скань 60–х – нач. 80–х гг. XX в.)

В 1959–1962 гг. на Красносельской ювелирной фабрике проходила реконструкция производства: были построены два новых производственных корпуса площадью 3500 кв. метров и установлено современное оборудование. *«В эти годы на фабрике много обращалось внимания улучшению и расширению ассортимента ювелирных изделий и особенно увеличению выпуска высокохудожественных посудных изделий для сервировки стола, сувениров, подарков. Ежегодно создавалось и выпускалось более 100 новых видов, а выпуск изделий бытового назначения, сувениров и подарков за семилетку увеличился более чем в 3 раза»¹.*

Однако, несмотря на предпринятые меры, ассортимент сканных изделий Красносельской фабрики оставался малоинтересным, линия скани была неживой, косной. В кон. 1950-х – нач. 1960-х гг. состав экспериментальной группы Красносельской фабрики пополняется молодыми художниками, выпускниками Красносельского техникума. Формируется коллектив талантливых, несмотря на свою молодость, художников: П. И. Чулков, Н. А. Соколова, И. Д. Орлов, В. П. Ощепков, Р. А. Медведев, Ю. И. Кавалеров, И. С. Тихомирова и др. Для Всероссийского смотра-выставки изделий народных промыслов 1960 г. они подготовили серию высокохудожественных изделий из скани, многие из которых были отмечены дипломами².

¹ Справка о работе Красносельской ювелирной фабрики. – Архив Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства (Далее Архив Красносельского музея). – А КЮМ 04 П. 4 Л. 148/8.

² Орлов И.Д. был награжден дипломом 1 степени Всероссийского смотра-выставки изделий народных промыслов, Соколова Н. А. – дипломом 2 степени, Ощепков В. П. – дипломом 1 степени, Кавалеров Ю. И. – дипломом 1 степени.

Работу художников ювелирной фабрики курировал Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП). Утверждение эскизов ювелирных изделий проходило в Москве. Сотрудники Института проводили большую работу по стимулированию творчества красносельских художников и мастеров: часто приезжали в Красное для проведения лекции, организовывали семинары, обсуждали планы работы. Особенно много помогала творческой молодежи художник НИИ ХП Зинаида Михайловна Зенкова, которая сама преподавала в Красносельском техникуме в 1950–1952 гг.³ Она предложила красносельским художникам совершенно новую тематику сканного производства – сувениры в виде объемных фигурок стилизованных животных, которые бы значительно разнообразили ассортимент выпускаемой продукции. Эскизы первых сканных фигурок выполняла сама Зинаида Михайловна Зенкова. На семинарах она показывала фотографии аналогов камерной декоративной скульптуры в мировом культурном наследии, учила стилизации. Впоследствии именно сувениры в виде фантазийных животных, птиц, сказочных героев стали узнаваемым отличием красносельской скани.

Буквально сразу новаторскую идею сувениров поддержали молодые красносельские художники. Петр Иванович Чулков, будущий заслуженный художник РСФСР, одним из первых заинтересовался «звериной» тематикой: на художественный совет он представил сувенир «Жираф», получил одобрение З. М. Зенковой и рекомендации работать в том же ключе. В этом изделии еще прослеживается некоторая скованность формы, примитивность сканного орнамента, но именно оно стало «первой ласточкой». Уже в 1961 г. по проекту П. И. Чулкова был выполнен сувенир «Ежик», который без сомнения до сих пор является одним из самых удачных изделий Красносельского ювелирного завода. Автором найдено замечательное художественное решение: полусферическая форма туловища, сплошь набранная круглыми «плотнушками»⁴ и декорированная напайной зернью, имитирующей иголки, переходит в остренькую вздернутую

³ Архив Красносельского музея. – А КЮМ. 04. П. 8. Л. 1.

⁴ Элемент сканной наборки в виде плотной спирали, выполненной из тонкой крученой вальцованной проволоки.

мордочку с глазками-зернинками. В последующие годы Чулковым была выполнена целая серия анималистических сканных фигурок: сувенир «Баран» (1964 г.), декоративный ковш «Баран» (1968 г.), сувенир «Пегас» (1968 г.) и множество других, ставших уникальной особенностью ассортимента Красносельской фабрики. Следует отметить, что именно П. И. Чулков применил на практике способ набирать скань на гипсовой форме, что позволило ему уйти от тривиальных разверток и разрабатывать любые округлые и фантазийные формы объемных предметов.

Большой вклад в разработку новой сувенирной тематики внес Владимир Георгиевич Ситников⁵. В 1955–1959 гг. он работал в артели «Красносельский ювелир», где некоторое время возглавлял экспериментальный цех. Летом 1959 г. он поступил в Московский технологический институт и темой его дипломной работы в 1962 г. стала серия декоративных сканных фигурок. В ходе сбора материала для эскизов он ездил на практику в заповедник Аскания-Нова, где зарисовывал с натуры внешний облик и повадки диких животных. Для выполнения дипломного проекта В. Г. Ситников снова приехал на Красносельскую ювелирную фабрику. Результатом его долгих творческих поисков стали сканные сувениры в виде стилизованных животных: «Бизон», «Горный баран», «Канна» и др., которые оказались удачным производственным новшеством и долгое время состояли в ассортименте выпускаемых заводом изделий.

В 1966 г. Красносельская, Подольская, Сидоровская фабрики были переданы в подчинение Министерству приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР. В том же 1966 году в г. Ленинграде был организован ВНИИ ювелирпром СССР, который принял руководство над работой ювелирных предприятий страны⁶. В условиях этой экономической реформы Красносельская фабрика получила десятки единиц производственного оборудования. На этой волне была проведена комплексная механизация сканно-филигранного участка, что позволило увеличить объемы производства сканных изделий.

⁵ Впоследствии с 1974 по 1995 гг. – художник экспериментальной производственной лаборатории Гохрана СССР.

⁶ Там же. А КЮМ. 04. П. 4. Л. 148/9.

Л. И. Подобин в «Справке о работе Красносельской ювелирной фабрики» пишет о тех годах: «<...> Совместными усилиями молодых художников Ситникова В. Г., Чулкова П. И., Кавалерова Ю. И. и известных красносельских мастеров Маслова Л. Н., Васиной А. В. и др. были созданы отличные сувениры: филигранные фигурки, винные и столовые наборы и др., пользующиеся всеобщим признанием у Советских людей и за рубежом. Их покупают Польша, Югославия, Швеция, Англия, США, Монголия, Чехословакия, Италия, Франция, Бельгия и др. <...>»⁷. Таким образом, со второй половины 1960-х гг. красносельская скань приобретает широкую мировую известность. Например, в 1968 г. Красносельскую ювелирную фабрику посетил польский корреспондент варшавского еженедельника «Дружина» пан Анджей Пиляса, который в ходе экскурсии по предприятию в частности сказал, что много слышал о красносельских ювелирах, но в Польше их изделия купить почти невозможно – сувенирную продукцию из магазинов очень быстро раскупают.⁸

«В Монреаль на Всемирную выставку 1967 г. в качестве экспонатов отправлены 32 ювелирных изделия, исполненных красносельцами. Среди них изящные винные сервизы «Ледоход» (художник Игошин Л. А.), «Весна» и «Березовый сок» (художник П. И. Чулков), сувениры «Матрешки», два декоративных панно «Кострома» (художник Ю. Кавалеров), забавные филигранные фигурки-сувениры «Бизон», «Олень», «Козлик» и другие художника П. И. Чулкова<...>»⁹.

В 1969 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Красносельская фабрика была награждена орденом «Знак почета», что дало новый стимул для дальнейшего развития производства¹⁰.

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. состав экспериментальной группы пополняется новыми именами молодых

⁷ Справка о работе Красносельской ювелирной фабрики. – Архив Красносельского музея. – А КЮМ. 04. П. 4. Л. 148/8.

⁸ Пастухова М. Мне нравится все...// Красное Приволжье. – 1968, 17 сентября. – № 109 (4148). – С. 4.

⁹ «Красоте дорога всюду» // Волжская Новь. – 1967, 30 марта. – № 39 (3923). – С. 2.

¹⁰ Бузин А. И. Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: Издание акционерного общества «Красносельский ювелирпром» и Костромской организации художников, 1997. – С. 110.

художников: В. А. Анучин, К. Н. Марченко, Е. А. Ларичев, С. А. Безруков, З. Г. Козина, Т. Н. Галкина, Л. Н. Студенникова, В. Ф. Марьин, Т. И. Халева, А. С. Филиппов и др.

После объединения артелей в единую Красносельскую ювелирную фабрику в 1960 г. экспериментальную группу предприятия возглавил Иван Андреевич Шумаков, основоположник красносельской финифти. После окончания техникума художественной обработки металлов ХОМ с 1951 по 1954 г. он работал на фабрике финифти в Ростове¹¹, где изучал тонкости эмальерной живописи. Вернувшись в Красное замечательным эмальером-живописцем, он организовал массовое производство финифтевых вставок и на Красносельском ювелирном заводе¹². До этого времени выполнение финифти заказывали непосредственно на фабрике в Ростов. Хотя традиционная разноцветная горячая эмаль всегда широко применялась на красносельском производстве, финифть оказалась очень важным нововведением. Газета «Красное Приволжье» от 22.09.1979 г. пишет: *«На днях в Москве состоялась традиционная ежегодная ярмарка ювелирных изделий. Экспозиция красносельских ювелиров вызвала как всегда большой интерес. Кроме изделий традиционно представляющих наше производственное объединение красносельцы показали работы, выполненные с финифтью – более 3600 изделий 20-ти наименований. <...> Все изделия, как показала ярмарка, пользуются широким спросом у покупателей, и Красносельский ювелирный завод пока не может полностью удовлетворить заявки торгующих организаций. Старинная художественная манера (финифть) недавно возрожденная на Красноселье уже принесла продукции Ювелирпрома дополнительную популярность»*¹³. Сканные украшения из цветного металла с финифтевыми вставками: броши, серьги, кольца, подвески, заколки – долгое время с кон. 70 до сер. 90 гг. XX в. составляли значимую часть ассортимента выпускаемой продукции.

¹¹ Курдюков В. И. Красноселие. – Вологда: ПФ «Полиграфист». – С. 155.

¹² В массовых количествах финифть выпускалась всего на четырех предприятиях СССР (Мстера, Ростов, Красное-на-Волге, Пермь). – Донцов Э. «Семинар художников» // Красное Приволжье. – 1979. – 22 сентября. – № 137 (59). – С. 4.

¹³ Донцов Э. На ярмарке // Красное Приволжье. – 1979. – 22 сентября. № 137 (59). – С. 4.

1 февраля 1973 года ювелирная фабрика была переименована в Красносельский ювелирный завод. В 1974 г. создается Красносельское производственное объединение «Ювелирпром», в состав которого вошли Красносельский, Костромской, Подольский ювелирные заводы и Сидоровская ювелирная фабрика¹⁴.

1970-е гг. были ознаменованы большим количеством выставок: международных, всесоюзных, республиканских, зональных и т. д., где постоянно экспонировались работы красносельских художников и мастеров. Многие изделия художников принесли красносельскому заводу мировую известность, были отмечены дипломами, медалями международных и российских выставок. Так, например, И. Д. Орлов (с 1975 г. заслуженный художник РСФСР) за многократное участие в Международных выставках: ЭКСПО-67 г. Монреаль (Канада), ЭКСПО-70 г. Осака (Япония), «Яблонец-1974» (Чехословакия), – в 1980 г. был награжден орденом «Дружба народов»¹⁵.

Именно благодаря активизации выставочной деятельности художников, их авторские работы второй половины 70-х – начала 80-х гг. XX в. становятся более броскими и своеобразными: массивные до вычурности ювелирные украшения, необычной формы вазы, декоративные панно. При выполнении подобного рода изделий технология скани открывала неограниченные возможности. Наверное, поэтому многие заводские художники полностью посвятили свое творчество проектированию и выполнению изделий из скани. Например, П. И. Чулков объяснял свой выбор тем, что именно в этой технологии можно безоглядно фантазировать: разрабатывать форму, придумывать орнамент и даже искать для работ поэтические названия. Часто названия его произведений очень гармонично сочетаются с художественным решением: ваза «Сенокос» – волнообразные ряды изогнутых сканных завитков напоминают скошенные полевые травы, ваза «Серебряные росы» – шарики зерни, точно серебристые капли, усеивают всю поверхность изделия, серия куполообразных шкатулок «Русь» ассоциируется с многокупольным храмом Василия Блаженного – символом России и т.д. П. И. Чулков – автор многих замечательных выставочных произведений, его работы находятся

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив Красносельского музея. – А КЮМ. 04 . П. 8. Л. 2.

в центральных музеях нашей страны: Государственном Русском музее (Санкт-Петербург), Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства (Москва), Загорском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Костромском музее-заповеднике и др.

Необычна скань в исполнении художника В. П. Ощепкова. Как вспоминал Ю. И. Орлов – монтировщик сканных изделий (впоследствии в 2002 г. за свой уникальный труд был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени), В. П. Ощепков любил сам лично экспериментировать со сканной проволокой: скручивать ее по-разному, искать неординарные вариации фактуры. Благодаря этой выразительности линии рисунка, простоте формы и обилию крупной зерни его выставочные работы хорошо узнаваемы, и даже спустя десятилетия кажутся современными.

Среди заводских художников-приверженцев сканной тематики следует особо отметить В. Ф. Марьина. В фондах красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства имеется богатая коллекция его изделий, которые и по сей день выделяются среди работ других авторов. Марьин сумел найти и передать в скани индивидуальный художественный почерк – это совокупность безупречной гармонии пропорций, лаконичности формы, изящества рисунка. Как отмечают его бывшие коллеги-художники, при отборе изделий для участия в различных выставках, худсовет часто отдавал предпочтение именно работам Валерия Федоровича, так как их завершенность и высокий уровень выполнения ни у кого не вызывал сомнений. Большинство его проектов пошло в массовое производство.

Соавторами художников по праву являются мастера-исполнители: сканщицы, монтировщики, полировщики, которые воплощают замыслы художников в металле. Именно они делают первое изделие-эталон с эскиза разработчика, по которому будет изготавливаться массовая продукция. В разное время на заводе трудились замечательные мастера: сканщицы – А. В. Васина, М. Ф. Лакеева, Л. М. Огородникова, Н. М. Христова, Л. К. Мотина, И. Кузнецова, Л. В. Зотова, Т. Я. Харламычева, Е. М. Моклокова, Г. Н. Лапшина, Е. И. Ляпунова; монтировщики – Л. Н. Маслов, Н. В. Барашков, Е. В. Барашков, В. И. Каретин, В. Сорокин, ручную полировку сканных изделий экспериментальной группы выполняла Т. А. Громыко.

С 70 гг. XX в. техника скани стала широко применяться и при проектировании предметов интерьера – настенных панно. Еще в каталоге изделий Красносельской ювелирной фабрики за 1969 г.¹⁶ встречаются довольно примитивные настенные украшения на тему «Кострома», представляющие собой металлические пластины с несложным напайным сканным узором. В кон. 1970-х – нач. 1980-х гг. красносельские художники создают целую серию удивительных по красоте настенных украшений, которые можно смело назвать произведениями сканно-эмальерного искусства: серия панно «Яблоня» П. И. Чулкова (1974–1980), «Жизнь» В. П. Ощепкова (1980), «600 лет Куликовской битвы» И. Д. Орлова (1980), «Красное-на-Волге» Н. Б. Смирновой (1982) и др.

Самым грандиозным творением архитектурно-художественного украшения интерьера, бесспорно, является настенное панно «Ладья»¹⁷, предназначавшееся для оформления костромского ресторана «Русь». Оно выполнено в нач. 1980-х гг. соавторством художников: П. И. Чулкова (автор проекта), В. П. Ощепкова, И. Д. Орлова, Р. А. Медведева, А. П. Жемчугова. Поразителен тот факт, что и при выполнении столь масштабного произведения в обрамлении чеканных форм ладьи, облаков и волн использована разная по фактуре толстая сканная проволока. Но в то же время, наряду с подобными сложными выставочными произведениями художники выполняли и небольшие настенные плакетки из скани с финифтью для массового производства, которые встречаются в каталогах изделий Красносельского ювелирного завода¹⁸.

В кон. 1970-х гг. коллектив художников предложил новый вид бижутерии с вставками из лаковой миниатюры, обрамленной посеребренной и позолоченной сканью. Производственное объединение «Ювелирпром» заключило договор со столичным магазином

¹⁶ Каталог изделий Красносельской ювелирной фабрики. – Центральный научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований приборостроения, средств автоматизации и систем управления. – М., 1969. – С. 24, 25.

¹⁷ Декоративное панно «Ладья» осталось неиспользованным по назначению и в настоящее время экспонируется в Красносельском музее.

¹⁸ Каталог «Красносельские узоры». – Акционерное общество «Красносельский ювелирпром». – Кострома, Б/г.

«Березка» на поставку этой продукции общей суммой 3,5 тыс. руб. Все поставляемые изделия выполнялись на высокохудожественном уровне и имели индекс «Н» (улучшенное качество)¹⁹.

К кон. 70-х гг. – нач. 80-х гг. XX в. красносельское сканное производство достигло апогея своего развития. Газета «Красное Приволжье» от 09.06.1977 г. опубликовало интервью с заместителем генерального директора объединения «Ювелирпром» К. А. Мясниковым, где он рассказывал о прошедшей межреспубликанской ярмарке по продаже изделий ювелирной промышленности. «...Было подготовлено и выполнено более пятисот видов самых разнообразных по стилю, технике и назначению ювелирных изделий <...> Наибольшее внимание привлекли винные наборы, образцы сувенирной группы, среди которых особенно выделяются наши традиционные сканно-филигранные фигурки. Интересен комплект фигурок на спортивные темы, выпущенный к “Олимпиаде-80”. Люди сейчас живут в достатке, а вкусы и требования к художественным изделиям повысились. Поэтому нам не угрожает перспектива остаться без покупателей. Оказалось, что спрос даже превышает наши предложения, ограниченные в определенной мере возможностями производства, трудоемкостью исполнения высокохудожественных изделий <...>»²⁰.

Благодаря постоянному успеху красносельских ювелирных изделий на выставках и ярмарках значительно расширилась сеть поставки заводской продукции. «Более чем на 100 оптовых баз отправляются изделия с производственной маркой “Ювелир”: Прибалтика, Украина, Северная Осетия, Молдавия, Белоруссия, Армения, Туркмения и др. В 1979 г. объединение заключило договоры с торгующими организациями на поставку ювелирной продукции в сумме 14 миллионов руб., из них 3 миллиона руб. приходится на новинки, 50 тыс. руб. – на сувениры, 5 тыс. руб. на изделия с олимпийской символикой. Основным нашим заказчиком является московская центральная база “Коопсылторга”: каждый год предприятие заключает договор на поставку ювелирной продукции в сумме 4,5 миллиона руб. Более 10 лет возобновляем мы договоры с Костромской межоптовой

¹⁹ Колесникова Е. // Красное Приволжье. – 1979, 5 сентября. – №137 (5972). – С. 4.

²⁰ Ювелирпром-78 // Красное Приволжье. – 1977, 9 июня. – № 83 (5605). – С. 3.

республиканской базой “Росгалантерея”. Ей мы отгружаем изделий на 9 миллионов руб.»²¹

Почему же красносельская скань оказалась столь востребованной? Изучение ассортимента сканных изделий ювелирных предприятий советского времени (Ленинград, Москва, Мстера, Пермь и др.)²² позволяет выявить ряд выигрышных отличий скани Красно-го-на-Волге. Искусная стилизация растительных элементов, живая сочная линия рисунка, которая достигается использованием проволоки разной толщины, плотная заборка плоскостей – все эти особенности в совокупности с разнообразием ассортимента выпускаемых изделий сформировали узнаваемую концепцию красносельской скани. Она словно впитала в себя лучшие традиции многовекового наследия ювелирного искусства и сохранила лишь самые ценные художественные качества. Удивительным образом технология скани, появившаяся в Красном только в нач. XX в., к 80-м годам этого столетия не только превратилась в мощное производство, завоевала всероссийскую и мировую известность, но и обрела собственные индивидуальные черты, наряду с древнейшими центрами русского сканно-эмальерного дела.

²¹ Стукалов А., главный инженер ПО «Ювелирпром». Прочные связи // Красное Приволжье. – 1979, 7 августа. – С. 2.

²² Каталог «Товары народного потребления». Ювелирные изделия из драгоценных металлов и камнерезные изделия. Центральный научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований приборостроения, средств автоматизации и систем управления. – Внешторгиздат. – Изд. № 254 р. – М., 1985.

РАЗДЕЛ 4. ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Цветков С. В.,
преподаватель истории
Костромского колледжа
бытового сервиса

ОТЧЕТЫ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ ДУРАСОВСКОГО ГОРОДИЩА – ИСТОЧНИКИ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Публикуемые ниже отчеты об археологических раскопках Дурасовского городища, произведенных в 1955 – 1956 годах экспедицией под руководством Горюновой Е. И., находятся на хранении в архиве Костромского музея-заповедника (далее КМЗ). Данные отчеты были набраны на печатной машинке, имеют дополнения и исправления в тексте, сделанные синими чернилами. К публикуемым отчетам прилагаются фотоизображения, которые хранятся в фонде «Фотографии» КМЗ. Всего публикуется 16 фотографий из фонда КМЗ по Дурасовскому городищу. Идентификация фотографий из фонда музея, с указанными в тексте, невозможна в связи с отсутствием нумерации на фотографиях.

Горюнова Екатерина Ивановна (1902 – 1995) – археолог, доктор исторических наук. Родилась в Москве в семье инженера-механика.

В 1918 году закончила среднюю школу в Тамбове. В 1920 году поступила в 1-й Государственный университет в Москве на биологическое отделение, в 1922 году перешла в Антропологический институт, который закончила в 1927 году по специальности «палеоантропология и археология». С 1923 по 1963 годы работала в Институте археологии РАН. С 1923 г. принимала участие в археологических экспедициях. В 1950-е гг. работала на раскопках Березняковского городища и древнерусских курганных могильников Ярославской и Костромской областей, проводила археологическое наблюдение за реставрационными работами в Спасо-Преображенском монастыре в Ярославле. Е. И. Горюнова являлась крупнейшим специалистом в области финно-угорской археологии, большое внимание уделяла изучению памятников дьяковской культуры и истории городов северо-восточной Руси.

В 1954 году под руководством выдающегося советского археолога Воронина Н. Н. была создана Среднерусская экспедиция Института истории материальной культуры Академии наук СССР (далее ИИМК АН СССР), которая в течении трех сезонов провела обширные комплексные исследования на территориях Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Смоленской и Рязанской областей. В составе экспедиции работало несколько отрядов, каждый из которых имел свою задачу, свои направления работы в рамках общей стратегической линии археологических исследований.

Руководителем Поволжско-мерянского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК была Е. И. Горюнова В 1954 – 1956 гг. отряд работал в Ярославском районе Ярославской области, где исследовал славянские могильники и селища близ пристани «Красный холм» на правом берегу Волги, в двадцати километрах выше Ярославля.

В 1955–1956 гг. под руководством Е.И. Горюновой совместно с Костромским музеем-заповедником велись работы по изучению древнего мерянского поселения на территории Красносельского района Костромской области – Дурасовского городища.

Известное Дурасовское городище IX – начала X вв. расположено в низовьях р. Стежеры, левого притока Волги. Несмотря на некоторое различие в наборах посуды, коллекции раскопок позволяют говорить о культурной близости населения Дурасовского городища

с Поповским городищем, которое располагалось на территории современного Мантуровского района Костромской области на берегу р. Унжи. В результате раскопок были открыты наземные дома с очагами внутри. Из найденных предметов научный интерес представляют тигли, чеканы, литейные формы и льячки, характеризующие кузнечно-литейное ремесло.

*Застёжка медная,
шестиконечная.
КМЗ КОК 14176/47*

Комплекс находок дает представление о ремесленном характере поселка, напоминая Сарское городище (оно представляло собой укрепленное поселение, которое располагалось на территории современной Ярославской области, южнее города Ростова Великого).

В фондах Костромского музея-заповедника в настоящее время находятся на хранении 1776 предметов (включая керамику) с раскопок Дурасовского городища 1955 года и 1992 предмета (включая керамику) с раскопок 1956 года.

ОТЧЕТЫ ГОРЮНОВОЙ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ РАСКОПКАМ ДУРАСОВСКОГО ГОРОДИЩА В 1955–1956 гг. РАБОТЫ КОСТРОМСКОГО ОТРЯДА СРЕДНЕРУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИИМК И КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1955 ГОДУ¹

Работы 1955 г. в Костромской области являлись началом систематических² археологических исследований. В организации экспедиции и проведении раскопок принимал участие Костромской музей, принявший на себя часть расходов по финансированию полевых работ и обработке материалов. В экспедиции принимала участие директор музея М. М. Орехова. В 1955 г. был намечен к изучению упоминаемый Н. М. Бекаревичем «городок» у ныне не существующей дер. Очинищево Красносельской волости. Памятник назван нами Дурасовским городищем, по имени близлежащего села Дурасова. Дурасовское (неукрепленное) городище находится на юге Костромской области, в пределах Красносельского района, в 6–7 км. к СЗ³ от разрушенного карьером мерянского могильника у с. Подольского. Поселение располагалось на покато́й к западной треугольной площадке небольшого останца, носящего среди местного населения название «остров»⁴. У его восточного, обрывистого склона, протекает небольшая безымянная речка, впадающая слева в р. Стежеру; вдоль западной подошвы холма лежит болотистая луговина, постепенно повышающаяся к ЮЗ и переходящая в надпойменное плато. С северной стороны протекает река Стежера.

¹ Орфография приведена в соответствие с современными нормами правописания (*прим. ред.*).

² Шариковой ручкой зачеркнуты слова «первым годом» и написаны слова «началом систематических». (*прим. ред.*).

³ Здесь и далее стороны света обозначены автором аббревиатурой как принято в археологии (*прим. ред.*).

⁴ На полях синей пастой сделана запись «План см. – фото № 1» (*прим. ред.*).

Как показала шурфовка, культурный слой на городище почти отсутствует⁵. Он, видимо, был сдут с открытой для ветров площадки. Учитывая опыт раскопок аналогичных поселений с разрушенным культурным слоем, нами был применен метод снятия тонких пластов, с последующей зачисткой на большой площади. На первом этапе работ нами была пробита траншея от западного склона к В[остоку] в 16 м, разделенная на 8 участков каждый 2х2 м. При снятии поверхностного дернового слоя, толщиной всего в 5 см, обнаружилось, что на вскрытой площади имеются остатки 3-х наземных жилищ⁶, и которые продолжают в южном и северном направлении, для чего пришлось вскрыть соседние участки⁷.

Жилище № 1⁸, расположенное у западного склона холма, было частично разрушено оползнем. Здесь, на глубине 10–15 см обозначились границы дома, ориентированного ССВ-ЮЮЗ, с выходом на ССВ, в сторону естественно удобного спуска к берегу р. Стежеры. Жилище выделялось на фоне светлого песка в виде темного прямоугольного пятна площадью 6,20 х 3 м (как указано, часть разрушена оползнем). Следы дерева в виде полосок рыжевато-го тлена, сохранились лишь вдоль центральной линии жилища (продольной), где они были погребены под 40-сантиметровой толщей сползшего культурного слоя. Фрагменты продольного бревна представляют собой, по-видимому, обрушившуюся коньковую слегу двускатной кровли. Жилище имело два открытых очага/каменки/, помещенных в небольшие углубления (15–20 см при диаметре от 60–80 см)⁹. В 20 см от 1 очага помещалась приочажная яма. Второй очаг помещался тотчас у входа в жилище. [Э]тот второй очаг, значительно меньший по размерам и имевший несколько иной характер, служил, по-видимому «дымовиком» против комаров. В жилище найдено значительное количество бытовых предметов и производственного инвентаря: 8 точильных брусков, в том числе 2 для заточки мелких инструментов; 2 маленьких целых

⁵ На полях синей пастой сделана запись «План см. – фото № 2» (*прим. ред.*).

⁶ На полях напротив синей пастой сделана запись «ф. 4,5» (*прим. ред.*).

⁷ В скобках синей пастой сделана запись «ф. № 3» (*прим. ред.*).

⁸ Подчеркнуто автором (*прим. ред.*).

⁹ На полях синей пастой сделана запись «ф.6» (*прим. ред.*).

и обломок ручки третьего льячка¹⁰; два обломка глиняных тиглей; железный шлак; массивный каменный пест; небольшой железный нож с обломанным концом; близ выхода найдено небольшое глиняное пряслице, обломок второго находился около очага (1)¹¹. Из украшений найдено (у входа) 2 красные бусины (аналогичные попадьинским) и обломок медного пластинчатого браслета. Здесь же, у входа, найден обломок тонкостенног[о] горшка с процарапанными на нем знаками, которые, возможно, являются знаками собственности (рис.8)¹². Основную массу находок составляли обломки глиняной лепной посуды. Найденные здесь типы встречены во всех трех жилищах, поэтому характеристика, которую мы даем ниже, относится к керамике изученного нами (частично) поселка в целом.

1 тип посуды: очень грубая по фактуре керамика с крупными примесями дресвы (иногда шамота) в тесте. Стенки горшков шероховатые. По форме посуда этого типа разнообразна: горшки с равномерно-округлым туловом, без горла, с несколько загнутым внутрь венчиком /аналогичная посуда известна как в более ранних верхневолжских памятниках, так и в памятниках конца 1 тыс. н. э. Аналогичные сосуды встречены в Попадьинском селище¹³. К данному же типу грубой относятся низкие широкие приземистые горшки с короткой шейкой, широким устьем. Иногда у перехода стенки к горлу – ребро. Второй тип представлен гладкой, тщательно отформованной посудой с мелкозернистыми примесями в тесте (чаще песок). Формы сохраняются те же.

Третий тип – посуда с лощеной поверхностью желто-красного, серо-коричневого до черного цвета. Лощение производилось при помощи небольших речных галек. Среди образцов лощеной посуды чаще встречаются горшки с ребром (рис. 9,1)¹⁴, но совершенно отсутствуют сосуды с вогнутым венчиком.

Для всех типов дурасовской посуды можно найти многочисленные аналогии среди керамики древних костромских поселений (на-

¹⁰ В тексте подчеркнута карандашом фраза «2 маленьких целых и обломок ручки третьего льячка» (*прим. ред.*).

¹¹ На полях синей пастой сделана запись «ф.7» (*прим. ред.*).

¹² Цифра 8 написана синей пастой (*прим. ред.*).

¹³ Над строкой написана синей пастой фраза «р.9 и 10/2, 11а/1» (*прим. ред.*).

¹⁴ Номер рисунка дописан синей пастой (*прим. ред.*).

пример, позднего слоя Говядинского селища, Минского городища), а также из поселений середины и второй половины I тысячелетия н. э. более западных областей верхней Волги. Весь комплекс керамики Дурасовского городища чрезвычайно близок комплексу керамики Попадьянского селища и селища у с. Устье (Яросл[авское] Поволжье), а также березняковского Сарского городища и др.

Жилище № 2¹⁵ и жилище № 3 расположены к востоку от жил. № 1. Северо-западный угол второго дома почти вплотную примыкал к стене первого. Его стены ориентированы почти правильно по сторонам света¹⁶. Площадь второго дома 3,5 x 6,40 м (около 22,40 кв.м). Помещение имело также 2 очага: один более мощный помещался почти в центре дома, второй, небольшой – около входа. На земляном полу жилища отмечены следы двух пар вертикальных столбов. Ямы, как бы сдвоены – результат ремонта, смены старых столбов новыми. С внешней стороны дома, вдоль его стен, тянутся следы тонких столбов и мелких жердей, по-видимому, от плетня, укреплявшего завалинку.

Вещевые находки в доме № 2 немногочисленны¹⁷. Помимо керамики, которая представлена значительным количеством обломков посуды описанных выше типов, здесь найдены: четырехгранное шило, детская игрушка в виде маленького шарика, выточенного из известняка, 2 обломка глиняной крышки, обломок глиняной литейной формочки, длинный железный нож (длиной 13,4 см).

Жилище № 3 расположено параллельно второму, к востоку от него. Расстояние между обоими домами не более 1 метра. Как и предыдущие, жилище обнаружено по прямоугольной формы темному пятну, выделявшемуся на фоне светлого песка¹⁸. Размеры дома – 4,40 x 8,30 м. Это самое крупное из исследованных жилищ (36,5 кв. м) представляло такой же наземный двухочажный дом с земляным полом. Направление бревен, следы которых прослеживались в виде полос рыжего древесного тлена, позволяют реконструировать не только конфигурацию стен, но отчасти и перекрытие,

¹⁵ Подчеркнуто автором (*прим. ред.*).

¹⁶ На полях напротив синей пастой сделана запись «ф. № 2» (*прим. ред.*).

¹⁷ На полях напротив синей пастой сделана запись «ф. № 7» (*прим. ред.*).

¹⁸ На полях напротив синей пастой сделана запись «ф. 12» (*прим. ред.*).

представлявшее, по-видимому, двускатную кровлю, крытую по обрешетке каким-то легким материалом.

Основной, мощный очаг, помещенный в углубление пола, находился близ юго-западного угла жилища. В заполнении очажного углубления, помимо огромного количества очажных камней, найдено большое количество частью ошлакованных обломков посуды, зола, уголь, глиняное грузило (ошлакованное). На краю очага лежала большая каменная плита (аналог[ичная] Попад[ьинским] очагам), служившая, очевидно, шестком. Около очага¹⁹ найдено длинное четырехгранное острие (шило?) прекрасной закалки. Близ очага, около западной стены жилища, найдено серебряное²⁰ шумящее украшение, с двумя колокольчатыми подвесками.

Рядом с очагом, с восточной стороны, находилось второе углубление, служившее приочажной ямой (гл[убиной] 0,5 м). Перед её расчисткой в верхних горизонтах, почти непосредственно под дерном, здесь был обнаружен значительный участок с грудой беспорядочно расположенных камней, обломков толстостенной посуды и обломков загадочных изделий из глины (рис. 14)²¹. Примерно в центре находилась большая сланцевая плита.

На площади жилища № 3, помимо огромного количества фрагментов (в том числе крупных) керамики, было найдено 23 предмета из глины, камня и металла. Основная масса находок была сосредоточена в зоне очага и приочажной ямы.

Наиболее интересными находками являются два ювелирных инструмента – чеканы, которые по размерам и форме совершенно тождественны современным, которыми работают ювелиры красносельской ювелирной артели. Здесь же найдены две половинки литейных форм для отливки деталей украшений, обломки небольших тиглей трехгранной формы. На одном из них сохранились натёки металла (находится на анализе). Найдены и сами изделия ювелиров – 2 украшения. Одно из них представляет собой шестилопастную застежку с булавкой (рис. 7)²². Сама вещь сделана из низкопробного серебра,

¹⁹ Далее зачеркнуто «близ западной стены» (*прим. ред.*).

²⁰ Далее исправлено слово «медное» на «серебряное» (*прим. ред.*).

²¹ Цифра «14» написана синей пастой (*прим. ред.*).

²² Цифра «7» написана синей пастой (*прим. ред.*).

булавка же, в виде тонкого проволочного язычка, из меди. Булавка на воздухе рассыпалась. Рельефный орнамент на вещи, имитирующий косоплетку, подправлен чеканом. Обратная сторона гладкая. Вещь эта, довольно грубая, по форме своей воспроизводит более ранние плетеные ажурные шестилопастные застёжки, известные по материалам, например, Кошибеевского могильника. Вторая вещь представляет собой шумящую подвеску (см. выше). Очень близкие ей найдены в Михайловском могильнике под Ярославлем. Обе эти вещи являются украшениями мерянского костюма.

Поселение в целом можно предварительно датировать временем между VIII–IX вв. н.э. (возможно началом X в.). Таким образом, оно существовало одновременно с могильником у с. Подольского, которое находится примерно в 6–7 км от с. Дурасово.

Значение исследованного (частично) памятника заключается в том, что по его материалам мы впервые конкретно знакомимся с мерянским поселением конца I тысячелетия н. э. До сих пор следы культуры костромской мери мы улавливали лишь в поздних погребениях уже значительно обрусевшей мери (преим[ущественно] XII–XIII вв. н. э.). Исследование Дурасовского городища только начато. Продолжение раскопок до полного изучения памятника (по возможности со снятия[ем] всей площадки), предположено на ближайшие два года.

Все полученные в результате раскопок материалы, после их обработки /промывки керамики, укрепления металла в парафине, составлении коллекционных описей/ поступили в Костромской Краеведческий музей. Часть из них включена в экспозицию Исторического отдела.

Начальник Мерянского отряда

ЕГорюнова²³

²³ Подпись сделана синей пастой, все буквы читаемы (*прим. ред.*).

ОТЧЕТ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1956 г. В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследованный в 1956 году памятник–Дурасово/Очипищевское/городище находится близ Дурасова Шолоховского с/с, Красносельского района Костромской области.

Раскопки были начаты в 1955 г. (см. отчет за 1955, Архив, ф 1, д. 1160). В процессе работ первого года были открыты остатки трех наземных жилищ с открытыми очагами-каменками и найден инвентарь ремесленников-ювелиров. В том же году было решено исследовать памятник полностью, что и было осуществлено, в следующем, 1956 г. Несмотря на трудные условия работы под непрекращающимся дождем, в 1956 г. удалось вскрыть полностью остатки неисследованной в предыдущем году части площадки городища, которая составляла 308 кв.м. Раскопочные работы велись силами школьников 9–10 классов Никольской школы Костромской области при непосредственном участии педагога-историка той же школы Б. В. Годовикова. В организации и финансировании раскопок принимал участие Костромской Краеведческий музей. Личное участие во всех работах экспедиции принимала директор музея – М. М. Орехова.

Ввиду исключительно мелкого залегания культурных остатков, работы велись почти без применения лопат. После снятия тонкого слоя дерна производилась горизонтальная зачистка площади мелкими инструментами не более как на 4-5 см. по вертикали. Это позволило заметить и зафиксировать иногда малоуловимые следы наземных построек в развешанном с поверхности культурном слое.

На исследованном таким образом, площади были открыты остатки ещё 7-ми небольших наземных построек жилого и хозяйственного назначения, относившихся к разным периодам жизни поселка. Остатки их залегали на глубине 15–20 см от современной поверхности. На участках В/3, В/4, Г/3 и Г/4 было обнаружено темное пятно

прямоугольных очертаний, вытянутое с ЮВ на СЗ. Его юго-восточная граница имела длину 3,65 м, северо-восточная – 5,35 м и юго-западная – 5,35 м. Северо-западная часть пятна перекрывается углом жилища 11 (более позднего). В восточной части пятна заметны следы перегнившего дерева – горизонтально расположенных узких тесин и нескольких столбов. Близ юго-восточной стенки и южного угла жилища – развал каменного очага в виде скопления разбросанных, сильно прокаленных /распадавшихся в дресву/ камней. В этой части пятна слой имел более темную окраску и содержал значительное количество золистых включений. Весь этот комплекс вместе с вещевыми находками, относится к жилищу (№ 1У). В пределах темного пятна (жилища) найдено 14 предметов. Все находки обозначены на плане цифрами, соответствующими описи. Помимо вещей в жилище найдено значительное количество керамики, преимущественно в мелких обломках.

Жилище V²⁴ занимает квадраты Г/5, Д/5, В/5 и часть квадратов В/5, В/6, Г/6, Д/6 и Е/6. Его площадь равняется приблизительно 20 кв.м (6,8×3 м). В его восточном углу располагался открытый каменный очаг, представлявший собою небольшое блюдцеобразное углубление, заполненное золой, мелким углем и камнями, покрытыми с нижней поверхности сажистым слоем. Второй очаг находился в северо-западной части жилища. Выход обращен на юго-восток. В жилище V было найдено 10 вещей, из них 7 – близ очага и задней стены дома. К задней, юго-восточной стене дома была сделана небольшая пристройка, отмеченная прямоугольным пятном сильно гумусированной земли с многочисленными остатками сильно перегнившего дерева. В западной части этого, по-видимому, легкого сооружения, в очень темном слое, найдена железная крица /гл. 0,25 м/. Кроме того здесь найден обломок литейной формочки, обломок глиняного грузила и обломок льячки.

Жилище VI было расположено перпендикулярно к жилищу V и вплотную примыкало к юго-западной стене последнего. Пристройка находилась у самого склона площадки, вследствие чего её юго-западная половина разрушена оползнем. Сохранившаяся часть

²⁴ Здесь и далее буквы русского алфавита и арабские цифры заменены на латинские цифры (*прим. ред.*).

представляет собой прямоугольное пятно 5,6×4,4 м, занимавшее кв. Д/4, Д/3, Д/2, Е/4, Е/3, Е/2, Ж/4, Ж/3, Ж/2. Выход располагался, по-видимому, по юго-западной стене. Есть основания предполагать, что постройка была разрушена ещё в период жизни поселка, так как край площадки с остатками жилого строения был искусственно укреплен подсыпкой (см. ниже), наслоившейся на черный культурный слой.

В северо-восточной части жилища наблюдалось скопление камней, расположенных отдельными гнездами, однако, без определенной закономерности. Некоторые камни несут следы длительного пребывания в огне (72 шт.), другие – нет (200 шт.). Только одно гнездо камней можно считать очагом. Камни здесь были расположены в небольшом углублении, заполненном очень черной землей с золой и углем. Очаг этот помещался в северном углу жилища. На полу жилища и на склоне, в направлении оползня, найдено большое число культурных остатков: 6 глиняных пряслиц (из них 3 целых), 6 точильных камней и 1 точильная плита, ложило для посуды (из гальки), 1 целый и 2 обломка глиняных льячков, заготовка для литейной формы (из опоки), обломок тигля, 3 бусины (одна черная стеклянная, граненая и глиняные), серебряный перстень, обломок железной обоймицы, глиняный обожженный комочек со следами вдавлений и, наконец, значительное количество фрагментов керамики. Все перечисленные вещи строго локализируются в границах темного пятна и составляли, по-видимому, комплекс данного жилища (VI). Пол жилища находился на уровне 20–22 см от современной дневной поверхности. После разрушения жилища VI был, по-видимому, построен рядом новый дом (V).

Жилище VII занимает кв. Г/7, Д/7, Е/7, Ж/7 и частично заходит за линию 6 и 8 участков. Темное прямоугольное пятно 6,4×3,4 м, вытянутое с ЮВ на СЗ, отчетливо обозначилось на уровне 15 см от современной поверхности. На этом же горизонте была найдена большая часть вещей. На границе участков Е/7 и Ж/7, в юго-восточной части жилища, находилось очажное пятно округлой формы, в диаметре 0,9 м. В разрезе очаг представлял небольшое (18 см) углубление, заполненное золистой землей и очень мелким углем. Камни в очаге отсутствовали. Судя по заполнению очажной ямы, здесь сжигался

мелкий хворост, возможно лапник. Очаг находился у выхода и служил, видимо, дымовиком. Второй, основной очаг жилища, был сильно разрушен. Он располагался в северо-западной половине дома. В юго-восточной половине жилища сохранились следы древесного тлена (участок Е/7) и ямки от двух симметрично расположенных столбов. Линия ямок от небольших стоек (8 см в диаметре) тянется параллельно юго-западной стене, вне её границ. На участках Г/7, Г/8 и Д/8, возле очага, найдены 2 обломка глиняных льячков, обломок металлической обоймицы и глиняного пряслица. В той же половине дома найдено 2 точильных камня. В центре жилища найден точильный брусок и обломок небольшого ножа. Наибольшее число вещей найдено в юго-восточной части жилища. Здесь найдены: кусок опоки (заготовка для литейной формочки), 2 комочка обожженной глины (детские игрушки), железное шило, 2 обломка льячков, 2 обломка и один целый железный нож, обломок орнаментированного пряслица и обломок точильного камня. Здесь же найдено 2 обломка керамики с процарапанными на них знаками (собственности?). Помимо вещей в жилище найдено большое количество обломков посуды, в том числе крупные фрагменты. С северо-восточной стороны к дому примыкал пустырь, на котором росли крупные деревья. Выход из дома вел во двор, обнесенный, по-видимому, легкой оградой. Здесь найдено 2 точильных бруска, половина глиняного пряслица и комочек обожженной глины. Ко двору, с юго-западной стороны примыкало хозяйственное сооружение (VIII), площадью 3,8×2,8 м, с ямой-погребом, глубиной 0,58 м, в которую спускались 3 земляные ступени. Вдоль задней, юго-западной стены обнаружена линия ямок от небольших столбов (12–15 см в диаметре), служивших, видимо, для крепления стены. 2 ямы от столбов расположены по одной в каждом из передних углов постройки. Яма, размером 2,4×1,2 м заполнена очень темной, гумусированной землей с большим количеством керамики; часть фрагментов ошлакована. На расстоянии 1 м от входа в неё, на дне имеется углубление, соответствующее форме низкого широкого горшка. На полу ямы найдена литейная формочка из опоки и кусок железной крицы. На полу кладовки найдено два льячка, точильный камень, обломок пряслица, железный нож, брусочек, обломок глазчатой бусины и др.

С юго-восточной стороны к описанной постройке примыкает темноокрашенное пятно (участок ИК/5-6) со следами перегнившего дерева и ямами от столбов. Здесь найден обломок ножа и бронзовая пронизка. Северо-западная часть перекрывается хозяйственной постройкой VIII. По-видимому, здесь сохранились следы более ранней постройки, на месте которой впоследствии было построено хозяйственное сооружение, относящееся к жилому дому VII.

К числу ранних построек можно, очевидно, отнести и небольшой жилой дом IX, расположенный у юго-восточного склона площадки. Как и постройка VI, дом был частично разрушен еще в период жизни поселка. Его юго-западная часть перекрыта искусственной подсыпкой речного гравия, которой, видимо, старались предотвратить дальнейшее оползание края площадки. Площадь постройки IX – $3 \times 2,8$ м. Длина дома была, несомненно, больше. Дом был разделен на две половины – меньшую, северо-восточную, площадью $2,8 \times 1,5$ м и большую, юго-западную. Между ними имелась, видимо, тонкая тесовая перегородка, остатки которой прослеживаются в виде тонкой прерывистой полосы древесного тлена. Перегородка заканчивалась вертикально врытым в земляной пол столбом. Выделенное перегородкой заднее помещение не отапливалось и, видимо, служило в основном хозяйственной пристройкой, которой могли пользоваться для жилья лишь в летнее время. В восточной половине помещения находилось большое черное пятно (50 см в диаметре), в разрезе оказавшееся неглубокой (20 см) ямой, заполненной сильно гумусированной землей. Рядом с большой ямой, к северу, оказалась ямка меньшего диаметра от столба (20 см). Такая же ямка от столба (12 см диаметром) находилась в северо-западной части помещения. Уровень пола определяется глубиной залегания большинства находок – 20 см от современной поверхности почвы.

В заднем помещении найдены: один целый точильный камень и один обломок, половинка глиняной бусины, обломок льячка и обломок глиняного тигля. В передней, теплой половине, на расстоянии 55 см от перегородки, помещался очаг, заполненный сильно обожженными, рассыпавшимися в дресву камнями, золой и мелкими кусками угля.

Восточный угол поселка (кв. В/9-10, Г/9-10) по-видимому, неоднократно перестраивался. Следы старых жилищ в виде аморфных пятен перекрывали друг друга. Плохая сохранность остатков объясняется здесь также сильной развеечностью слоя, не превышающего 15–18 см толщины. В этих условиях удалось лишь наметить слабые следы жилища (X), имевшего в длину 4 и в ширину – примерно 2,3 м. Эта постройка была, по-видимому, крайней. К югу и востоку от неё шурфами обнаружены следы стволов крупных деревьев. Культурный слой здесь отсутствовал.

Укрепления края площадки²⁵. Выше упоминалось, что в юго-западной части поселка, подвергавшейся, видимо, оползням, были обнаружены остатки сооружения, имевшего целью укрепления склона. При вскрытии крайних, расположенных на склоне участков (линия вторых и третьих участков) Е-Ж-3-И-К, непосредственно под дерном, особенно на участках 3-И, была обнаружена сплошная вымостка крупными камнями. Некоторые из них имели плитчатую форму и достигали размеров 80×60 см. Между ними были плотно заклинены более мелкие камни. Под слоем камней находился пласт речного гравия, подстилавшейся плотной обожженной глиной. В материк были вбиты сваи, следы которых в виде ямок, тянутся по линии склона на расстоянии 20 см одна от другой.

Находки²⁶. В отчете за 1955 год мы отметили, что поселок, видимо, был покинут жителями, вследствие чего количество вещей, оставленных, потерянных или выброшенных за негодностью, сравнительно невелико. За два года раскопок найдено всего 181 предмет. Состав находок представляет некоторый интерес.

Железные вещи представлены преимущественно обломками ножей и шильев, несколькими ювелирными инструментами и прочее. Интересной находкой 1956 г. является часть железной кольчуги, полная аналогия которой имеется среди коллекции из раскопок В. И. Каменского Чортова городища на Ветлуге. Из украшений найдены красные пастовые (аналогичные попадьинским), черные граненые, глазчатые и глиняные бусы, 3 гладких (типа обрубальных)

²⁵ Подчеркнуто автором (*прим. ред.*).

²⁶ Подчеркнуто автором (*прим. ред.*).

бронзовых перстня (аналогичные найдены на Чортовом городище), одна серебряная шумящая подвеска (1955 г). Украшения эти датируются VIII–IX вв. н. э.

В 1956 году найдено большое количество глиняных пряслиц, некоторые из них украшены орнаментом. Среди глиняных изделий заслуживает быть отмеченным большое количество льячков – целых и в обломках. Форма глиняных льячков совершенно тождественна найденным на Чортовом городище.

Глиняная посуда Дурасовского городища, несмотря на его позднюю дату, чрезвычайно близка посуде более раннего времени как костромских, так и ярославских памятников, в частности Попадьяинского селища. Она представлена обломками лепных сосудов трех основных форм: низких «кубовастых» горшков (печных), высоких сосудов с расширенным горлом и, наконец, небольших горшков с вогнутым вовнутрь венчиком. Основная посуда имеет шероховатую поверхность стенок, вследствие присутствия в глине грубых примесей (дресвы), меньший процент посуды имеет заглаженные, а иногда и залощенные стенки.

В свете данных полного исследования Дурасовское городище представляется нам, как маленький лесной поселок (мерянский) с особым хозяйственным укладом. Характерно, что из 181 находки не числится ни одного орудия, связанного с обработкой земли или уборки урожая. Вместе с тем, в такой небольшой коллекции вещей имеется 19 разнообразных по размерам и форме льячков, обломки от 7 тиглей, 4 сложные литейные формочки, ювелирные инструменты и многочисленные миниатюрные точильные камни из тонкозернистого песчаника и сланца, служащие, в основном, для заточки и правки ювелирных инструментов.

Материалы раскопок Дурасовского городища могут войти в фонд источников для изучения истории красносельского ювелирного ремесла. Все коллекции (вещей и керамики) были обработаны непосредственно после окончания полевых работ и поступили в зашифрованном виде в Костромской краеведческий Музей.

Егорюн [нрзб]²⁷

²⁷ Подпись сделана синими чернилами (*прим. ред.*).

ГЛОССАРИЙ²⁸

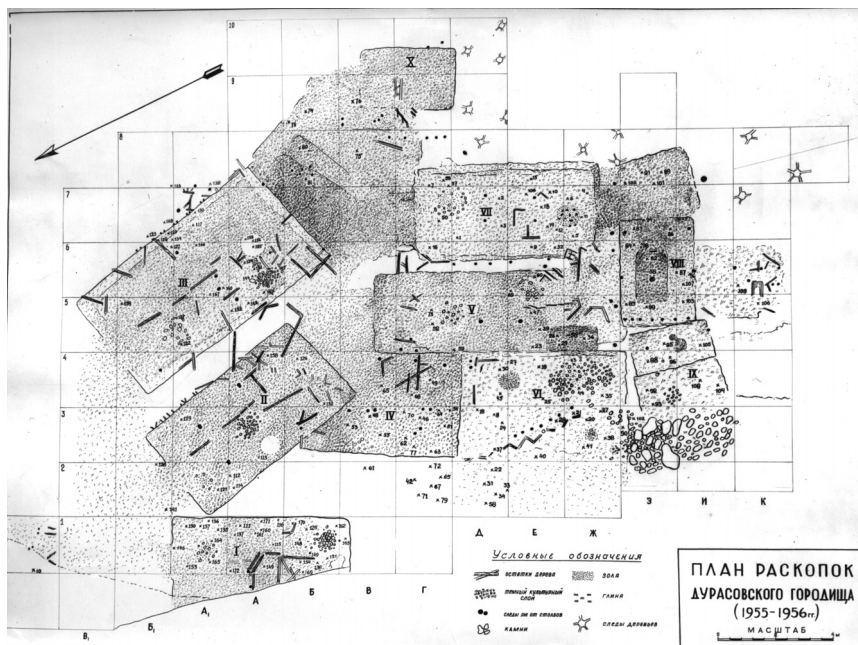
Крица – рыхлая, губчатая, пропитанная шлаком (кричным соком) железная масса, из которой посредством обработки получается кричное железо или сталь. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Пб. 1890 – 1907.

Льячка – ковшик для разливания расплавленного металла. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1937.

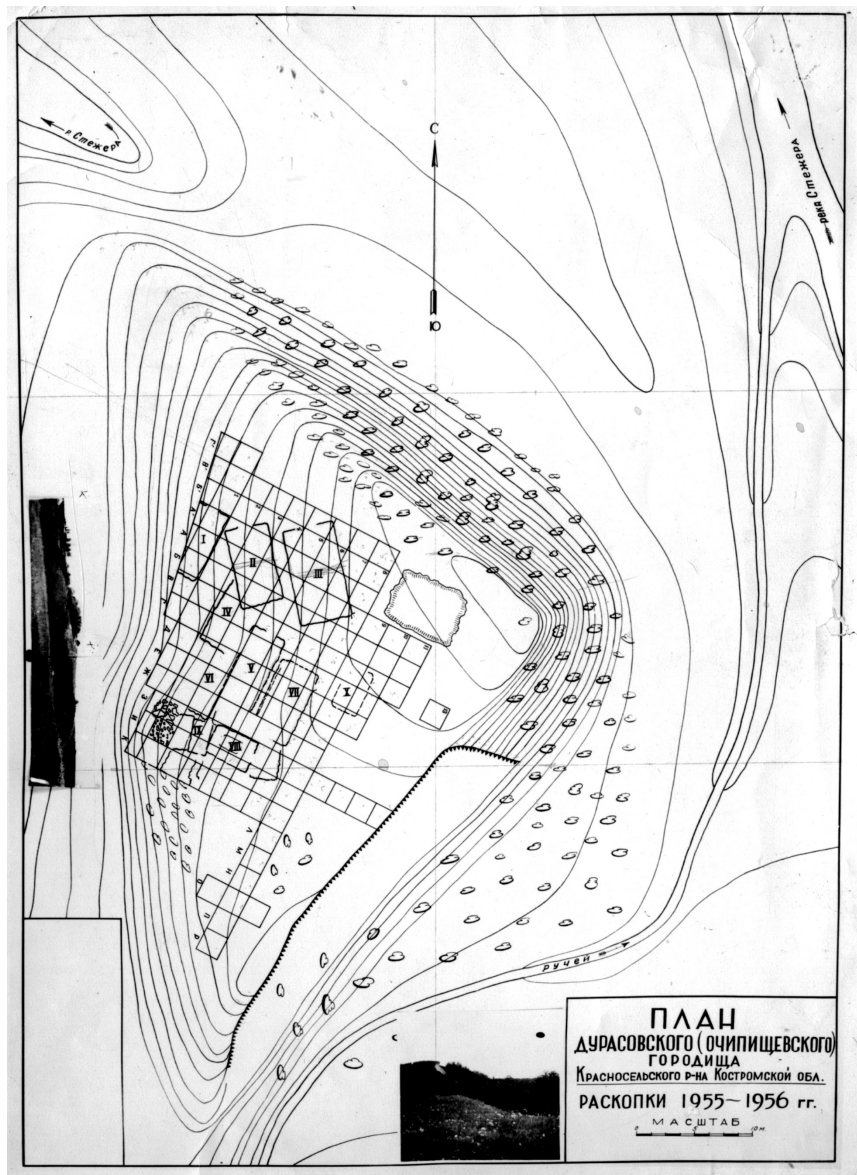
Пронизка – украшение в виде бусины, продырявленного камешка. Русский орфографический словарь. М., 1999.

Тигель – сосуд из огнеупорного материала для плавки, прокаливания и сплавления различных веществ (обычно металлов). Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008.

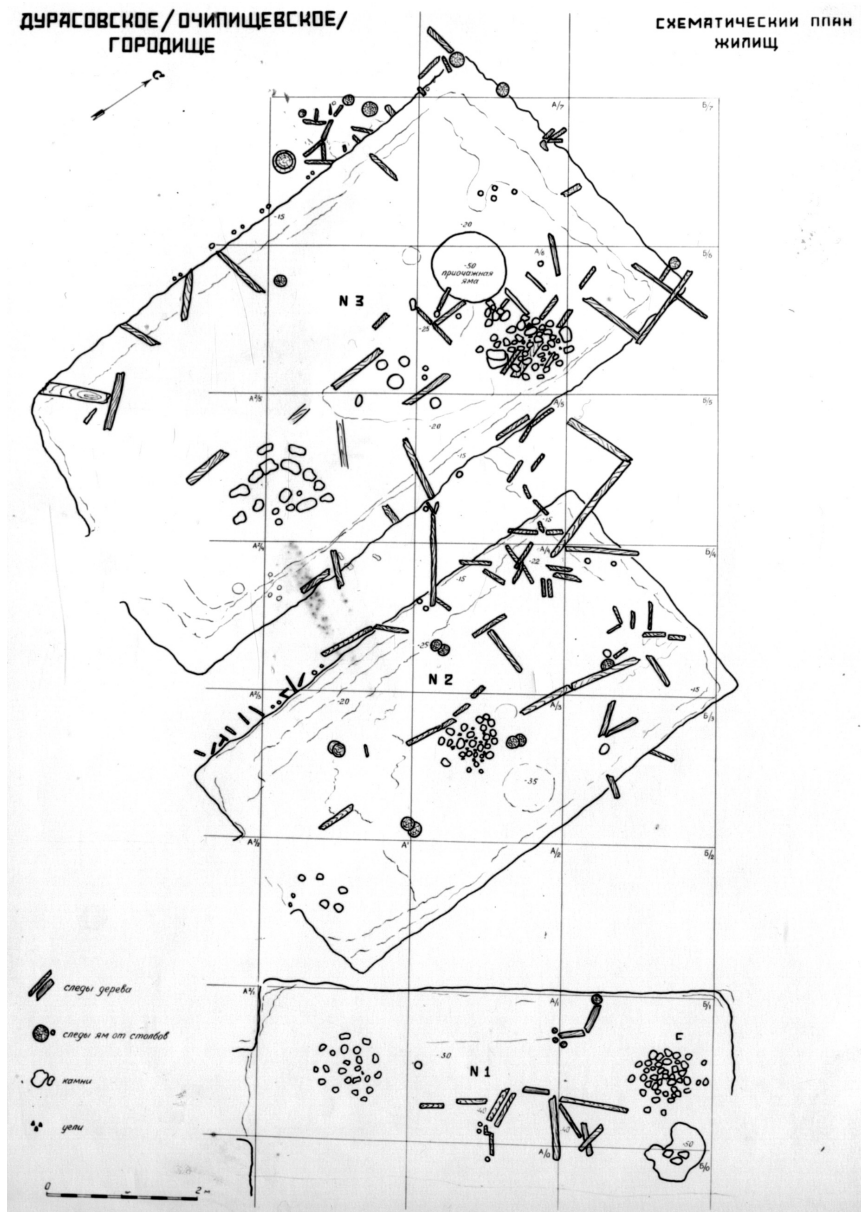
²⁸ Сост. ред.

План раскопок Дурасовского городища. 1956

КМЗ КОК 14445
 План Дурасовского городища. 1956

Схематичный план жилищ Дурасовского городища. 1655–1956

КМЗ КОК 13026
Приочажная яма жилища № 3. 1955

*КМЗ КОК 13038
Приочажная яма жилища. 1955–1956*

КМЗ КОК 13040

Вид на Дурасовское городище со стороны бугра где была расположена д. Очищицево (с восточной стороны). 1955–1956

КМЗ КОК 14176

Обед участников экспедиции. 1956

*КМЗ КОК 14176
Рабочие моменты раскопок. 1955–1956*

*КМЗ КОК 14176
Палаточный лагерь экспедиции. 1956*

*КМЗ КОК 14446
Вид на реку Стежеру. 1956*

*КМЗ КОК 14446-1
Снятие дерна на Дурасовском городище. 1956*

*КМЗ КОК 14446-3
Процесс раскопок. Крайняя справа – Е. И. Горюнова. 1956*

КМЗ КОК 14446-6
Обед участников экспедиции. 1956

*КМЗ КОК 14446-7
Снятие дерна на раскопе. 1956*

*КМЗ КОК 14446-10
Разбивка раскопа (к методике раскопок). 1956*

КМЗ КОК 45692

*Выезд сотрудников областного краеведческого музея на раскопки
Дурасовского городища. Красносельский р-он. 1956
Слева направо стоят: Румянцев К. К., Староградская А. Б.,
Владимирова А. П.*

Семёнова А. В.,
старший научный
сотрудник отдела хранения
Костромского музея-заповедника

ЗАГАДКА МОНАХИНИ АРКАДИИ

«Материалы для определения личности таинственной пучежской странницы Варвары Мироновны Назарьевой или инокини Аркадии», хранящиеся в фонде документов Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (КМЗ КОК-25109), представляют собой очерк, подготовленный к публикации еще в начале XX века. Авторство принадлежит Леониду Георгиевичу Гардеру, личность которого, неуказанная в тексте, установлена по косвенным данным – месту и времени его службы, а также по контексту прилагающейся к документу переписки автора.¹

Л. Г. Гардер родился в 1866 году, окончил в Санкт-Петербурге университет и Лесной институт, затем служил в главном управлении уделов (это ведомство осуществляло управление финансами, зданиями и имениями, выделенными из государственных средств и имуществ на содержание императорской фамилии); с 1896 года являлся управляющим 11-м Боярско-Ловыгинским удельным имением Нижегородского удельного округа.

В своей работе Л. Г. Гардер обращается к загадочной личности жительницы посада Пучеж, входившего до 1918 года в состав Костромской губернии – В. М. Назарьевой, известной под именем монахини Аркадии. Предположение о том, что она была знаменитой

¹ Рукописные приложения: копии указов Костромской духовной консистории от 2 июня 1796 года, 23 июля 1804 года и 19 августа 1827 года; описание портрета преподобного Серафима Саровского, принадлежавшего монахине Аркадии и приобретенного Л. Г. Гардером 17 марта 1903 года у пучежского мещанина П. П. Проскурякова. К очерку приложены письма Л. Г. Гардеру священника Николая Свирского от 22 декабря 1917 года, священника Капитона Дроздова – без даты, предположительно (по тексту вышеуказанных приложений) 1910 года, настоятеля Саровской пустыни игумена Иерофея от 6 апреля 1904 года, Л. И. Денисова (впоследствии епископа Арсения) от 17 марта 1905 года, настоятельницы Серафимо-Дивеевского монастыря игумении Марии от 30 апреля 1904 года.

княжной Таракановой – дочерью императрицы Елизаветы от тайного брака с графом А. Г. Разумовским – имело хождение в XIX столетии и нашло отражение в печати. К примеру, во второй части «Чтений Московского общества истории и древностей российских» за 1866 год напечатана статья М. И. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже», излагавшая эту версию на основании местных преданий. Однако известный знаток Поволжья П. И. Мельников (Андрей Печерский) в 1867 году в историческом очерке «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» категорически отверг такое предложение. В частности, он писал: «Во второй книжке “Чтений Общества Истории и Древностей” 1866 года напечатана статья г. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже». В ней сказано, что эта Варвара Мироновна была ни кто иная, как дочь императрицы Елизаветы. На месте действительно ходит такой слух в народе, но Варвара Мироновна ничего общего с княжной Таракановой не имеет».

Дискуссия о личности монахини Аркадии фактически не состоялась; до настоящего времени традиционно считается, что истинная княжна Тараканова, принявшая постриг с именем Досифеи, проживала в московском Ивановском женском монастыре, скончалась в 1810 году и была погребена в Новоспасской мужской обители – родовой усыпальнице Романовых.

Сейчас можно лишь предполагать, кем в действительности являлась монахиня Аркадия, какие тайны она унесла с собой в могилу. К сожалению, в 1952 году при создании Горьковского водохранилища исторический Пучеж (к тому времени уже входивший в состав Ивановской области как город) был затоплен. Место последнего упокоения монахини Аркадии сейчас скрыто волжскими водами. Очерк впервые был опубликован в журнале «Костромские епархиальные ведомости» № 5 за 2008 г. В данной публикации мы дополняем примечания и иллюстрируем текст фотографиями, выполненными В. Н. Кларком в 1908 году по заказу Костромского научного общества специально к рукописи Л. Г. Гардера, как уже опубликованными, так и не вошедшими в вышеуказанный журнал.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ТАИНСТВЕННОЙ ПУЧЕЖСКОЙ СТРАННИЦЫ ВАРВАРЫ МИРОНОВНЫ НАЗАРЬЕВОЙ ИЛИ ИНОКИНИ АРКАДИИ

В посаде Пучеж Юрьевецкого уезда Костромской губернии, где я прожил около 15 лет – с 1896 по 1910 год, занимая должность управляющего удельным имением – в первые же годы пребывания здесь меня заинтересовала таинственная личность Варвары Мироновой, о которой пучежане рассказывали много интересного и могила которой находилась в ограде Воскресенской Пушавинской церкви.²

Церковь эта красивой старинной архитектуры, расположена на берегу реки Волги и окружена каменной оградой с двумя башнями по берегу Волги и двумя каменными палатками по улице посада, была до 1764 года мужским монастырем, упраздненным, как и многие другие, в начале царствования императрицы Екатерины II-й.

*Виды Воскресенской церкви, что на Пушавке
Фотографии В. Н. Кларка. 1908 г. Пучеж*

² Воскресенская церковь посада Пучежа имела два каменных храма: летний в честь Воскресения Христова, построенный в 1717 году (когда на этом месте находился Пушавинский мужской монастырь), и зимний в честь Рождества Пресвятой Богородицы (точное время постройки неизвестно, был перестроен в 1799 году).

На указанной могиле, расположенной у наружной стены правого придела летнего храма этой церкви, под невысоким на 4-х кирпичных столбах железным навесом стоит каменная гробница со следующими надписями.

С лицевой стороны: «Под сим камнем покоится прах рабы Божьей инокини Аркадии³, скончавшейся 1839-го года Генваря 22 дня». С другой, обращенной к стене храма стороны: «Инокиня Аркадия проживала в посаде Пучеж при Пушавинской церкви 50 лет, скрыв настоящее свое звание и род, а называлась Варварою Мироновой Назарьевой, житияж ея сколько было остается неизвестно».⁴

Такая таинственная надпись и то уважение, с которым связана была у пучежан память о Варваре Мироновой, побудили меня заняться собиранием материалов для определения этой загадочной личности.

Прежде всего я обратился к архиву Воскресенской церкви.

Местный священник Николай Александрович Свирский дал мне следующую справку.

В метрических книгах, находящихся при Воскресенской церкви посада Пучежа за 1839 год, месяца генваря 22-го числа под №1 женска рода записано: «Двадцать второго числа умерла, погребена двадцать четвертого проживающая посада Пучежа при Воскресенской церкви вдова странница Варвара Миронова 85 лет. Померла от сухотки. Исповедывал и приобщал Воскресенской церкви священник Иоанн Андреев Нащинский. Погребение совершал он же, Нащинский, с диаконом Павлом Егоровым Костеневским, дьячком Григорием Стефановым Предтеченским и пономарем Петром Ивановым Красовским на приходском кладбище».

На основании данных надгробной надписи и указанной метрики видно, что Варвара Миронова родилась в 1754 году, а поселилась в Пучеже в 1789 году в возрасте 35 лет.

Из того же архива Воскресенской церкви я извлек следующие сведения о Варваре Мироновой Назарьевой.

³ Следует помнить, что термины «инокиня» и «монахиня» в описываемое время принципиально не различались; то, что героиня очерка была именно монахиней, а не инокиней в современном понимании этого слова, подтверждается записью в церковном синодике (см. текст очерка далее).

⁴ Надписи приводятся с сохранением точной их орфографии. – Прим. авт.

*Гробница инокини Аркаши в ограде Воскресенской церкви на Пушавке
Фотография В. Н. Кларка. 1908 г. Пучеж*

Здесь имеются три указа Костромской консистории 1796, 1804 и 1827 года, в которых упоминается об этой таинственной личности.

Из первого указа видно, что Варваре Мироновой на основании письма С[анкт]-Петербургского митрополита Гавриила⁵ разрешено было Костромским епископом Павлом⁶ построить дом в ограде Воскресенской церкви, в котором она и жила. Рассматриваемым указом разрешалось Варваре Мироновой, согласно ее просьбе, выстроить там же при церкви другой, богадельный дом или, говоря словами указа, «кельи» для приема на жительство женщин, которых Варвара Миронова хотела бы призывать. По-видимому, у Варвары Мироновой была мысль учредить при Воскресенской церкви женскую монастырскую общину, что подтверждается из текста следующего указа, в котором упоминается о каменных кельях. В указе 1804 года Костромским епископом Евгением⁷ разрешается строить вокруг Воскресенской церкви каменную ограду вместо пришедшей в ветхость деревянной с двумя кельями по западной стороне и, между прочим, предписывается священно-церковно-служителям обстоятельно донести, какие, с какого времени и для чего здесь в ограде живут женщины, кем и когда построены для них кельи. Каменная ограда вокруг церкви с упомянутыми кельями с западной стороны и двумя башнями с восточной на берегу Волги была построена и существует до сих пор, только кельи лет 25 тому назад переделаны были в кладовые. Ограда эта являлась капитальным сооружением, и вряд ли оно выполнено было исключительно на средства бедного прихода. По-видимому, дело здесь не обошлось без Варвары Мироновой, которая сумела найти для этого сооружения средства. Предположение, что у Варвары Мироновой была мысль об открытии при Воскресенской церкви женской обители, основывается еще на том, что за 5 лет до ходатайства о постройке каменной ограды с кельями

⁵ Гавриил (Петров; 1730-1801) – архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский (1770-1775), архиепископ (с 1783 года митрополит) Новгородский и Санкт-Петербургский (1775-1799); в 1800 году, являясь митрополитом Новгородским и Олонецким, уволен на покой.

⁶ Павел (Зернов; 1742-1815) – епископ Костромской и Галичский (1778-1800), скончался в сане архиепископа Казанского и Симбирского.

⁷ Евгений (Романов) – епископ Костромской и Галичский (1800-1811), скончался в 1811 году.

в ограде Воскресенской церкви найдено было нетленное тело одного из монахов бывшего здесь монастыря, у которого совершались чудеса. Возможно поэтому, что мысль об основании обители связывалась у Варвары Мироновой с предположением о прославлении открытых мощей.

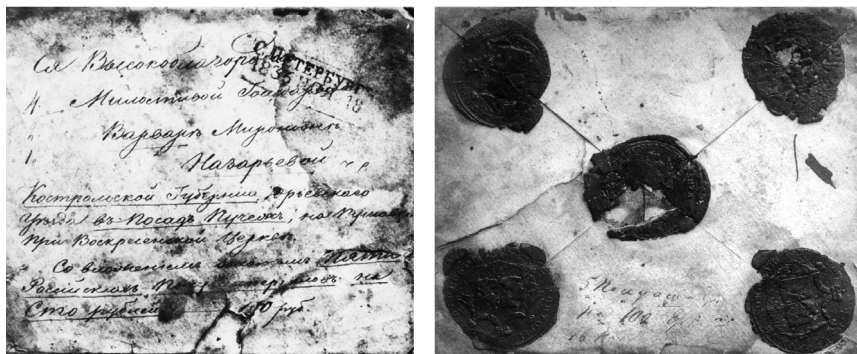
В последнем указе 1827 года епископом Костромским и Галичским Самуилом⁸ разрешалось дом, в котором жила Варвара Миронова с двумя девицами, в случае кончины ее предоставить в собственность этих девиц с позволением им, в случае ухода их в монастырь, дом этот продать и деньги обратить в свою пользу. Такое разрешение, как поясняется в указе, дается потому, что дом этот или келья строена иждивением его сиятельства князя Грузинского⁹ специально для Варвары Мироновой. Мало того, в том же указе разрешается Варваре Мироновой принять в свой дом, если пожелает, кого-либо из лиц женского пола для надзора за названными девицами.

Из всего сказанного в указах о Варваре Мироновой видно, что личность эта была, по-видимому, не из заурядных, и что какие-либо исключительные условия ее происхождения или положения в обществе могли привести к тому, что ей разрешено было не только самой жить в собственном доме в ограде приходской церкви, но и выстроить здесь другой дом для общежития женщин и девиц.

В 1902 году мне удалось найти в Пучеже конверт от денежного письма из Петербурга на имя Варвары Мироновой Назарьевой. На лицевой стороне конверта имеется следующая надпись: «Ея Высокоблагородию Милостивой Государыне Варваре Мироновой Назарьевой, Костромской губернии, Юрьевского уезда, в посаде Пучеж на Пушавке при Воскресенской церкви. Со вложением золотом пяти Российских Полуимпералов на сто рублей 100 рублей». Направо сверху находится почтовый штемпель: «С[анкт]-Петербург 1836 ноя[бря] 18».

⁸ Самуил (Запольский-Платонов; 1772-1831) – епископ Костромской и Галичский (1817-1830), в 1830 году по болезни был уволен на покой в Николо-Бабаевский мужской монастырь.

⁹ Князь Георгий Александрович Грузинский (1762-1852) был предводителем дворянства Нижегородской губернии в 1795-1798 и 1807-1829 годах. Л. Г. Гардер (в опущенном в данной публикации фрагменте очерка) предполагал, что ходатайство В. М. Назарьевой за князя (см. далее в тексте), если таковое имело место, относилось к концу XVIII – началу XIX веков.

Лицевая и обратная стороны конверта. Фотография. Нач. XX в.

На другой стороне конверта имеется 5 печатей. Средняя – С[анкт]-Петербургского почтамта и 4 остальные по углам с гербом. От времени печати сильно разрушились, но тем не менее на них можно разобрать следующие атрибуты герба. Горностаевая, подобранная на двух верхних углах мантия, увенчанная окаймленной сверху точками короной. На мантии два щита. На правом щите изображены два креста, звезда, сердце с крестами и птица, на левом – ключ и копие.

По окружности герба имеется надпись: «С[анкт]-Петербургской домовой конторы».

Герб этот есть соединенный герб князя Виктора Павловича Кочубея и жены его Марии Васильевны Васильчиковой.¹⁰

В 1903 году, когда открыты были мощи преподобного Серафима Саровского, мною приобретен был в Пучеже принадлежавший Варваре Мироновой большой поясной портрет Серафима, написанный по преданию по заказу ее с натуры во время поездок в Саровскую пустынь. Варвара Миронова была современница Серафима Саровского.

В 1902, 1903 и 1904 годах мне удалось собрать в посаде Пучеже следующие сведения о таинственной страннице Варваре Мироновой

¹⁰ Кочубей, Виктор Павлович (1768-1834) – российский дипломат и государственный деятель; Кочубей (урожденная Васильчикова), Мария Васильевна (1779-1844) – его супруга.

от местных пучежских старожилов, или лично знавших ее, или слышавших рассказы о ней от современников и близких к ней людей.

Пучежский мещанин Федор Дмитриев Раков, более 80 лет от роду, помнит Варвару Миронову еще живой. Он слышал от родителей своих, что Варвару Миронову часто навещал в Пучеже князь Грузинский из села Лыскова, Нижегородской губернии, где было его имение. Он очень любил Варвару Миронову. Особенно дорогой она ему стала после того как, благодаря заступничеству ее перед государем, князь избавился от ссылки в Сибирь, которая угрожала ему за укрывательство в своей усадьбе каких-то преступников. По просьбе князя, Варвара Миронова ездила будто бы в Петербург, получила здесь доступ ко двору и была представлена государыне, которую просила о помиловании князя. Государыня приняла ее, по словам Ракова, очень ласково, но сказала, что она не в силах исполнить ее просьбу и что о князе надо просить самого государя. Затем государыня представила Варвару Миронову государю, и они вместе на коленях умоляли государя помиловать князя, после чего государь действительно помиловал князя Грузинского, приговоренного уже к ссылке.

Князь Грузинский Георгий Александрович был очень религиозный человек. Посещая Пучеж, он много жертвовал на церкви Воскресенскую Пушавинскую и Нагорную Преображенскую. Тот же князь хоронил Варвару Миронову после кончины ее. Раков видел эти похороны и поражен был пышностью их, которая происходила от массы духовенства.

Кто была Варвара Миронова, по словам Ракова, никто не знал, но все были убеждены, что она если не царского, то, во всяком случае, очень высокого происхождения.

При общении к ней чинов местной полиции она показывала им какую-то золотую грамоту, которая производила магическое действие. Чины преклонялись и прекращали всякие расспросы.

Приехал как-то в Пучеж один из новых костромских архиереев и сначала остался очень недоволен, что в ограде приходской церкви живут какие-то женщины. Однако, побывав в келье у Варвары Мироновой, архиерей совершенно успокоился и, выходя оттуда, низко кланялся и усердно благословлял таинственную обительницу ее.

Раков помнит Варвару Миронову уже старушкой. О поездке ее в Петербург рассказывал ему дедушка его. Она ездила ко двору, по-видимому, в молодости, в первое время пребывания своего в Пучеже. Старица, по словам Ракова, вела благочестивую жизнь: усердно молилась Богу, помогала бедным, со всеми была ласкова и никогда не пропускала церковных служб. Недовольна она бывала лишь на мальчишек, в числе которых был и Раков, за их неумеренный перезвон в колокола на Святой неделе. Келья старушки находилась вблизи колокольни, почему усиленный звон должен был действительно надоедать ей.

Крестьянин деревни Родинки Горбунихинской волости Юрьевоцкого уезда Семен Александров Большаков рассказал следующее. Он помнит Варвару Миронову старушкой. Кто она была, неизвестно, но говорят, что из царского рода. Говорят в то же время, что она была фрейлиной императрицы Екатерины II-й и участвовала с ней в поездке по Волге (в 1767 году).¹¹ Во время этой поездки ей приглянулся посад Пучеж. Поэтому впоследствии, когда ей надо было уйти в ссылку, она просила, чтобы ей позволили поселиться в названном посаде. Старица Варвара ходила, как помнит Большаков, всегда в белом платье. Последнее время, вследствие старости и слабости сил, она не могла ходить в церковь, и ее водили туда под руки.

Навещал Варвару Миронову часто князь Грузинский из села Лыскова, въезжая обыкновенно прямо с набережной Волги в особые, специально для этого устроенные в южной стене церковной ограды ворота.

Слепая 85-летняя старушка из пучежской городской богадельни Ирина Семеновна Калашникова рассказала следующее. Будучи еще молодой девушкой, она вместе с подругами навещала Варвару Миронову в келье в ограде Воскресенской церкви.*

Варвара Миронова всегда любезно принимала девушек и поила их чаем. На расспросы о ней она говорила, что происхождения она высокого, жила раньше при дворе императрицы Екатерины Алексеевны, но ей почему-то надо было уйти, и она ушла тайным образом. Долго ее искали, но безуспешно. Много после того ей пришлось

¹¹ Путешествие императрицы Екатерины II по Волге состоялось со 2 мая по 16 июня 1767 года.

постранствовать; во многих монастырях она побывала; была и в святом Иерусалиме, но лучше Пучежа места не нашла, почему здесь и поселилась. «Так, видно, Богу угодно было», – прибавляла она. Настоящее имя свое она скрывала и говорила, что прозвали ее Варварой Мироновой Назарьевой. Не говорила Варвара Миронова и про то, что она инокиня Аркадия. Об этом узнали лишь после ее смерти.

Показывала Варвара Миронова иногда посещавшим ее девушкам свой паспорт, но они как неграмотные ничего не могли разобрать в нем. Помнит Калашникова только, что он написан был золотыми буквами. Ходят слухи, что настоящее имя Варвары Мироновой было Феодора. Варвара Миронова, по словам старушки, ездила однажды из Пучежа в Петербург ко двору. И вот по какому делу. При копании рва (в 1799 году) во время расширения зимнего храма заречной Воскресенской церкви (бывшей раньше, как сказано выше, мужским монастырем) нашли гроб с нетленным телом, которое принадлежало, по преданию, известному своей благочестивой жизнью, давно умершему иеромонаху Иакову. Пока гроб стоял открытым, к нему стекалось много народа, и многие по молитвам угодника Божия получили исцеление от болезней (список исцеленных лиц находился в 1910 году в архиве Воскресенской церкви). Несмотря на это, распоряжением епархиальной власти найденное тело было снова предано земле. Тогда пучежане изготовили прошение государю императору о прославлении обретенных мощей и о причислении иеромонаха Иакова к лику святых.

Прошение это взялась подать государю Варвара Миронова, для чего и поехала в Петербург. Здесь она принята была государыней Марией Феодоровной. Государыня встретила ее ласково, сказав: «Как я рада тебя видеть, долго мы тебя тщетно искали, ты наша страдальица, наша молитвенница».

В избытке чувств государыня преклонялась будто бы перед Варварой Мироновой и целовала ее. Она познакомила ее со своими детьми, на славу угостила ее и щедро одарила подарками.

Видеть государя Варваре Мироновой не удалось, потому что его не было в то время в столице – он лечился за границей. Вернувшись в Пучеж, Варвара Миронова показывала посещавшим ее келью девушкам царские подарки.

Просьба пучежан о прославлении мощей осталась неисполненной. По распоряжению епархиальной власти, как сказано выше, найденное нетленным тело было снова предано земле.

О поездке Варвары Мироновой ко двору по делу князя Грузинского Калашникова ничего не знала. Однако, по словам ее, князь Георгий Александрович Грузинский был очень расположен к Варваре Мироновой и часто навещал ее в Пучеже. Он выстроил ей новую келью и постоянно оказывал денежную и материальную помощь. До постройки нового дома Варвара Миронова жила в той же церковной ограде, в какой-то маленькой лачуге, вроде бани. Когда новая келья была построена, – продолжала рассказ Калашникова, – осматривать ее приезжал какой-то генерал из Петербурга. «Начальство мое приехало», – говорила Варвара Миронова пучежанам про приезжего генерала.

Экономкой у Варвары Мироновой была некая Парасковья Артамонова Бушуева, не пучежанка. Она пережила свою госпожу на 14 с лишком лет и погребена в ногах ее. Хоронил Варвару Миронову князь Грузинский. Похороны были пышные.

На вопрос мой, не осталось ли после Варвары Мироновой каких-либо вещей, Калашникова сказала, что не знает, но думает, что что-нибудь имеется у духовенства Воскресенской церкви. После смерти Варвары Мироновой Парасковья Артамонова продолжала жить в келье своей госпожи и передавала будто бы некоторые вещи духовенству названной церкви. Был у странницы Варвары в келье чудотворный образ Спасителя, но его, как вспоминает Калашникова, кому-то продали по смерти ее и деньги положили в церковь. Желая [р]оверить принадлежность Варваре Мироновой указанного выше портрета преподобного Серафима Саровского, я спросил Калашникову, не помнит ли она, был ли в келье у Варвары Мироновой большой портрет Серафима Саровского. Калашникова отвечала, что она припоминает портрет батюшки. Батюшка изображен был на нем в зеленой эпитрахили. Действительно, эпитрахиль на моем портрете зеленого цвета.

По словам Калашниковой, матушка Варвара была очень религиозна, посещала постоянно богослужения и вела строгую святую жизнь, за что пользовалась всеобщим уважением. По внешности

своей она отличалась стройностью и красотой. Калашникова думает, что она была дочь императрицы Екатерины Алексеевны.

Варвара Миронова обладала духом прозрения будущего. «Она предсказала мне, – продолжала Калашникова, – что я последние 20 лет жизни проведу в слепоте. И вот, сударь ты мой, слепая уже 19-й год. Видно, скоро умру». Калашникова после этого действительно скоро умерла (12 декабря 1905 года).

Покойному ныне земскому начальнику 2-го участка Юрьевецкого уезда, местному помещику Николаю Тимофеевичу Власову, передавал покойный же пучежский купец Иван Денисович Носов, что в Пучеже под именем Варвары Мироновой проживала царская дочь, но об этом запрещено было говорить. После смерти Мироновой, говорил Носов, приезжали из Петербурга какие-то чиновники, опечатали принадлежавшие ей вещи и увезли с собой в Петербург. Те же чиновники производили в Пучеже формальное дознание с опросом местных жителей, какие толки ходили в Пучеже о личности покойной и не известно ли было кому, кто на самом деле скрывался под именем Варвары Мироновой.

Так как цель этого дознания была ясна – узнать, не подозревает ли кто царственного происхождения покойной, то все, опасаясь ответственности, в один голос говорили, что совершенно не знают, кто была Варвара Миронова.

Крестьяне ближайших к Пучежу деревень Окулихи и Мальчинской передавали мне, что старики их говорили, будто бы Варвара Миронова, когда была еще в силах, любила ходить летом в поле, смотреть на полевые работы. Иногда она брала у баб серп и жала, говоря при этом, что хоть она и княгиня, но жать умеет. По словам одной старушки из прилегающей к Пучежу деревни Желобенки, покойная Парасковья Артамонова, которую она часто навещала, говорила, что настоящее имя матушки Варвары Мироновой было Анна.

Жившая в 1903 году в Пучеже старушка Клеопатра Евграфовна, 82 лет от роду, рассказала мне следующее.

Будучи еще девочкой, она хаживала в келью к Варваре Мироновой, которая была тогда древней старушкой, не владевшей уже ногами, так что в расположенную рядом с кельей церковь ее носили в кресле. Одевалась она во все белое. Старушка была красивая,

среднего роста с овальным лицом, покрытым на щеках крапинками, и очень, очень добрая.

Она никогда не отпускала от себя приходивших к ней девочек без гостинцев. Кто она была, неизвестно. Клеопатра Евграфовна слышала только от своих родителей, что Варвара Миронова была высокого происхождения и имела доступ ко двору.

Дедушка Клеопатры Евграфовны, служивший сначала по винным откупам, а под старость ведший уединенную, благочестивую жизнь, жил последние годы в северной башне ограды Воскресенской церкви. Он хорошо знал Варвару Миронову. Хаживала Варвара Миронова и к родителям Клеопатры Евграфовны. Еще хорошо знаком был с матушкой Варварой покойный диакон Воскресенской церкви Костеневский.

Вообще же таинственная странница вела очень уединенную жизнь и мало с кем была знакома. Из посторонних приезжал к ней довольно часто князь Грузинский из села Лыскова со своей женой. Приезжал он на похороны Варвары Мироновой. Сама она [Клеопатра Евграфовна] на похоронах по случаю болезни не была.

У странницы Варвары Мироновой было несколько горничных. После смерти ее они остались жить в ее келье. Одна из них, Парасковья Артамонова, прожила после своей госпожи довольно долго и погребена в ногах ее.

Пучежский мещанин Иван Иванов Парфенов, 85 лет, рассказал мне следующее. Он помнит странницу Варвару Миронову. Она была высокого происхождения. Была женой принца или короля. Его дедушка говорил ему, что именем Варвары она назвалась потому, что начала свою странническую жизнь в день великомученицы Варвары. Придя в Пучеж, Варвара Миронова поселилась сначала в бывшей над святыми воротами ограды Воскресенской церкви деревянной келье, а потом уже перешла в нарочно для нее выстроенный в ограде дом.

Варвару Миронову навещали, по словам Парфенова, высокопоставленные лица из столицы, но чаще всех приезжал Егор – князь лысковский. К Варваре Мироновой за ее благочестивую жизнь все относились с большим уважением. Внимание к ней было такое, что на Святой неделе сплошной звон в Воскресенской церкви

прекращали в те часы, когда она спала, чтобы звоном этим не беспокоить ее. Паспорт у странницы Варвары написан был золотыми буквами. Чины полиции, разговаривая с ней, низко преклонялись. Станница, припоминает Парфенов, любила тараканов. В келье ее было много тараканов. Она нарочно прикармливала их. Смешает, бывало, муку с отрубями и рассыплет по полу. Тараканов набегит тьма-тьмушая, и подымут они сильный шум.

Жена пучежского городского головы, мещанина Михаила Егоровича Кривоносова, Дария Аверкиева, рассказала мне следующее. Дедушка ее Александр Гаврилович Груздев, родом из села Катунск, был крепостным человеком князя Е. [т.е. Егора, Георгия – Прим. автора публ.] А. Грузинского и служил бурмистром в катунской вотчине князя. По поручению князя, жившего обыкновенно в лысковском имении, Груздев следил за проживающей в Пучеже, в ограде Воскресенской церкви, старицей Варварой Мироновой Назарьевой. Он снабжал Назарьеву провизией и деньгами, доставлял в год по 10 фунтов чаю и по 2 пуда сахару. Кроме личных поездок к Варваре Мироновой, Груздев получал о ней сведения от приезжавшего к нему в Катунки кучера старицы, крестьянина деревни Окулихи Осипа. Зимой 1839 года Варвара Миронова серьезно занемогла. Беседа с Груздевым в его последнюю поездку в Пучеж, она сказала ему: «Долго я не проживу, скоро умру, о смерти моей узнаешь ты от Осипа. Он приедет в Катунки».

Действительно, 22 января днем приехал в Катунки Осип. Увидев его, Груздев понял, что матушка Варвара, как все ее звали, скончалась, и не ошибся. Осип привез ему эту самую весть.

Александр Гаврилович сейчас же поехал в Пучеж. Войдя в келью Мироновой, он увидел ее уже обмытой и одетой на столе. Скоро пришел причт служить панихиду. Пока священнослужители одевались, экономка покойной Парасковья Артамоновна вынесла из спальни обвязанный ленточкой сверток бумаги и, передавая его Груздеву, сказала: «Это матушка Варвара велела передать тебе, Александр Гаврилович». Груздев развернул бумагу и изумился, а вместе с ним изумились и все окружающие его лица. Сверток оказался напечатанной золотыми буквами грамотой, которая гласила, что покойная была не Варвара Миронова Назарьева, а инокиня

Аркадия. Тогда духовенство стало служить панихиду об инокине Аркадии, впервые назвав покойную этим именем. Куда делась эта грамота – неизвестно. После погребения инокини Аркадии Груздев отправился в Лысково и увез с собой стоявший в келье покойной очень чтимый в Пучеже чудотворный образ Нерукотворного Спаса. Сначала священник не хотел отдавать образ Груздеву, желая оставить его в Воскресенской церкви, но когда Груздев дал ему 25 рублей, то образ был отдан Груздеву (совпадает с рассказом Калашниковой о том, что образ был продан). Когда князь узнал, что приехавший Груздев привез ему образ Спасителя из кельи покойной Варвары Мироновой, то чрезвычайно обрадовался, позвал Груздева к себе в кабинет, велел принести туда ящик с образом и здесь лично вскрыл его. Увидев образ, князь прослезился от радости. «Этот образ для меня очень дорог, – сказал князь, – с ним связано у меня много воспоминаний...»

В настоящее время образ этот находится, как передавал мне пучежский городской голова Кривоносов, в соборном храме села Лыскова¹², под которым в фамильном склепе погребен и сам князь Е. А. Грузинский, скончавшийся 15 мая 1852 года, 90 лет от роду.

Показания пучежских старожилов интересны тем, что, несмотря на большой промежуток времени, отделявший рассказчиков от таинственной странницы инокини Аркадии (63-65 лет), несмотря на то, что рассказчики были из разных мест и спрашивались мною в разное время, все они за небольшими вариантами говорили почти одно и то же про Варвару Миронову, а именно, что она была царская дочь, необыкновенно добра, весьма религиозна, вела строгую благочестивую жизнь и пользовалась всеобщей любовью и уважением и особенно расположением к себе князя Грузинского. Про Варвару Миронову все в Пучеже знают. Память о ней обвеяна каким-то благоговением. 4-го декабря в день великомученицы Варвары и 22 января – день смерти таинственной странницы – пучежские благочестивые жители постоянно служат панихиды на могиле Варвары Мироновой.

На прозорливость инокини Аркадии указала мне в своем рассказе слепая старушка Калашникова, но и другие жители посада, говоря о Варваре Мироновой, всегда старались подчеркнуть ее способность

¹² Спасо-Преображенский собор села Лысково (ныне – город в Нижегородской области), построенный в 1711 году.

прозрения будущего и в то же время ее заботы о Пучеже не только при жизни, но и по смерти.

У жителей заречной части посада, где находится Воскресенская церковь, сложилось предание, будто бы Варвара Миронова предсказала безопасность от огня этой части посада, пока могила ее будет находиться при Воскресенской церкви. Заречные жители твердо верят, что пожаров у них не будет; и действительно, в то время, когда соборная часть Пучежа несколько раз выгорала почти сплошь (за мое пребывание однажды сгорело сразу 1 ½ квартала и более десятка жилых домов), в заречной части не было ни одного крупного пожара.

Рассказывая о Варваре Мироновой, мне говорили, что у нее было много книг, мне говорили, что у нее было много книг, которые после смерти ее разошлись по рукам посадских людей.

В последние годы жизни в посаде, когда я заведовал местной библиотекой, мне удалось собрать у жителей посада несколько старинных книг, принадлежавших, как говорили, Варваре Мироновой, и поместить их в названную библиотеку. Книги эти были преимущественно духовного содержания.

Несколько икон из кельи Варвары Мироновой находятся в Воскресенской церкви, которая вообще изобилует стариной, интересной для изучения археолога.

В ограде Воскресенской церкви мне показывали место, где стояла келья Варвары Мироновой. Келья эта в скором времени после смерти ее куплена была владельцем Пучежской льнопрядильной фабрики У. Сенькова¹³ и переделана в одно из фабричных зданий. Только незадолго до моего приезда в Пучеж здание это за ветхостью было разобрано. В настоящее время никаких признаков дома на этом месте нет, только на лужайке между храмами у восточной стены ограды стоит роскошная старая береза, под сенью которой, по словам старожил[ов], расположена была келья таинственной странницы.

В 1910 году перед отъездом из Пучежа мне пришлось видеть синодик пучежской соборной Преображенской церкви¹⁴. В синодике

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Преображенский собор посада Пучежа имел два каменных храма: летний в честь Преображения Господня, построенный в 1779 году, и зимний во имя святителя и чудотворца Николая, построенный в 1776 году.

этом записан, между прочим, следующий род графини Анны Егоровны Толстой, дочери князя Георгия Александровича Грузинского: монахиня Аркадия, князь Георгий, княгиня Варвара, князь Иоанн, граф Петр и графиня Мария.

Некоторые сведения о Варваре Мироновой и князе Грузинском мне удалось добыть в местной пучежской библиотеке и у председателя Нижегородской ученой комиссии А. Я. Садовского¹⁵ в гор[оде] Нижнем Новгороде. Граф М.Д. Бутурлин¹⁶, вотчина которого находится в Порздневской волости Юрьевецкого уезда в 40 верстах от Пучежа, пишет: «Александр Алексеевич Миронов передавал мне, что местная полиция обязана была в то время ежегодно извещать Министерство внутренних дел об одной престарелой таинственной женщине, проживавшей в посаде Пучеже Юрьевецковольского уезда и получавшей ежегодные пособия из Петербурга, но никаких других сведений я не имею, кроме того, что в 1845 году она была еще жива». В примечании под этим текстом говорится: «Лет пять или шесть назад, когда печаталось много о княжне Таракановой, я где-то вычитал, что слух о какой-то дочери Елизаветы Петровны существовал в Пучеже. Не относится ли он к упомянутой мною таинственной особе? Если так, то ей было в 1845 году по малой мере 90 лет».¹⁷

Если, говоря о таинственной женщине, граф Бутурлин имел в виду Варвару Миронову, то приведенное им указание, что женщина эта в 1845 году была еще жива, противоречит как имеющейся на описанной выше гробнице дате о смерти инокини Аркадии в 1839 году, так и упомянутой выписке из метрических книг Воскресенской церкви. Так как по смерти инокини Аркадии в Пучеже продолжала жить экономка ее Парасковья Артамоновна Бушуева, то можно думать, что, говоря, что таинственная женщина была еще в 1845 году жива, Бутурлин смешивал ее с названной Бушуевой.

Во всяком случае, говоря о таинственной женщине, живущей в Пучеже, граф Бутурлин, без сомнения, имел в виду Варвару

¹⁵ Садовский, Александр Яковлевич (1850-1926) – историк и краевед, председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (1909-1918).

¹⁶ Бутурлин, Михаил Дмитриевич (1807-1876) – историк и писатель.

¹⁷ Записки графа М. Д. Бутурлина 1839-1842 гг. Русский архив, 1897 г., книга 10. – Прим. авт.

Миронову, и приводимый им слух о княжне Таракановой относится к этой самой именно Варваре Мироновой, что видно хотя бы из того, что, по словам Бутурлина, пучежской страннице в 1845 году было не менее 90 лет. На основании указанной выше метрики Варваре Мироновой в 1845 году, если бы она была еще жива, был 91 год от роду(...)¹⁸

Настоящие материалы приготовлены были для печати в предположении, что какой-нибудь историк или любитель старины воспользуется ими при дальнейшем исследовании вопроса, кто скрывался в действительности в Пучеже под именем Варвары Мироновны и что заставило эту таинственную женщину принять иночество, но не жить в монастыре – а, скрывая и настоящее свое имя и иноческое звание, совершить трудный подвиг одинокой, полной всяких лишений благочестивой жизни при приходской церкви глухого посада Пучежа; была ли она пострижена в монахини добровольно или же была жертвой политической необходимости.

Если под именем Варвары Мироновой действительно скрывалась дочь императрицы Елизаветы Петровны, то не была ли она известной в истории княжной Таракановой¹⁹ (странно показание Парфенова, что всегда чистая, ходившая во всем белом старушка любила тараканов и даже прикармливала их)?

Когда работа по собиранию настоящих материалов была уже закончена, мое внимание обратили на статью М. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже», помещенную в повременном издании «Чтения при Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» за апрель-июнь 1866 года. В этой заметке историк Семевский описывает на основании личного осмотра в Пучеже могилу Варвары Мироновой и передает предание о таинственной пучежской страннице словами местных старожилов, сохраняя оттенки местной костромской речи.

¹⁸ Опущены биографические сведения о князе Грузинском – обширные, но не имеющие прямого отношения к личности монахини Аркадии.

¹⁹ Могила княжны Таракановой по литературным данным находится в Новоспасском монастыре под Москвой. См. брошюру свящ[енника] Василия Руднева «Подвижница Московского Ивановского женского монастыря инокиня Досифея (княжна Тараканова)». Изд[ание] 2-е. Москва, 1896 год. – Прим. авт.

В художественном изложении маститого историка как живой встает в воображении читателя таинственная личность Варвары Мироновой.

С заметкой этой интересно ознакомиться каждому любителю русской старины.

В данном случае важно то, что пучежские старожилы почти за 40 лет до меня рассказывали Семевскому про Варвару Миронову в сущности то же самое, что и мне, но с большими подробностями относительно самой личности покойной, что и понятно, потому что в то время рассказчики отделены были от Варвары Мироновой меньшим временем, чем при мне, предание о ней было, так сказать, свежее. Интересно то, что все рассказчики говорили Семевскому в один голос, что пучежская странница Варвара Миронова была не кто иная как дочь императрицы Елизаветы Петровны, т[о] е[сть] вну[чка] Петра Великого, а мещанка из церковной башни называла даже и отца ее, графа Разумовского.

Затем, как видно из «Заметки», Семевский опрашивал не тех лиц, что я, хотя и из моих рассказчиков некоторые были современниками, лично знавшими Варвару Миронову. При этих условиях сходство рассказов еще более интересно, еще более говорит за достоверность народного предания.

В частности, мне переданы были старожилами и такие эпизоды из жизни Варвары Мироновой, о которых в «Заметке» не упоминается, а именно, мне говорили о двух поездках таинственной женщины из Пучежа в Петербург ко двору и об участии ее в хлопотах пучежан о прославлении «святого Иакова».

Есть ли это факты, бывшие неизвестными прежним рассказчиками, или же это есть результаты развившейся с течением времени около имени Варвары Мироновой народной фантазии – решит будущий историк, который, несомненно, раскроет тайну замечательной пучежской могилы».

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

г. – год

гг. – годы

гл. – главное

д. – деревня

кр-во – крестьянство

об-ва – обществ(о)

р. – рубль

рев-ция – революция

с. – село

уч-ся – учащиеся